А. Н. АПУХТИН

Советский писатель

А. Н. АПУХТИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья и составление
Н. А. Коварского

Подготовка текста и примечания
Р. А. Шацевой

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Р 1
А 78

А. Н. Апухтин (1840—1893) — известный русский поэт второй половины XIX века. Искренность и яркая эмоциональность, сюжетность и драматизм его лирики снискали ему популярность у современников. Многие стихотворения Апухтина входили в декламационный репертуар выдающихся русских артистов. Широкую известность получили романсы П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, А. С. Аренского, С. С. Прокофьева и других композиторов, написанные на слова Апухтина.

В настоящий сборник, являющийся наиболее полным собранием стихотворений А. Н. Апухтина, включены многие ранее не публиковавшиеся произведения поэта.

А. Н. АПУХТИН

Прижизненная и посмертная слава Апухтина двусмысленна и противоречива. О нем отзывались восторженно и уничтожающе, о нем одни говорили — «поэт милостию божией», другие — «поэт-дилетант», и прибавляли: «литературный Обломов». Уже в советские годы один из исследователей писал, что Апухтин «занимает в истории русской поэзии весьма скромное место»,[1] другой — что творчество его «оставило заметный след в истории русской поэзии».[2] А читатель при жизни Апухтина распространял неопубликованные стихи его в списках, а после смерти раскупал одно за другим издания его сочинений. Отзвуки его популярности дошли и до наших дней. И для того чтобы понять причины этой популярности, понять, какое место занимает Апухтин в истории русской поэзии, надо прежде всего отказаться от анекдотов и легенд, сложившихся вокруг его имени, увидеть его подлинный творческий облик.

1

Алексей Николаевич Апухтин родился 15 ноября 1840 года в городе Болхове, Орловской губернии. Отец поэта, помещик, отставной майор, жил неподалеку от Болхова, в родовом своем имении — деревне Павлодар, Калужской губернии. И отец и мать поэта принадлежали к старинным, хотя и не богатым дворянским родам. Апухтин был первенцем в семье. С детства отличался он сла-

---

[1] Вс. Рождественский. А. Н. Апухтин. — А. Н. Апухтин. Стихотворения. «Библиотека поэта». Л., 1938, стр. XVIII.

[2] Л. Афонин. А. Н. Апухтин. — А. Н. Апухтин. Стихотворения. Орел, 1959, стр. 3.

бостью, болезненностью и незаурядными способностями. Он был общим баловнем, и условия, в которых проходило его детство, в самом деле были похожи на те условия, в которых вырос Илюша Обломов.

Модест Чайковский писал о том, какой отпечаток наложила на всю жизнь Апухтина обстановка, в которой протекало его детство: «Эта привычка первенствовать, привитая с раннего детства, избалованность семейного кумира на всю жизнь поэта наложили особый отпечаток в его сношениях с людьми... Правда, что талант, блестящее остроумие и внешние условия его болезненности поддерживали его права на совершенно особенное положение в обществе. Баловнем людей он начал жить, баловнем сошел и в могилу». [1]

Жизнь Апухтина, как мы видим, началась в высшей степени традиционно: детство в барской помещичьей семье, заботы матери, женщины по тем временам весьма образованной и все время свое и все силы отдававшей воспитанию сына, по-видимому заразившей его страстью к чтению, особенно к стихам. У мальчика была превосходная память, множество стихов запомнил он наизусть, наизусть знал Пушкина и Лермонтова. Еще до поступления в 1852 году в Училище правоведения, закрытое учебное заведение, в которое принимали только сыновей из родовитых дворянских семейств и откуда выпускали судейских чиновников и высший персонал министерства юстиции, он уже начал писать стихи, и его, двенадцатилетнего мальчика, называли «будущим Пушкиным».

Училище правоведения в то время, когда туда поступили Апухтин и будущий великий русский композитор П. И. Чайковский (они были близкими друзьями во все годы пребывания в училище), отличалось чрезвычайной суровостью и дисциплины и всей обстановки, в которой жили учащиеся. В числе активных членов кружка петрашевцев оказался и правовед В. А. Головинский. Как и некоторые другие участники кружка, взошел он в 1849 году на Семеновском плацу на эшафот, чтобы услышать смертный приговор, замененный каторжными работами. Училище оказалось «под подозрением». Новым директором его назначен был бывший рижский полицеймейстер, произведенный по этому случаю в генералы, А. П. Языков. Можно себе представить, какую дисциплину ввел он в училище, если Николай I в 1853 году, после посещения учи-

[1] Алексей Николаевич Апухтин. Биографический очерк. — А. Н. Апухтин. Сочинения. 7-е изд., СПб., 1912, стр. VI. В дальнейшем ссылки на это издание даются в сокращенном виде: М. Чайковский. А. Н. Апухтин.

лища, сказал Языкову: «Спасибо! Ты мне из правоведов сделал молодцов!»

В этой суровой обстановке Апухтин оказался, однако, на особом счету. Его способности, его блестящие успехи, как говорит Модест Чайковский, «сразу поставили его в глазах высшего начальства в исключительное положение... Он стал первенствовать в училище, как первенствовал в своей семье. Впечатление, производимое его личностью, доходит до того, что августейший попечитель училища, принц Петр Георгиевич Ольденбургский, удостаивает юношу, не в пример прочим, личными беседами и даже собственноручными письмами».[1] Апухтин пользовался расположением не только принца Ольденбургского, но и директора училища Языкова, который был чрезвычайно склонен к фаворитизму, уравновешивая, впрочем, благоволение к одним воспитанникам преследованием других. Именно по ходатайству Языкова в 1854 и 1855 годах в газете «Русский инвалид» напечатаны были стихотворения Апухтина «Эпаминонд» (оно посвящено памяти адмирала Корнилова) и «Подражание арабскому».

Мы сказали, что жизнь Апухтина началась «традиционно». Но очень разные люди вырастали в этих традиционных условиях. Вспомним детство и отрочество большинства декабристов, Герцена, Огарева. Вспомним слова Герцена о значении творчества Шиллера для юности. Никаких, условно говоря, «шиллеровских» мотивов в ранней лирике Апухтина нет, никакими свободолюбивыми мечтами она не вдохновлена. Наоборот, стихотворения 1852—1856 годов отмечены благонамеренностью и благонадежностью.

Глубокий политический индифферентизм, поклонение вневременным и абстрактным «идеалам прекрасного» — вот что характеризует идейные и творческие позиции Апухтина как в юные, так и в зрелые годы. В немногочисленных его стихотворениях, в той или иной мере отражающих явления современной ему русской действительности, звучат порой филантропические ноты, мотивы сочувствия несчастным, обездоленным «людям-братьям», расплывчатые гуманистические сетования на неустроенность человеческих судеб и несовершенства жизни. Однако и в этих стихотворениях трудно обнаружить отчетливые демократические и тем более политически радикальные настроения. Поэтому заблуждаются некоторые современные исследователи творчества Апухтина, которые, как и биографы П. И. Чайковского, склонны считать, что именно такого рода настроения характерны были для Апухтина в годы его пребывания в учили-

[1] М. Чайковский. А. Н. Апухтин, стр. VII.

ще и что в силу этого он «стал для Чайковского неоценимым источником новых идей».[1]

У нас нет оснований считать, что именно Апухтин сыграл существенную роль в формировании мировоззрения молодого Чайковского. Сам поэт, вспоминая годы дружбы с Чайковским, точно сказал, что именно интересовало их обоих, очень разных по характеру подростков:

> Ты помнишь, как, забившись в «музыкальной»,
> Забыв училище и мир,
> Мечтали мы о славе идеальной?..
> Искусство было наш кумир.
>
> *(«П. Чайковскому»)*

Еще менее оснований полагать, что Апухтин был проводником демократических идей в среде воспитанников училища. Нет сомнения, в училище, где преподавание литературы заканчивалось на Карамзине, Апухтин был популяризатором поэзии и прозы первой половины XIX века, и, вероятно, именно ему обязаны были его друзья по училищу знанием Пушкина, поэтов пушкинской плеяды, Лермонтова. Но вот что характерно: Апухтин, по свидетельству того же М. Чайковского, «никогда не мог понять высокого значения произведений Гоголя и совершеннейшие из них, «Мертвые души» и «Ревизор», считал слабейшими».[2] И это тоже черта антидемократизма молодого Апухтина.

Ободренный успехом своих первых поэтических опытов, Апухтин продолжает писать стихи. В последние годы пребывания в училище он создает ряд стихотворений, отмеченных не только ростом поэтического мастерства, но и в известной мере «веяниями времени».

Энгельс назвал периодом «небывалого отрезвления» годы, когда царизм потерпел жестокое крушение в Крымской войне, «скомпрометировал Россию перед всем миром и вместе с тем самого себя — перед Россией».[3] Со смертью Николая I, почти совпавшей с поражением в Крымской войне, переменилась погода. Казарменный режим в Училище правоведения ослабел. По свидетельству В. П. Мещерского, «грозный Языков уменьшился до своей натуральной величины и уже в 1857 году, по его собственным сло-

---

[1] И. Ф. Кунин. П. И. Чайковский. М., 1960, стр. 46.
[2] М. Чайковский. А. Н. Апухтин, стр. XVI.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 29.

вам, всю свою систему воспитания свел к тому, что каждое утро открывал форточку и нюхал, откуда ветер дует».[1]

Апухтин, отличавшийся чуткостью и восприимчивостью, не мог оставаться равнодушным к разговорам о жестокости крепостного права и о необходимости его отмены, которые велись во всех слоях русского общества, к новым общественным настроениям. Именно в годы, непосредственно предшествовавшие революционной ситуации, написаны стихотворения, объединенные в цикл «Деревенские очерки», который напечатан был в одной из книжек «Современника» за 1859 год. Эти стихотворения, опубликованные в крупнейшем и наиболее революционном журнале той эпохи, не были первыми печатными произведениями поэта, но именно они явились его подлинным литературным дебютом.

Очевидно, в редакции «Современника» с именем Апухтина связывались определенные надежды. Недаром же Некрасов в объявлении «Об издании „Современника"», подписанном им и И. И. Панаевым, перечисляя поэтов, чьи стихотворения будут напечатаны в журнале, назвал Апухтина рядом с собой и Полонским.[2]

В 1859 году Апухтин окончил Училище правоведения. В разгар выпускных экзаменов умерла его мать, что было для него тяжким ударом. По окончании училища Апухтин поступил на службу в министерство юстиции. Дослужившись до должности младшего помощника столоначальника, он в 1862 году уехал в свое родовое имение. Но и литературная деятельность его как бы оборвалась в те же годы. Он печатался в разных периодических изданиях, но в первой половине 60-х годов вдруг замолчал и в последующие годы мало писал и почти вовсе не печатался. Он и вообще не любил публиковать свои произведения, считая, что не только вдохновение, но и рукопись продавать не следует. В переписке со своим другом Г. П. Карцовым, относящейся ко второй половине 80-х годов, он неоднократно затрагивал эту тему.[3]

Ему «противен до гадости» вид напечатанного стихотворения, оно вызывает в нем «совсем особенное болезненное ощущение».[4] О рукописи поэмы «Год в монастыре», возвращенной ему по его же просьбе после набора, он говорит, что она «обесчещена типо-

---

[1] Кн. В. П. Мещерский. Воспоминания. т. 1. СПб., 1897, стр. 63.

[2] Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. 12. М., 1953, стр. 197.

[3] Письма Апухтина к Карцову хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

[4] Письмо к Карцову от 24 февраля 1885 г.

графским станком».[1] Он отказывается от предложенных ему редактором «Северного вестника» пяти рублей за строку, заявляя, что более двух рублей не желает, и оправдывается перед Карцовым: «Мне противно смотреть на свои стихи как на товар, цена которого возвышается и понижается сообразно спросу».[2] Эти мысли Апухтина кажутся для второй половины XIX века по меньшей мере архаизмом, пережитком, нелепостью. Но он действительно никогда не был и не хотел быть профессиональным литератором, который систематически подвергает свои произведения «обесчещиванию типографским станком». Недаром же в некрологе «Русского вестника» сказано было, что он относился к искусству «согласно старым дворянским преданиям — служил ему с гордостью боярина и с презрением к ремеслу литератора».[3]

В 1863 году Апухтин возвращается на службу в качестве чиновника по особым поручениям при орловском губернаторе. В конце своего пребывания в Орле, в марте 1865 года, он прочел две публичные лекции о Пушкине. Отчет об этих лекциях был напечатан в «Орловских губернских ведомостях».[4] Судя по отчету, Апухтин резко полемизировал с Писаревым по вопросу об оценке поэзии Пушкина.

Вскоре Апухтин возвращается в Петербург, номинально зачисляется на службу в министерство внутренних дел и больше не покидает Петербурга до самой смерти. Здесь, в Петербурге, началась его болезнь — тяжелое, неизлечимое ожирение. Болезнь, впрочем, не мешала Апухтину вести светский, рассеянный образ жизни, появляться в светских салонах, в домах, где он играл в карты, даже на спиритических сеансах, очень модных одно время в домах петербургской знати.

Эта рассеянная жизнь лишь изредка прерывается поездками за границу, в имения своих друзей, на Валаам (совместно с П. И. Чайковским), в Святогорский монастырь — на могилу Пушкина.

Потребность быть на людях, не оставаться наедине с собой была, по-видимому, органической потребностью, стремлением уйти от тоски, которая постоянно преследовала Апухтина. В своих письмах он много раз упоминает о тоске, «из которой нет выхода». «Конечно, мне легче сидеть дома и никого не видеть, — пишет он

---

[1] Письмо к Карцову от 2 марта 1885 г.
[2] Письмо к Карцову от 3 октября 1885 г.
[3] «Русский вестник», 1893, № 10, стр. 328.
[4] «Орловские губернские ведомости», 1865, № 16, 18 апреля.

Карцову 31 января 1887 года, — но, с другой стороны, наедине с собою я просто боюсь спятить с ума».

В 70-х годах Апухтин вновь начинает писать и хотя и не печатает стихов, «но уже не скрывает их, как прежде, от друзей, а записывает их в особой книжечке, доступной всем почитателям его таланта».[1]

В литературе он одинок. Сохранилась записка Некрасова 1873 года, в которой он приглашает Апухтина на чтение поэмы «Княгиня Волконская». Чтение это было устроено с целью собрать деньги для больного писателя-демократа Н. А. Благовещенского. Но это, кажется, единственное свидетельство связей и встреч Апухтина с литературной средой. Он далек от передовых общественных групп и враждебно настроен по отношению к демократической мысли и литературе, к революционному движению и народничеству. Однако, верный своей пассивной позиции, он уклоняется от участия в идейно-политической и литературной борьбе, живет «сам по себе».

В 80-х годах к Апухтину пришел успех. К этому времени относятся письма его, рассказывающие о том, как редакторы журналов сами предлагали ему увеличить гонорар, если он согласится предоставить в распоряжение редакции новые свои стихотворения. В 1886 году вышел первый сборник его стихотворений, изданный в количестве трех тысяч экземпляров. По тем временам для книги стихов это был значительный тираж, и разошелся он в короткий срок.

Успех Апухтина в 80-х годах не случаен. Это были годы, которые Блок назвал «глухими». Страна переживала период, когда

В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...

Но эта трагедия страны, переживавшей период исключительно тяжкой политической реакции, была не единственной трагедией. Одновременно шел процесс идейного и организационного распада народничества. Он сопровождался понижением общественной активности в среде интеллигенции, пассивным приспособлением к реакции многих ее слоев, широким распространением чувства угнетенности, бессмысленности, безнадежности борьбы, распространением упадочнических идей и настроений. «Тяжелые серые тучи реакции

---

[1] М. Чайковский. А. Н. Апухтин, стр. XII.

плыли над страной, — писал об этой эпохе Горький, — гасли яркие звезды надежд, уныние и тоска давили юность, окровавленные руки темной силы снова быстро плели сети рабства». [1]

Однако, несмотря на тяжесть реакции и кризис народничества, эти годы отнюдь не были трагически безысходными, и Ленин недаром писал, что «в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III!» [2] Именно в эти годы возникла первая марксистская организация в России, группа «Освобождение труда». Близился огромный общественный подъем, близки были годы создания подлинно революционной партии пролетариата.

И в русской литературе, и в русской музыке, и в русской живописи этой эпохи создан был целый ряд выдающихся произведений искусства, выдвинулись новые имена. Художественная проза этих лет создается и писателями старших поколений, начавших свой литературный путь в предшествующие десятилетия (Лев Толстой, Щедрин, Лесков, Глеб Успенский, писатели-народники), и писателями, либо незадолго до 80-х годов, либо именно в эти годы вступившими в литературу (Гаршин, Короленко, Чехов).

И только в поэзии после смерти Некрасова наступает явный и ощутимый упадок. Очевидно, ни в одной области литературы общая трагическая атмосфера эпохи, идейный кризис 80-х годов не сказались с такой силой, как в поэзии.

Кризис народничества вызвал прежде всего оскудение гражданской поэзии, которая в эти годы представлена была творчеством учеников и последователей Некрасова — Надсона, Якубовича, Трефолева. Продолжали писать ветераны старшего поколения «чистой поэзии» — Фет, Полонский, Майков. Но их поэтические индивидуальности сложились много ранее, и период творческих открытий для них уже миновал. Можно назвать сравнительно много имен представителей младшего поколения «чистой поэзии», но и среди них не было больших поэтов. Поэзия «младших» как раз и показательна в высшей степени для периода тяжелой реакции, растерянности, упадка. На этом фоне творчество Апухтина представляется явлением приметным и одновременно характерным для эпохи. Блок в планах поэмы «Возмездие» дважды упоминает «апухтинскую нотку» и «апухтинское» именно в тех записях и на-

---

[1] М. Горький. Заметки о мещанстве. — Собрание сочинений, т. 23. М., 1953, стр. 353.

[2] В. И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Сочинения. 4-е изд. т. 10, стр. 230.

бросках, которые посвящены 80-м годам.[1] «Апухтинское» для него — вовсе не только темы и настроения, отразившиеся в произведениях Апухтина 80-х годов, нет, под этим словом подразумевается и грусть и пессимизм апухтинских элегий, написанных в предыдущие годы, и романсы. Короче говоря, в его представлении «апухтинское» есть нечто соответствующее эпохе, один из ее характерных признаков. И это представление справедливо.

В последние годы жизни Апухтин занялся прозой, начал было роман из эпохи Николая I, но отложил его и не успел закончить. Вслед за тем, с 1890 по 1892 год, он пишет одну за другой три повести: «Из архива графини Д.», «Дневник Павлика Дольского», «Между жизнью и смертью». Эти повести Апухтин неоднократно читал сам, преимущественно в петербургских светских салонах, однако печатать их отказывался, и они при его жизни так и не увидели света.

Умер Апухтин от водянки в августе 1893 года. Умирал он тяжело, сутки напролет дремал в кресле, почти не двигаясь. Изредка он просыпался «и тогда немедленно, не говоря ни про что другое, начинал декламировать Пушкина, и только одного Пушкина».[2]

2

В ранних стихотворениях Апухтина и в письмах поры молодости мы находим многочисленные высказывания о природе поэзии, о положении и назначении поэта, которые представляют собою традиционные и отнюдь не ему принадлежащие формулы, повторявшиеся решительно всеми сторонниками «чистой поэзии», от признанных и крупных поэтов до эпигонов. Надо сказать, впрочем, что формулы эти не были новыми и оригинальными уже и к моменту возникновения самого направления «чистой поэзии».

У романтиков заимствовано то противопоставление толпы и поэта, которое Апухтин повторяет и развивает уже в одном из ранних своих стихотворений «Два поэта», написанном в четырнадцать лет, у романтиков заимствован и мотив равнодушия к прижизненной и посмертной славе. В стихотворении, посвященном одному из видных представителей «чистой поэзии», Н. Ф. Щербине, Апухтин воскрешает и традиционный мотив романтической поэ-

---

[1] Александр Блок. Собрание сочинений, т. 3. М.—Л., 1960, стр. 462, 464.

[2] А. Жиркевич. Поэт милостию божией. — «Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 504.

зии — мотив страны, «где было всё так юно и прекрасно», античности, противопоставленной современности. Каждое утверждение в этом стихотворении полемически подразумевает отрицание той жизни, среди которой вынужден существовать поэт. Десять лет спустя после того, как было написано это стихотворение, Апухтин пишет экспромт «К Гретхен», по поводу первого представления оперетты «Petit Faust», в которой пародировались герои и сюжет «Фауста». Этот стихотворный экспромт содержит прямые обвинения XIX веку, который хочет «бесценный мрамор грязью забросать» и наклеить печать пошлости «на всё, что чисто и высоко». И еще через одно десятилетие повторит он те же обвинения своему времени, «когда в грязи и лжи возникшему кумиру пожертвован везде искусства идеал...» («Графу Л. Н. Толстому»). Последовательно — в годы молодости, в годы зрелости и в конце жизни — Апухтин повторяет эти темы и мотивы, остается им неизменно верен. Аналогичные мотивы легко можно обнаружить в творчестве Алексея Толстого и Щербины, Фета и Полонского. Тема конфликта между толпой и поэтом, тема враждебности века красоте и искусству, тема одиночества поэта, его несогласия с толпой и веком — все это общие места в творчестве представителей «чистой поэзии», все это темы и мотивы, заимствованные ими у романтиков, у Пушкина, у Лермонтова. Но для Пушкина, как и для Лермонтова, противопоставление толпы и поэта отнюдь не означало отказа от связи с народом, от служения народу, и под чернью они никогда не подразумевали народ.

А для представителей «чистой поэзии» противопоставление поэта и толпы, поэта и времени, осуждение века означали разрыв с демократической аудиторией, отказ от какого бы то ни было участия в общественной борьбе, отказ от общественно актуальной тематики. И вот что характерно: заимствуя эти мотивы у поэтов предшествующих поколений, сторонники «чистого искусства» не только придавали им значение, далекое от того, которое имели они у романтиков и у Пушкина, но и стирали, снимали конкретность, точную направленность этих мотивов. Чтобы установить это, достаточно сопоставить стихотворение «Последний поэт» Баратынского со стихотворениями сторонников «чистой поэзии», развивающими ту же тему. У Баратынского высказана частая в творчестве романтиков мысль о враждебности «промышленного» века, т. е. века капитализма — искусству; у поэтов школы «чистого искусства» конкретность исторической характеристики века снята, оставлены только самые общие очертания темы, приобретающей таким образом внеисторический, вневременный характер.

Говоря о творчестве младшего поколения представителей «чистой поэзии» — А. Н. Апухтина и А. А. Голенищева-Кутузова, Д. Н. Цертелева и С. А. Андреевского, — критики самых разных направлений указывали, что все они страдают «отсутствием самостоятельности, безличностью»,[1] что их произведения представляют собой отражение «еще дрожащего звука великой поэзии минувших дней».[2]

Знакомясь со стихотворениями молодого Апухтина, значительная часть которых впервые появляется в настоящем издании, мы в каждом отдельном случае легко можем обнаружить источники его вдохновения. В стихотворении «Поэт» буквально повторены и общая мысль, и отдельные строчки пушкинского «Поэта»; «Подражание арабскому» — наивно-ученическое подражание Лермонтову. Можно было бы привести еще множество примеров, свидетельствующих о несамостоятельности его творчества, но в этом нет нужды. Важно отметить только, что этот подражательный период принес Апухтину легкость версификации, которую критика 80—90-х годов, т. е. той эпохи, когда он был воскрешен из забытых поэтов, называла «изяществом стиха, почти всегда мелодичного, льющегося плавно и свободно».[3] Как часто, впрочем, бывает, отрицательная критика была и в данном случае точнее положительной: «Стихи Апухтина звучны и гладки, а его проза легка и изящна. Он был хороший стилист и хороший версификатор».[4] Именно версификационная легкость возникла в результате того, что Апухтин в 50-х годах, с необыкновенной для его возраста начитанностью в поэзии, научился легко и свободно писать стихи «в манере» того или другого поэта, неоднократно используя уже знакомые, не им найденные элементы стиля — чужие метафоры, чужие эпитеты, чужие мотивы.

Среди этих подражательных, наивно-ученических стихотворений есть такие, которые могут быть восприняты как пародия. Верность оригиналу, с которого «списано» стихотворение, приводит иногда к тому, что оригинал предстает как бы отраженным в кривом зеркале. Таково стихотворение «Шарманщик»:

---

[1] А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. 3-е изд. СПб., 1897, стр. 490.

[2] А. Л. Волынский. Борьба за идеализм. СПб., 1900, стр. 329 (статья «Поэт любви»).

[3] К. Арсеньев. Критические этюды по русской литературе, т. 2. СПб., 1888, стр. 134.

[4] М. А. Протопопов. Писатель-дилетант. — «Русское богатство», 1896, № 2, стр. 46.

...Шарманщик, сгорбленный под гнетом тяжкой ноши,
Едва, едва бредет с поникшей головой...
И тонут, и скользят в грязи его калоши...
...Он видит вечный Рим. — Там в рубище торговка
Сидит на площади, печальна и бледна;
Склонилася на грудь кудрявая головка,
Усталости томительной полна...
С ней рядом девочка...

В действительности это не пародия ни по существу, ни по намерению. Наоборот, некоторые тенденции творчества молодого Апухтина, при всем его эпигонстве, заставляют нас предположить, что мы имеем здесь попытку наметить какие-то новые пути, новые принципы трактовки темы, да и новую тематику. Тяготение к «бытовой» лексике, к «низкой натуре», к ординарному житейскому «случаю» как основе темы станет впоследствии одной из характерных черт поэтики зрелого Апухтина.

Приведем еще один пример. Стихотворение «На Неве вечером», будучи бесспорно подражанием «Вечеру» Жуковского, содержит какие-то черты, не совпадающие с особенностями элегии Жуковского, с принципами его поэтики. Жуковский «рисует душу, воспринимающую природу, а не самое природу, выражает отношение к предмету более, чем предмет».[1] Вот почему пейзажи Жуковского — это всегда «пейзажи души». В отличие от элегии Жуковского, стихотворение Апухтина отнюдь не «пейзаж души», но конкретное, изобразительно точное описание переправы через Неву. Обрамляющие строфы стихотворения заключают в себе точные указания на те признаки, которыми сопровождается отплытие от одного берега и подход к другому. Здесь прилагательные, в отличие от эпитетов элегии Жуковского, предметны, конкретны, логически обоснованны: «немая сторона», от которой отплывает лодка, именно потому «немая», что «шум толпы замирает». Вторая строфа содержит описание признаков времени («Уж заревом полнеба облегло»), когда происходит переправа. И здесь эпитеты отнюдь не «распредмечены», но, наоборот, предметно-определенны. И только третья строфа является своеобразной данью субъективно-романтической манере — «неведомая даль», «неясные мечтанья», «радость томная», «светлая печаль», «непонятные желанья», т. е. действительно близка семантическим принципам Жу-

[1] Г. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 38.

ковского. А в четвертой строфе — снова возвращение к лирически-описательному сюжету стихотворения.

Таким образом, даже среди этих подражательных версификационно-легких стихотворений встречаются стихи, которые, как приведенный «Шарманщик» или «На Неве вечером», содержат в себе элементы иного стиля, обращение к иным принципам поэтики, частности, приметы, которые выходят за грань ученических намерений и заданий молодого поэта. Эти новые для Апухтина мотивы, свойственные реалистической лирике, «низкая» лексика, жанровые сцены, строение стиха, свободное от ритмико-синтаксических параллелей и повторов, разговорный синтаксис, сближение стиха и повествования, бытовые подробности, часто неожиданно встречающиеся в стихе, исполненном подробностей условных, так сказать, специально поэтических, — сближают некоторые стихотворения Апухтина с творчеством поэтов некрасовской школы:

Я иду через площадь... Звездами
Не усыпано небо впотьмах...
Только слякоть да грязь пред глазами,
А шарманки мотивы в ушах.

(«Шарманка»)

Крупный дождь в окно стучит;
Все попрятались от стужи,
Только слышно, как чрез лужи
Сонный ванька дребезжит.

(«Май в Петербурге»)

В стихотворении «Петербургская ночь» (1856) характерно некрасовское противопоставление внешне нарядного облика города его внутренней сущности:

Город прославленный, город богатый,
　　Я не прельщуся тобой.
Пусть твоя ночь в непробудном молчаньи
　　И хороша и светла, —
Ты затаил в себе много страданья,
　　Много пороков и зла.
Пусть на тебя с высоты недоступной
　　Звезды приветно глядят,
Только и видят они твой преступный,
　　Твой закоснелый разврат.

Стихотворение развивается как иллюстрация этой общей мысли — описание пышного чертога, в котором происходит свадьба, наряда невесты, а рядом — «поседелый жених»;

Как-то неловко глядят молодые,
    Холодом веет от них.
Плачет несчастная жертва расчета,
    Плачет... Но как же ей быть?
Надо долги попечителя-мота
    Этим замужством покрыть...

И следующая иллюстрация — описание того, как умирает «труженик бедный искусства в комнатке грязной своей». И наконец, еще одна — «рослый мужик с топором» пробирается по глухому переулку:

Он не на деньги блестящие жаден,
    Не на богатство; как зверь,
Голоден он и, как зверь, беспощаден...
    Что ему люди теперь?

Стихотворение заканчивается буквальным повторением первых двух строф, рисующих красоту петербургской ночи, только поставленных в обратном порядке. Будучи повторенной, тема «чудной» петербургской ночи приобретает теперь иной смысл, иной оттенок, почти иронический. Может быть, ни в одном из стихотворений, написанных в пору отрочества и юности, Апухтин не был так близок некрасовской школе, как в «Петербургской ночи».

Одна из характерных особенностей этой юношеской лирики заключается в том, что признаки, роднящие ее с гражданской поэзией, даны в контексте традиционных мотивов и образов «чистой» лирики. Так, в стихотворении «К пропавшим письмам», представляющем собою лирический монолог, в котором поэт оплакивает «заветные листы, воспоминанья дорогие», и не включающем никаких социальных мотивов, разработанном только в личном плане, неожиданно сравнение, заключенное в первых двух строках:

Как по товарищу недавней нищеты
    Друзья терзаются живые...

Так, в стихотворении «Успокоение» первая строфа находится в резком противоречии со второй.

Я видел труп ее безгласный!..
Я на темневшие черты —
Следы минувшей красоты —
Смотрел и долго и напрасно!
А с поля говор долетал,
Народ толпился в длинной зале,
Дьячок, крестясь, псалтырь читал,
У гроба женщины рыдали,
И, с бледным отблеском свечи
В окне сливаясь незаметно,
Кругом вечерние лучи
Ложились мягко и приветно.

Казалось бы, эта первая строфа — только экспозиция, только начало сюжета, который расскажет о той, чей «безгласный труп» видел автор. В сущности, мы вправе предположить, что перед нами одна из тех историй потрясенных грубостью жизни женских душ, которые сломились среди окружающей житейской прозы, историй частых и традиционных для литературы 40-х и 50-х годов. Однако вторая строфа решительно отходит и от прозаически-повествовательного характера первой, и от намеченной в ней истории героини и переводит стихотворение в план другой темы — темы равнодушия природы к судьбе человека:

И я, смущенный, в сад пошел...
(Тоска и страх меня томили.)
Но сад всё так же мирно цвел,
Густые липы те же были...

И в ранних и в позднейших стихотворениях Апухтина мы не раз встретим такой «обманный» сюжет, сюжет с опущенными звеньями, с логически неясной связью мотивов, заставляющей воспринимать отдельные ситуации как обрывки какого-то смутного целого, как случайные внешние знаки глубокой внутренней драмы. Отдельные мотивы в этой логически неясной общей связи подобны отдельным словам, которые используются в стихотворении не по признаку прямого, терминологического своего значения, но по эмоциональной своей окраске. Именно так использованы отдельные мотивы в стихотворении «На голове невесты молодой...» (1858). Иррациональность этого построения подчеркнута автором:

Бог знает отчего, носились предо мной
Все жизни прежней черные мгновенья.

И дальше идут отдельные эпизоды — шумная беседа за «пиром молодым», одиночество и убийственная тоска, пребывание с другом «печальным и больным», его «пустынные рыданья среди пустынной тишины». Иные из этих эпизодов выражены в простейшей форме: «смеркается... пылит дорога», мотив исчерпывается несколькими словами, логически не связанными ни с предыдущим, ни с последующим эпизодами. В финале автор превращает все эти тревожные картины прошлого в предсказание будущего, обращенное к ситуации, которой начинается стихотворение:

Приподнятый венец дрожал в моей руке,
И сердце верило пророческой тоске,
Как злому вестнику страданья.

Единство стихотворения основано здесь не на единстве сюжета, принципа развития темы, но только на единстве эмоционального тона стихотворения, на единстве настроения. Если бы стихотворение было написано не Апухтиным, но кем-нибудь из прямых последователей некрасовской школы, нет сомнения, ситуации и мотивы таких стихотворений, как «Успокоение» или «На голове невесты молодой...», вошли бы как звенья единой цепи в повествование о несчастливой судьбе героя или героини, судьбе, которая была бы социально осмыслена. Как мы видели, в стихотворениях Апухтина встречаются только отголоски этих социальных мотивировок, ослабленные в своем общественном звучании.

Чем ближе к периоду общественного подъема конца 50-х годов, тем чаще сказывается в творчестве Апухтина влияние Некрасова. Особенно явственно звучит оно в гражданских мотивах и лирико-публицистических формулах некоторых стихотворений из цикла, напечатанного в «Современнике».

И ты... что будешь ты, страна моя родная?
Поймет ли твой народ всю тяжесть прежних лет?
И буду ль видеть я, хоть свой закат встречая,
Твой полный счастия рассвет?

(«Прощание с деревней»)

Братья! Будьте же готовы,
Не смущайтесь — близок час:
Срок окончится суровый,
С ваших плеч спадут оковы,
Перегнившие на вас!..

(«Селенье»)

Последние две строки были вымараны цензурой. Та же судьба постигла и стихотворение «Песни»:

Льются смелей заунывные звуки,
Полные сил молодых,
Многих годов пережитые муки
Грозно скопилися в них...

Так вот и кажется, с первым призывом
Грянут они из оков
К вольным степям, к нескончаемым нивам,
В глубь необъятных лесов.

Второе четверостишие из приведенного отрывка было полностью вычеркнуто.[1]

Цикл «Деревенские очерки», как и три стихотворения, опубликованные в другом номере «Современника», очень разнороден. «Селенье» напоминает политическую лирику 20-х годов, но рядом с ним напечатана идиллия «Грусть девушки», по стиховым признакам близкая Кольцову; «Первой розе» — характерное для «чистой лирики» стихотворение; написанный шестистопным хореем «Проселок», если бы мы не знали его автора, легко мог бы быть принят за стихотворение Никитина; стихотворение памяти Пушкина — «19 октября 1858 года» — несомненно написано под влиянием лермонтовского «Смерть поэта». В цикл включено и такое стихотворение, как «Посвящение», которое представляет собою нечто вроде монолога у могилы матери, исповеди перед покойным и неназванным другом. Стихотворение исполнено не всегда ясной символики. Никакого точного аллегорического смысла ни «желанный берег», ни «роковая дверь», очевидно, не имеют. Это привычные словосочетания, узаконенные поэтической традицией. Благодаря многозначности этих сочетаний (и не только приведенных, но и таких, как «отважно кинусь я на бой», «в боях неопытный боец» и др.) стихотворение может быть прочитано в разных ключах, разное можно подразумевать и под «роковой дверью», и под «желанным берегом»; можно приписать тому другу, к которому обращена исповедь поэта, разные биогра-

[1] Добролюбов в письме к И. И. Бордюгову от 20 сентября 1859 года (Рукоп. отд. Института русской литературы АН СССР) сообщает эти вымаранные цензурой строки из обоих стихотворений Апухтина, «молодого правоведа, подающего надежды». Письмо было опубликовано Н. Г. Чернышевским в книге «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова в 1861—1862 годах», т. I. М., 1890, стр. 533—534, однако замечания о стихах Апухтина в печатный текст письма не вошли.

фии. «Посвящение» относится к тому типу стихотворений, в основе которых — сюжет или биография, но не связанные, логически не развитые, заставляющие только догадываться о реальности, которая стоит за стихами.

Часто мы принимаем картину развития творчества поэта, которая открывается нам только в итоге сложного и кропотливого литературоведческого исследования, за предопределенную судьбу поэта, за своеобразный закон его развития. Апухтин выступил как последователь школы «чистой поэзии», и по многим основным вопросам поэзии взгляды его никогда не расходились с программой этой поэтической школы. Но были в его творчестве черты, свидетельствующие о том, что в некоторые периоды, особенно в конце 50-х — начале 60-х годов, поэзия его была открыта другим влияниям, влиянию гражданской лирики, некрасовского направления. И этот период отнюдь не бесследно прошел для всего его дальнейшего творческого пути, хотя уже вскоре после того, как напечатаны были в «Современнике» его стихотворения, события общественно-политической и литературной жизни заставили Апухтина «самоопределиться» и выступить против «Современника», против мировоззрения революционной демократии.

В 1858 году Тургенев написал ответ на оставшееся неизвестным письмо Апухтина: «Я очень сочувствую Вам — потому что, как Вы справедливо заметили, сам бегал по той же дорожке — но менее сочувствую Вашей грусти; эта грусть — неизбежная спутница молодости, которая оттого именно и бьется так, что не в состоянии совладать с собственным богатством... Вам теперь некогда и не для чего горевать; Вам предстоит большая обязанность перед самим собою: Вы должны *себя* делать, человека из себя делать — а там что из Вас выйдет, куда Вас поведет жизнь — это уже предоставьте Вашей природе: Вы будете правы перед самим собою. Думайте меньше о своей личности, о своих страданиях и радостях; глядите на нее пока как на форму, которую должно наполнить добрым и дельным содержанием; трудитесь, учитесь, сейте семена: они взойдут в свое время и в своем месте». Критикуя присланные Апухтиным стихи, Тургенев повторяет: «Продолжайте писать стихи — кто знает? может быть, Ваше призвание — быть поэтом; но не печатайте их и не предавайтесь *membership*...»[1] Путь, избранный Апухтиным, был диаметрально противоположен тому направлению, которое советовал ему избрать Тургенев.

---

[1] И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 12. М., 1958, стр. 302—303.

В том же году, когда было написано тургеневское письмо, Апухтин пишет стихотворение со знаменательным названием «Мое оправдание». В сущности, это отнюдь не оправдание, а прямая полемика с гражданской поэзией и прямая защита той эпигонско-элегической тематики, которую возлюбила муза Апухтина. «Вы должны *себя* делать, человека из себя делать», — советовал Тургенев и предостерегал против *мленья грусти,* т. е. против субъективизма лирики, против погруженности в замкнутый мир личных переживаний, против отъединенности поэзии от жизни, против ее антиисторизма, против, наконец, той тематики, которой посвящены были многие стихотворения Апухтина, написанные и до и после стихотворения «Мое оправдание». [1]

Такая же, только уже открыто воинственная, а не имеющая форму самооправдания полемика содержится и в стихотворении «Современным витиям», напечатанном в 1862 году в журнале «Время»:

Посреди гнетущих и послушных,
Посреди злодеев и рабов
Я устал от ваших фраз бездушных,
От дрожащих ненавистью слов!
Мне противно лгать и лицемерить,
Нестерпимо — отрицаньем жить...
Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!

Весь смысл стихотворения заключается в отказе поэта от общественной борьбы, в проповеди христианско-филантропических способов лечения социальных болезней и зол.

Если нужен прозаический комментарий к этому стихотворению, то им может служить письмо Апухтина к П. И. Чайковскому, написанное в 1865 году: «Ты... как наивная институтка, продолжаешь верить в «труд», в «борьбу»! Странно, как ты еще не упомянул о «прогрессе»?! Для чего трудиться? С кем бороться? Пепиньерка,

---

[1] Нас не должен смущать тот факт, что и «Мое оправдание», и многие стихотворения из цикла «Деревенские очерки» написаны были почти одновременно. Наоборот, эта одновременность создания ряда далеких по своим тенденциям стихотворений (одновременно с некоторыми стихотворениями этого цикла было написано и стихотворение «Греция», посвященное Щербине и являющееся своеобразным манифестом «чистой поэзии») свидетельствует о том, что в творчестве Апухтина до известного периода существовали рядом разные возможности развития. Эти возможности были в разной мере и в разной степени реализованы в последующие годы.

милая, убедись раз навсегда, что «труд» есть иногда горькая необходимость и всегда величайшее наказание, посланное на долю человека, что занятие, выбранное по вкусу и склонности, не есть труд, что музыкальная деятельность для тебя такой же труд, как для госпожи Н. разговоры М. или для М. покупка нового галстуха. Неужели же то, что я любуюсь красотой X., считать тоже трудом? Недурен также совет заняться литературой: в те времена, когда «en Russie quelques gentillhommes s'occupaient de littérature», я еще мог быть писателем, но теперь никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и... семинаристами! Для меня в современной русской литературе есть только одно священное имя: Лев Толстой. Остальное все от Каткова до Писарева стоит в моем мнении наравне с Волынским и Австрийским полками».[1]

И стихотворение «Современным витиям», и письмо Апухтина к Чайковскому означали окончательный отказ от какого бы то ни было родства с «Современником». Апухтин убедил себя, что он в ссоре с временем, что он может служить только «чистому искусству», к которому враждебно относится демократический лагерь, что истинный поэт должен оставаться «вне литературных партий и направлений».

Впоследствии Апухтин резко и недвусмысленно сформулировал свои разногласия с Некрасовым: «Оттого, что Некрасов служил только спросу минуты, его забывают и через двадцать лет совсем забудут. Такова судьба тех, кто не служит вечным идеалам и приносит дары минутным кумирам... В то время, когда Пушкин останется бессмертным, Некрасовы, Надсоны, Плещеевы забудутся и, во всяком случае, не стяжают себе вечной славы».[2]

3

В 60-х годах меняется круг тем, которым посвящены апухтинские стихотворения. Он становится и уже и одновременно пестрей. Впечатление такое, словно Апухтин, отказываясь от социальной тематики, обращается к самым различным жанрам — к романсу, к исторической балладе, иногда, словно по инерции, к темам, кото-

---

[1] М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 1. М., 1900, стр. 242. «En Russie...» — «В России несколько дворян занималось литературой» (франц.).

[2] А. В. Жиркевич. Поэт милостию божией. — «Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 490.

рые разрабатывал несколько лет назад (еще одна «Петербургская ночь»), но неизменно возвращается к элегии. И чем дальше отходит он от дней, когда печатался в «Современнике», тем больше замыкается в своем внутреннем мире, тем чаще встречаемся мы в его творчестве с личными, узко-субъективными темами.

Надо ли оговаривать, что элегия Апухтина ничего общего не имеет с гражданской элегией Некрасова или Плещеева. У них разные темы и разные источники. Тема печали, скорби, грусти, вызванной тяжкой судьбой народа, скованного рабством и нищетой, вызванной многими жертвами в борьбе за народное освобождение, — вот одна из основных тем и Некрасова, и Плещеева, и Никитина, и Михайлова, и эта тема решительно чужда элегической лирике Апухтина. Как мы видели, он сознательно отказался от этой темы в стихотворении «Мое оправдание». И в этом же стихотворении страдающим от нищеты, тем, «кто жизни яд по капле выпивал», противопоставлены были души, которые гнетет «тяжелое сомнение», которые утратили «веру в счастье» и не нашли «желанного участья».

Слову «сомнение» в русской поэзии 40—60-х годов стоило бы посвятить отдельную работу. Смысл этого слова в поэзии Апухтина решительно не совпадает с тем смыслом, который имел он в поэзии Огарева или Плещеева. Для последних это слово связано было с мучительными переживаниями, вызванными оторванностью от народа, поисками путей к его освобождению; для Апухтина это очень часто применяемое им слово было только знаком безверия, отсутствия какой бы то ни было жизненной цели, невозможности разобраться в сложности собственной душевной жизни. Он сам назвал свою тоску бесплодной, а музу — «безотрадно плакучей».

Элегия — основной жанр в творчестве Апухтина. Разумеется, правы исследователи, утверждающие, что к 60-м годам «жанровое поэтическое сознание давно уже отошло в прошлое и проявлялось только в очень архаических литературных фактах. Писали стихи, проникнутые элегическими настроениями, но не было уже элегии как таковой; появлялись одические интонации и темы, но оды не существовало и т. д.» [1] Конечно, ни элегия 60—70-х годов, ни апухтинская элегия нисколько не походили на элегическую лирику начала века. Однако в творчестве Апухтина как бы заново возникают устойчивые, повторяющиеся признаки элегического жанра.

Прежде всего у Апухтина есть повторяющаяся тема, мысль,

---

[1] И. Г. Ямпольский. Поэзия шестидесятых годов. — История русской литературы, т. 8, ч. 2. М.—Л., 1956, стр. 17.

повторяющееся настроение, из стихотворения в стихотворение кочующая философия. Об этом писали все критики Апухтина, все исследователи его творчества, об этом писали при жизни его и после его смерти. В резко враждебной Апухтину статье М. Протопопова «Писатель-дилетант» высмеиваются элегические мотивы его поэзии, его меланхолия, его пессимизм. Критик называет Апухтина «манфредствующим школяром»: «Зачем страдания, зачем сама жизнь, если все должно кончиться смертью? Это один из тех вопросов, которые могут занимать и мудреца и глупца. Кант писал о бессмертии, но и глупый, вечно пьяный капитан Лебядкин («Бесы») говорил, что «вся природа, вот уже семь тысяч лет, бесполезно взывает к своему творцу: *«почему»?* Не будучи ни Кантом, ни Лебядкиным, Апухтин ставил этот вопрос просто как красивую форму для выражения ощущения, которое обыкновенный, прозаический человек выразил бы в бесхитростном восклицании: ой, жить хочется! ой, смерти боюсь!»[1]

Нельзя отказать этому отзыву в остроумии и проницательности. Критик не только отрицает и разоблачает центральную мысль элегий Апухтина, но как бы ставит под сомнение самый строй чувств, выражением которых является эта мысль, лишает их права быть поэзией, а самому лирическому «я», лирическому герою апухтинских элегий отказывает в праве на размышление. И в сущности, ту же идею развивает в своем апологетическом этюде об Апухтине критик П. Перцов, редактор и составитель выпущенной в 1895 году антологии «Молодая поэзия» и автор опубликованной годом позже книги «Философские течения русской поэзии». В одном из этюдов этой книги Перцов, приведя цитату из стихотворения Апухтина «Праздником праздник»:

И нет в тебе теплого места для веры,
И нет для безверия силы в тебе! —

пишет: «Вот разгадка духовного состояния Апухтина: его угнетало не только отсутствие веры, но и отсутствие безверия, т. е. того или иного определенного миросозерцания. Безверие, подобно вере, требует известной душевной силы... Внутренний же недуг Апухтина носит другое имя: это — унылое, безразличное состояние духа, подрезывающее его крылья, пригнетающее человека к земле. В этой «оброшенности», говоря выражением Салтыкова, Апухтин, есте-

[1] М. А. Протопопов. Писатель-дилетант. — «Русское богатство», 1896, № 2, стр. 56.

ственно, должен был уйти с головой в мир личных ощущений и тревог, их повышенной интенсивностью выкупая недостаток других впечатлений».[1]

Любопытно, что Перцов, критик, который был одним из предшественников русского поэтического модернизма, широко прокламировавший творчество представителей «чистой поэзии» и старшего и младшего поколений, проводит все же резкое различие между Апухтиным и «старшими». Он справедливо утверждает, что те мысли, тот пафос, которыми воодушевлена поэзия Тютчева, Фета, Полонского, решительно чужды Апухтину. «Монотонные сумерки апухтинской осени», — говорит он об его творчестве, — «безнадежность Апухтина».[2]

Все писавшие об Апухтине отмечают элегическую меланхолию и отсутствие глубины, пафоса, сильного чувства в его поэзии, устойчивость и постоянство мотивов, к которым, собственно, сводилось содержание элегий, мотивов, переходивших с вариациями из одного стихотворения в другое. Об этой скудости содержания поэзии Апухтина еще в конце 80-х годов говорил К. Арсеньев, отмечая, что «сравнительная бедность мотивов неизбежно влечет за собой повторения, не всегда свободные от банальности».[3]

Как итог этих однообразно повторявшихся мотивов возник и лирический герой элегий Апухтина, сложилось то лирическое «я», которое неизменно в каждой новой элегии наделялось все теми же чертами, и читатель, встречаясь с новыми произведениями Апухтина, узнавал его как старого знакомого.

Борьба против «мелкотемья», за высокую и значительную тему в поэзии была одним из самых важных пунктов в полемике представителей революционной демократии с поэтами и критиками школы «чистой поэзии». Она была одновременно и борьбой за тип поэта, за личность поэта. О том, что речь шла именно о личности, образе поэта, о герое лирики, характере лирического «я», свидетельствует отзыв Писарева о поэзии Гейне, пафос которой «заключается в неотразимом обаянии той сильной, богатой, нежной, страстной, знойной, кипучей и пылающей личности, которая смотрит на вас во все глаза из-за каждой строки, как бы ни была эта строка ничтожна или безумна. Что-то дышит, что-то волнуется, что-то смеется и плачет, что-то томится и кипит во всех этих хаотических

---

[1] П. Перцов. Философские течения русской поэзии. СПб., 1896, стр. 353.

[2] Там же, стр. 350.

[3] К. Арсеньев. Критические этюды по русской литературе, т. 2. СПб., 1888, стр. 138.

образах, во всей этой дикой гармонии шальных и разнообразных слов».[1]

И не случайно именно о типе поэта, личности его, убожестве лирического героя писал один из критиков, отрицательно относившихся к поэзии Апухтина: «Нравственно-литературный тип, к которому принадлежал Апухтин, совсем не новый... Это тип добродушных людей, остроумных собеседников и тонких эстетиков... Люди этого типа могут быть счастливы при какой угодно исторической обстановке. К людям они равнодушны, они неравнодушны только к себе. Всякие великие идеи, всякие высокие лозунги и слова, всегда хорошо им известные, для них не более, как довольно обильный источник приятных эстетических эмоций... Это прирожденные сибариты и эпикурейцы... Они «замыкаются в себе», т. е., собственно, у себя, в четырех стенах своего комфортабельного кабинета, почитывают, пописывают, порисовывают, поигрывают и, дожив до срока, умирают или от несварения в желудке, или от ожирения. В мире теней их с родственным радушием приветствует тень Ильи Ильича Обломова».[2]

И все же элегии Апухтина составляют один из наиболее приметных и интересных разделов его творческого наследства, и нужно внимательно присмотреться к ним, чтобы понять особенности их поэтики.

Существуют различные принципы, способы развития темы в лирическом стихотворении, различные типы строения сюжета лирического стихотворения. Вопрос этот, к сожалению, почти не разработан в теории литературы, хотя среди проблем, связанных с лирическими жанрами, он имеет существенное значение. Способы эти, как и стиховые размеры, отличаются значительно большей устойчивостью, нежели элементы стиховой семантики, зависимость которых от метода и мировоззрения поэта гораздо более непосредственна.

К числу наиболее распространенных способов развития темы в элегически-философской лирике, в том числе и в элегиях Апухтина, относится нагнетание описательных перифраз и развитие темы стихотворения как двух членов сравнения, уподобления. Примером могут служить стихотворения «Какое горе ждет меня?..», «Ночь в Монплезире» и элегия более поздних лет — «Приветствую вас, дни труда и вдохновенья...», бесспорно одно из наиболее ярких сти-

---

[1] Сочинения, т. 4. М., 1956, стр. 209.

[2] М. А. Протопопов. Писатель-дилетант. — «Русское богатство», 1896, № 2, стр. 49.

хотворений Апухтина, отчасти именно благодаря точности и четкости его построения.

В некоторых элегиях предмет сравнения формулируется чрезвычайно кратко, в одной-двух строках, а образ развивается широко, и каждая фраза этого широко развитого образа представляется внутренне соотнесенной с предметом сравнения. Соотнесенность эта непосредственно и прямо не формулируется, и предмет сравнения, тема элегии становится таким образом лирическим подтекстом стихотворения. Именно так построена элегия «Опять в моей душе тревоги и мечты...», написанная в конце 60-х годов. Душа поэта, еще не угасшая, еще способная переживать тревоги, мечты и вдохновение, сравнивается в элегии с последними осенними цветами, осень символизирует приближающуюся старость, близкую смерть души. Каждое упоминание о цветах, описание осени, подробное и яркое, воспринимаются на фоне подтекста, который и есть, собственно, основная мысль, основная тема стихотворения.

Слово «подтекст» не случайно здесь упомянуто. Это — один из основных признаков драматической формы, хотя драма отнюдь не монопольно владеет им. Но если мы внимательно присмотримся к той же элегии «Опять в моей душе тревоги и мечты...», то обнаружим и другие признаки родства элегической лирики Апухтина с драматической формой. Все стихотворение представляет собою обращение к другому человеку; реплики — умоляющие, приказывающие, интонации волнения, просьбы, мольбы: «О, рви их поскорей — последние цветы...», «О, рви же, рви же их скорей, Дай им хоть день еще прожить в тепле и холе!» — объединяют начало и конец элегии. И в самом течении речи, в самой смене спокойной описательной строфы внезапным приказанием и мольбой есть тоже задуманный и рассчитанный драматический эффект, словно речь эта в своем развитии повинуется тревожному душевному состоянию героя, его эмоциональной взволнованности.

Многие элегии Апухтина построены не на развитии образной ткани, не на уподоблении, не на подборе перифраз к предмету изображения, вообще не на обычных для традиционной элегии приемах, но на четко и ясно сформулированной ситуации. А самая элегия является чем-то вроде развитой реплики одного из участников этой драматической ситуации:

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
Угас безумный пыл,
С укором образ твой, чарующий и нежный,
Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
Убить слепую страсть,
Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
К ногам твоим упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья —
Всё в жертву принести;
Я жертвы не принес, не стою я прощенья...
Прости меня, прости!

Это стихотворение — своеобразное самооправдание, драматический монолог, в который включено изложение сюжета. В сюжете действующими сторонами являются лирический герой, произносящий монолог, и тот, к кому этот монолог обращен. Драматизм и признаки драматической формы являются почти постоянными признаками элегий Апухтина. Недаром же он так любит тему театра, недаром же этой теме посвящен целый ряд его стихотворений: «В театре» («Часто, наскучив игрой бесталанною...»), «M-me Вольнис», «Мы на сцене играли с тобой...», «Мне было весело вчера на сцене шумной...», «Памяти Мартынова», «Актеры», «В театре» («Покинутый тобой, один в толпе бездушной...»), «К Гретхен», «Публика (Во время представления Росси)». В большинстве стихотворений, посвященных театру или построенных на аналогии между отношениями героев элегии и героев театрального действия, на сопоставлении жизни с театральным зрелищем, дано прямое столкновение текста и подтекста этих отношений, нарядной театральной формы и внешности и убогой, неприглядной сущности. Особенно подробно эта аналогия между жизнью и сценой развита в стихотворении «Актеры», которое Апухтин очень любил читать сам.

Примеры из стихотворений Апухтина, использующих мотив контраста между праздничностью театрального зрелища и подлинной, неукрашенной жизнью, с яркостью демонстрируют одну из особенностей апухтинской лирики — мелодраматизм ее сюжетов и ситуаций. Характерный пример — стихотворение «Накануне». Оно открывается описанием ситуации, как бы расширенной стиховой ремаркой:

Она задумчиво сидела меж гостей,
И в близком будущем мечта ее витала...
Надолго едет муж... О, только б поскорей!
«Я ваша навсегда!» — она на днях писала.
Вот он стоит пред ней — не муж, а тот, другой —
И смотрит на нее таким победным взглядом...

И дальше идет рассказ о своеобразном поединке взглядов и мыслей между нею, героиней мелодрамы, и юношей-любовником. Она уверена, что сумеет подчинить его себе («Я этот гордый ум согну рукою властной»), а он по-прежнему победно смотрит на нее, очевидно в свою очередь надеясь покорить ее.

Кто победит из них? Пускай решит судьба...
Но любят ли они? Что это? страсть слепая
Иль самолюбия бесцельная борьба?
Бог знает!
Их речам рассеянно внимая,
Сидит поодаль муж с нахмуренным лицом;
Он знает, что его изгнание погубит...
Но что до этого? Кто думает о нем?
Он жертвой должен быть! Его вина: он любит.

В сущности, здесь уже не только ситуация, положенная в основу стихотворения, но мелодраматический сюжет, рассказанный подробно, предусматривающий и прошлое, и настоящее, и будущее отношений между героями. Принцип развития темы здесь отнюдь не обычен для лирического стихотворения — он подчинен заранее заданному мелодраматическому сюжету.

Самые разные, а иногда противоречивые тенденции заложены в лирике Апухтина. Есть в ней разные грани, разные возможности. Мелодраматизм — одна из этих возможностей, которая, разумеется, далеко не во всех случаях выражена так резко, как в стихотворении «Накануне», но которая сказалась, однако, во многих стихотворениях.

В большинстве элегий Апухтина встречаемся мы с точно обрисованной ситуацией, характеризующей отношения между персонажами. Особенность построения этих элегий заключается в том, что ситуация дается в изложении и переживании одного из участников драмы, всегда воспринимающего ее чрезвычайно эмоционально, тревожно, взволнованно. Очень важно подчеркнуть, что ситуация эта дана в переживании.

П. И. Чайковский в ответ на предложение сочинить музыку на текст апухтинского «Реквиема» писал: «Многое в стихотворении Апухтина хоть и высказано прекрасными стихами, — музыки не требует, даже скорее противостоит сущности ее. Напр., такие стихи, как: «В это мгновенье ему не сказали: выбор свободен — живи или нет», «С детства твердили ему ежечасно» и т. д., вся эта тирада проникнута пессимистическим отношением к жизни, эти вопросы:

«К чему он родился и рос?» и т. п., все это отлично выражает бессилие человеческое перед неразрешимыми вопросами бытия, но, не будучи прямым отражением чувства, а скорее формулированием рассудочных процессов, — трудно поддается музыке». [1]

Чайковский здесь отметил одну из очень важных особенностей элегий Апухтина. Во многих из них этот процесс переживания накладывает существенный отпечаток на самую интонацию стиха, на самый принцип выбора и связи слов. Есть различие между такими элегиями, как «Над связкой писем», «В. М<ещерско>му», «Из отроческих лет он выходил едва...», и, наконец, уже цитированной элегией «Прости меня, прости!..» или во многом очень сходной с ней «Я ее победил, роковую любовь...». Последние две являются «прямым отражением чувства», взволнованным монологом-исповедью, как бы воспроизводящим самое течение и развитие этого чувства, самый процесс переживания. Описание процесса переживания начинается с положения («Я ее победил, роковую любовь, Я убил ее, злую змею»), которое опровергается всем последующим развитием темы: «Против воли моей, против воли твоей, Ты со мною везде и всегда!»

С другой стороны, такая элегия, как «В. М<ещерско>му» («Мой друг, тебя томит неверная примета...»), представляет собою нечто вроде обращенной к другу убеждающей, уговаривающей афористической речи; по терминологии Чайковского, это — «формулирование чисто рассудочных процессов», которое «трудно поддается музыке». Иначе говоря, одной из основных черт такого рода стихотворений является их риторичность. Между этими двумя типами есть много промежуточных звеньев, где автор выступает как одно из действующих лиц драмы, но где самое развитие темы дано не как процесс переживания, а как бы со стороны, спокойным тоном наблюдателя. Такова элегия «Над связкой писем».

Риторическое начало в творчестве Апухтина выражается и в том, что образные элементы стихотворения — сравнения и метафоры — превращаются в аллегории, устойчивые иносказательные мотивы, проходящие через все стихотворение.

Истомил меня жизни безрадостный сон,
Ненавистна мне память былого,
Я в прошедшем моем, как в тюрьме, заключен
Под надзором тюремщика злого.

---

[1] М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 3. М., 1902, стр. 637.

Захочу ли уйти, захочу ли шагнуть, —
Роковая стена не пускает,
Лишь оковы звучат, да сжимается грудь,
Да бессонная совесть терзает.

Но под взглядом твоим распадается цепь,
И я весь освещаюсь тобою,
Как цветами нежданно одетая степь,
Как туман, серебримый луною...

Во многих элегиях появляются эти устойчивые иносказательные мотивы, превращающиеся в аллегорию, за которой скрывается ясный, четкий, определенный смысл. Именно такой аллегорией являются образы тюрьмы, цепей, «роковой стены» в приведенном стихотворении. К таким же аллегориям относится и огонек в стихотворении того же названия. Признаком аллегории является то, что стихотворение обладает вторым планом, который всегда может быть точно и ясно сформулирован, просвечивающим через первый, через непосредственную словесную ткань стихотворения.

Дрожа от холода, измучившись в пути,
Застигнутый врасплох суровою метелью,
Я думал: лошадям меня не довезти
И будет мне сугроб последнею постелью...

Уже эта первая строфа стихотворения «Огонек» дает нам ту картину, смысл которой может быть точно определен и раскрыт. Лирический герой идет по жизненному пути, на этом пути ему угрожает гибель, которой ему удается избежать:

Вдруг яркий огонек блеснул в лесу глухом,
Гостеприимная открылась дверь пред нами,
В уютной комнате, пред светлым камельком,
Сижу обвеянный крылатыми мечтами.

Но особенно ясен становится аллегорический образ огонька благодаря вторичному его упоминанию в финальных строках стихотворения:

...Пускай мой путь далек,
Пусть завтра вновь меня настигнет буря злая,
Теперь мне хорошо... Свети, мой огонек,
Свети и грей меня, на подвиг ободряя!

И все стихотворение после этой концовки воспринимается как аллегорическая картина жизненного пути, полного опасностей и грозящего гибелью, но доставляющего путнику краткие минуты отдыха и участия, которые вновь вдохновляют его на дальнейшую дорогу.

В свое время А. Волынский, написавший дифирамбическую статью об Апухтине «Поэт любви», пытался раскрыть особенности его поэтики: «В поэтическом образе тонкий намек иногда дороже отчетливо выраженной мысли. Намек, упавший на впечатлительное воображение, вызывает менее определенное, но более сильное чувство интереса к идее художника». В качестве иллюстрации он ссылается на стихотворение «Разбитая ваза». Последнее будто бы «написано такими же незаконченными штрихами: образы неуловимы, чувство не выговорено, мысль не очерчена полностью. *Едва заметная трещина* на вазе, *след* от удара нежной любимой руки в сердце... Трещина, след — чудные поэтические намеки».[1]

Но в том-то и дело, что ни «след», ни «трещина» — не намеки. Отношение этих слов к подлинному своему смыслу в стихотворении Апухтина — отнюдь не отношение намека к значению. Внутри той системы, которую представляет собою каждое стихотворение, как бы условлено между поэтом и читателем: трещина на вазе равнозначна ране в сердце, нанесенной ему рукой женщины, которую любит поэт; «неизгладимый след», который остался на сердце от прикосновения руки, — эмблема неразделенной любви и страданий, ею вызванных.

Обычно аллегория есть результат поэтической традиции, привычной и общепонятной замены абстрактного понятия словом, заимствованным из какой-то конкретной области. Но это далеко не единственный путь создания аллегории. Опираясь на обычные, уже стершиеся, уже принятые в разговорной речи образы (таков образ жизненного пути в стихотворении «Огонек»), поэт создает новые аллегории, устойчивое значение которых возникает в контексте принятых в разговорной речи и стершихся метафорических выражений.

Многие элегии Апухтина отнюдь не ограничены драматической или мелодраматической ситуацией. Ситуация эта получает в элегии дальнейшее развитие и складывается в единое сюжетное целое. Но часто сюжет этот рассказывается разорванно, импрессионистически, как бы отдельными мазками, намеками, с опущенными отдельными звеньями и, следовательно, часто логически не связан. Кстати, Апухтин часто применяет способ введения новых сюжетных мотивов,

---

[1] А. Л. Волынский. Борьба за идеализм, стр. 330—331.

подчеркивая отсутствие связи с предыдущими мотивами и неожиданность их введения. Так, он вводит новый мотив с оговорками: «Бог знает почему...», «Думы такие несвязные бродят в моей голове», «Но мне всю ночь ужасный снился сон» и т. п. И если Апухтин написал ряд стихотворений, напоминающих драматическую сцену или законченную сюжетную новеллу с развитой ситуацией, то есть у него и стихотворения, в которых сюжет представляет собою ряд «намеков», мотивов, связанных только потоком воспоминаний. Одно из наиболее характерных в этом смысле стихотворений — «В темную ночь, непроглядную...».

В уже цитированной статье М. Протопопов называет бессмысленным набором созвучий романс «Ночи безумные, ночи бессонные...», поскольку в нем определенные понятия заменены одними символами, которым можно «придать смысл по своему личному вкусу».[1] При всей несправедливости этой оценки верно, однако, указание на то, что в системе апухтинского романса слова приобретают какое-то свое, особое значение, соответствующее замыслу и намерению лирического «я», лирического героя. Это были как бы подступы к принципам нового, иного поэтического языка.

И одним из путей к этому новому языку была элегия, построенная на логически разорванном сюжете, на сюжете, прибегая к любимому словечку Апухтина, «несвязном» или «бессвязном». Яркий пример такого типа элегии представляет собою стихотворение «Любовь». Читатель, разумеется, вправе попытаться логически изложить сюжет этой элегии, но тогда, во-первых, останется неясным и непонятным самое ее развитие, без конца будут возникать вопросы. почему? когда? каким образом? — и, во-вторых, исчезнет ее поэтический смысл, как исчезает поэтический смысл известного романса, музыку к которому написал Чайковский, от пытливых вопросов критика Протопопова.

А между тем эта «бессвязность» близка Блоку, и юный Блок не зря отметил это стихотворение в своем экземпляре Апухтина. И тут дело не только в почти буквальных текстуальных совпадениях (в параллель строкам Апухтина можно привести строки из юношеских стихотворений Блока) и не только в общей для того и другого интонации, но прежде всего в самом способе развития лирической темы, в переживаниях лирического героя, наконец в тех как будто взаимоисключающих друг друга эмоциях, которые вызвала в этом герое любовь, налетевшая «как буря» и «унесшая с земли»:

---

[1] М. А. Протопопов. Писатель-дилетант. — «Русское богатство», 1896, № 2, стр. 58.

она лишила его веры и дала вдохновение, принесла счастье и «слезы, слезы без числа» и т. д.

В элегии Апухтина соединены самые противоречивые, с позиций старшего поколения представителей «чистой поэзии» самые, казалось бы, несоединимые черты: риторика и аллегория с системой намеков и символики; развитые сюжеты, драматические ситуации с лиризмом, замкнутостью, субъективизмом; крайняя эмоциональность в строе речи, драматизм, даже мелодраматизм в характеристике лирического героя и его переживаний с рассудочностью, рассуждениями, развивающимися по точной логической схеме.

4

В памяти читателя и слушателя имя Апухтина сохранилось прежде всего как имя автора популярных романсов «Астрам», «Забыть так скоро...», «Разбитая ваза», «Ни отзыва, ни слова, ни привета...», «Ночи безумные...», «Мухи», «Пара гнедых» и многих других. Музыку на слова Апухтина писали Чайковский и Рахманинов, Ребиков и Аренский, Гречанинов и Прокофьев. В чем же секрет этой живучести апухтинского романса?

Вот романс «Астрам», к которому написали музыку В. Ребиков, В. Блуменфельд, К. Давыдов, Е. Вильбушевич и Н. Соколов:

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

И «дни без просвета», и «ноченьки хмурые», и «розы», и «весенние звезды», и «соловьиная песня» — все это привычные аксессуары романсной лирики. В их предметном значении воплощена тема романса — грусть по уходящему лету. Эта тема имеет свой «второй план» — грусть, связанную с наступлением осени жизни. Но и грусть по уходящему лету, и грусть по отцветающей жизни представляют собою, так сказать, «философию» романса, глубину его, а на поверхности — элементарная и несложная эмоция жало-

сти, участия к судьбе осенних цветов, которые, в отличие от роз, и не жили, а отцвели, в жизни своей не видели весенних звезд, не тешились соловьиною песнею. Элементарность и несложность поэтической эмоции являются общим свойством романса, отнюдь не только апухтинского. Но Апухтин почти всегда обогащает эту эмоцию, придавая ей все новые и новые оттенки, расширяя тему романса.

Апухтин и сам прекрасно понимал, что перечисленные штампы романсной образности являются именно штампами, «поэтизмами», характерными для условно-поэтической речи:

И нега, и трепет... Не правда ль, всё это
Давно уже было другими воспето
И нам уж знакомо давно?

(«Вчера у окна мы сидели в молчаньи...»)

Но сила романсов Апухтина как раз в том и заключается, что он широко прибегает к этим «поэтизмам», «которые, создавая приподнятый тон, вместе с тем делают речь лиричной. Они также служат выразительным средством условно-красивого в речи: обольстительный, очаровательный, чарующий, сладостный, сладострастный, упоительный, чудный...»[1] Г. О. Винокур говорит о «поэтичности» как особом экспрессивном качестве языка: «Понятно, что такая поэтичность языка, в свою очередь, есть не что иное, как особого рода традиция. При соответствующих условиях «поэтичность» легко меняет свое фактическое языковое содержание или же и вообще становится языковым шаблоном, с которым в поэзии борются так же, как борются, например, с «театральностью» в истории театральной культуры».[2]

В лексике романсов и элегий Апухтина часты слова, служащие выразительным средством «условно-красивого» в речи, придающие ей приподнятость и лиризм. Однако здесь же, рядом с отобранными «поэтизмами», уже давно ставшими «особого рода традицией», мы встретим слова, не входящие ни в поэтическую традицию, ни в категорию «условно-красивого», слова прозаические. Это относится не только к лексике, но и к эпитетам, метафорам, сравнениям. Вероятно, именно это обстоятельство заставило С. А. Венгерова написать, что у Апухтина «весь его поэти-

---

[1] Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, стр. 141.

[2] Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 389.

ческий арсенал, все его слова и аналогии почерпнуты из ежедневного обихода».[1]

Развитое сравнение стаи мух с черными мыслями и — во второй строфе романса — черных мыслей с мухами, кружащимися над бедной головой поэта, вряд ли может быть отнесено к «условно-красивому». Характерно, что Иннокентий Анненский в стихотворении «Мухи как мысли», посвященном памяти Апухтина, усугубил, усилил прозаизм этого сравнения, развив и детализировав его:

Поздней осенью мухи так злы,
Их холодные крылья так липки.

Мухи-мысли ползут, как во сне,
Вот бумагу покрыли, чернея...
О, как, мертвые, гадки оне...
Разорви их, сожги их скорее.

К числу романсов, построенных на такой же прозаической лексике, которая уместна была бы в нравоописательном очерке, в рассказе, наконец в стихотворном фельетоне, относится и знаменитый романс «Пара гнедых». Впрочем, прозаизмы здесь не кажутся неуместными, так как романс этот скорее походит на водевильные куплеты и написан в той же манере. Это нечто вроде сентиментального варианта водевильных куплетов.

Но особенно часто встречаем мы такие прозаизмы как бы вкрапленными в «условно-красивую» лексику романса:

В житейском холоде дрожа и изнывая,
Я думал, что любви в усталом сердце нет...

Я не засну, я считаю украдкой
Старые язвы свои...

Снова один я... Опять без значенья
День убегает за днем,
Сердце испуганно ждет запустенья,
Словно покинутый дом.
Заперты ставни, забиты ворота,
Сад догнивает пустой...

---

[1] Русская литература XX века, т. 1. М., 1914, стр. 49.

Апухтинский романс «вбирает» и ассимилирует не только прозаизмы, но и слова высокого стиля, прямые реминисценции из Библии. С прямой ссылкой на источник — «Исход, глава XIV, стих XX» — Апухтин развивает библейскую тему:

Когда Израиля в пустыне враг настиг,
Чтоб путь ему пресечь в обещанные страны,
Тогда господь столп облачный воздвиг,
Который разделил враждующие станы.
Одних он тьмой объял до утренних лучей,
Другим всю ночь он лил потоки света.

Архаизмы, библеизмы очень часто входят в систему условно-поэтического языка, но язык Апухтина отнюдь им не близок, это — язык «светской» лирики. И библейский рассказ служит в этом стихотворении развитию любовной темы в ее типично романсном плане. Недаром на слова этого стихотворения тоже был написан романс.

В пустыне жизненной мы встретились давно,
Друг друга ищем мы и сердцем и очами,
Но сблизиться нам, верь, не суждено:
Столп облачный стоит и между нами.

И дальше аналогия продолжается — героине романса столп «светит яркою звездой», а лирическому герою столп «лишь ночью веет, и безотрадной и глухой».

Таким образом, романс Апухтина как бы вбирает слова из различных лексических слоев. Мы встретим у него и высокие слова Библии, и слова «условно-красивого» поэтического языка, и «низкие» слова бытового разговора. И хотя слова бытового разговора в его романсах и элегиях находятся «в меньшинстве», но они в высшей степени заметны и играют очень существенную роль в общем колорите стихотворений. По мере развития лирики Апухтина, по мере приближения к 80-м годам эта роль бытовой лексики усиливается. Ведь целый ряд произведений 80-х годов («Год в монастыре», «Из бумаг прокурора», «Перед операцией», «Сумасшедший») будет написан Апухтиным в особой, свободно-разговорной манере. И в этих произведениях разговорно-бытовая лексика будет иметь серьезное значение.

Апухтин — поэт мелодический и не мелодический одновременно. В этой области, как и в других, он в высшей степени противоречив. Мы найдем у него и стихотворения, построенные на ком-

позиционной симметрии, на повторе ритмико-синтаксических фигур, создающих в совокупности своей отчетливый мелодический рисунок. Но есть у него и стихотворения, построенные на разговорных интонациях, только как бы слегка форсированных, подчеркнутых, декламационных. В этом смысле особенно показательно и характерно стихотворение «Сумасшедший», которое недаром перепечатывалось во всех чтецах-декламаторах и имело огромный успех на эстраде.

Романсы Апухтина (как, впрочем, почти вся его лирика), самая ткань его стихотворений в очень малой степени обнаруживают тенденцию к образности яркой, непривычной, к редкому и, как принято говорить, «свежему» эпитету, к неожиданному сближению значений, к запоминающейся метафоре, к оригинальному сравнению. Апухтина не раз упрекали в том, что для него «характерны снисходительное отношение к речевому штампу, тематическое однообразие и несложность композиции большинства стихотворений»,[1] о поэтике его говорили как о «поэтике банальностей». Упреки эти справедливы, и против них не возражал бы, вероятно, и сам Апухтин. Ведь это признак не только поэзии Апухтина, но и почти всего поколения поэтов, которые вступили в литературу как представители младшего поколения «чистой поэзии». К ним относятся и С. Андреевский, и А. Голенищев-Кутузов, и Д. Цертелев, и даже такие предшественники символизма, как Д. Мережковский и Н. Минский. Тем отчасти и не похоже было это младшее поколение представителей «чистой поэзии» на старшее — Фета, Полонского и др., — что для них, младших, не представлялся существенным вопрос о языке поэзии, о новизне этого языка. Тем поэтам, которые начинали свою литературную жизнь в конце 90-х годов (Брюсов, Блок), пришлось как бы заново создавать поэтический язык. Полонский писал одному из своих друзей в 1892 году: «Когда у меня все было в меру, я смел писать:

От зари *роскошный* холод
Проникает в сад...

И чего доброго — теперь, ставши умнее, я бы не решился обмолвиться таким эпитетом — написал бы *вечерний* холод — и было бы хуже».[2] Полонский гордился эпитетом «роскошный», запомнился этот эпитет и Блоку. Апухтин же почти наверное написал бы «ве-

---

[1] Вс. Рождественский. А. Н. Апухтин. — А. Н. Апухтин. Стихотворения. «Библиотека поэта», Л., 1938, стр. XIX.
[2] Письмо к Л. Поливанову. — «Жизнь», 1922, № 2, стр. 148.

черний» не в силу того, что дарование его было скромней, нежели дарование Полонского, но прежде всего потому, что эпитет «роскошный» показался бы ему диковатым, необычным.

Поэты 70—80-х годов, названные выше, считали поэтический язык, систему поэтических тропов как бы полученными в наследство, не подлежащими пересмотру и обновлению. Апухтин не представляет исключения в этом смысле. Надо, впрочем, оговориться, что речь идет не о какой-то в каждом слове сказывающейся черте, а только о тенденции, при которой большинство образов, сравнений, эпитетов, метафор приобретают характер поэтического «общего места», являются заимствованием из чужих стиховых систем, используются как готовое выражение, как фразеологическое сочетание, имеющее само по себе поэтический ореол, окраску, тональность. И часто оказывается, что эти сочетания, следующие одно за другим, не в ладах друг с другом, что прямой логический смысл одного выражения противоречит или не вяжется с логическим смыслом другого.

...Но та рука еще живет; на ней,
Когда-то теплой и любимой,
Всей страсти, всей тоски, всей муки прежних дней
Хранится след неизгладимый.

(«К пропавшим письмам»)

«Неизгладимый след» — обычное сочетание, почти столь же обычны и выражения — «след тоски», «след страсти», «мука прежних дней», но только для характеристики психологического процесса или состояния. Однако здесь оказывается, что этот неизгладимый след страсти, тоски, муки хранится на руке, да еще когда-то теплой и любимой. Это соединение слов из разных смысловых рядов приводит к бессвязности, алогизму. Однако во многих романсах Апухтина этот алогизм, бессмыслица находят свое оправдание, приобретают свой образный смысл, будучи соотнесенными с характером лирического героя, с его лихорадочным строем мыслей и чувств.

Как известно, Ц. Кюи резко выступал против романсного творчества Чайковского, упрекая его, в частности, в том, что он иногда обращается к текстам, не имеющим художественного значения, и относится к ним «с деспотическим высокомерием», «переставляет, пропускает, повторяет слова, повторяет стихи, части стихов и даже подбавляет слова от себя».[1] «Человек под влия-

---

[1] Ц. Кюи. Русский романс. СПб., 1896, стр. 113—114.

нием аффекта, — возражал Чайковский, — весьма часто повторяет одно и то же восклицание, одну и ту же фразу».[1] «Кюи был непонятен метод Чайковского, для которого важнее всего были... образы текста и, прежде всего, живой образ «лирического героя», так ясно ощутимого в большинстве романсов», — комментирует их разногласия один из современных исследователей русского классического романса.[2] И она же отмечает, что часто в творчестве Чайковского «лирический романс превращается в драматическую арию». И в анализе романса «Ночи безумные...» отмечается та же черта. Однако драматизм этого романса, указывает автор, «создается не самими интонациями как таковыми, а контекстом, в котором они появляются».[3]

Таким образом, мы возвращаемся к той черте поэзии Апухтина, о которой говорилось применительно к анализу элегий. Апухтинский романс драматичен, часто напоминает драматическую реплику или монолог. Он становится рассказом о переживаниях лирического героя и отмечен признаками, которые придают ему характер взволнованной, эмфатической речи, непосредственно отражающей взволнованное душевное состояние героя. Эта взволнованная речь, эта смятенность душевного состояния героя составляют один из способов создания настроения романса.

Характер взволнованного личного монолога, как бы вырванного из контекста целой драматической сцены, апухтинский романс сохраняет и тогда, когда в основе его — тема лирически-описательная. Так, весь романс «Астрам» написан в форме реплики, обращенной к цветам и включающей интонации разговорно-драматической речи:

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...

Но особенно ясно и резко очерчена эта речевая структура в романсах, представляющих собою разработанную психологическую коллизию. Такого типа романсов большинство в творчестве Апухтина. Это именно коллизия со сложными и часто неожиданными психологическими перипетиями и мотивировками. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно указать на стихотворение «Прости меня, прости! Когда в душе мятежной...».

Эта монологическая форма, однако, обязательно предполагает

---

[1] М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. 3. М., 1902, стр. 383.

[2] В. Васина-Гроссман. Русский классический романс XIX века. М., 1956, стр. 268.

[3] Там же, стр. 292.

и второй, помимо лирического героя, образ. И в некоторых романсах этому второму образу приписывается та неожиданность поведения и смены настроений, которые в других свойственны самому герою:

Как разгадать тебя? Когда любви томленье
С мольбами и тоской я нес к твоим ногам
И говорил тебе: «Я жизнь, и вдохновенье,
И всё тебе отдам!» —

Твой беспощадный взор сулил мне смерть и муку;
Когда же мертвецом без веры и любви
На землю я упал... ты подаешь мне руку
И говоришь: «Живи!»

(«В житейском холоде дрожа и изнывая...»)

Эта черта романсов Апухтина заслуживает внимания, поскольку она, как и ситуация в романсе и в элегии, как и развитой сюжет, служит одним из мостков к другим жанрам, к тем повествовательным стихотворениям, которые П. Перцов назвал стихотворениями «с объективными сюжетами». В 80-х годах в творчестве Апухтина не случайно возникает новый жанр — большое повествовательное стихотворение, большая стиховая форма с детально развитыми характерами героев.

5

Еще в 60-х годах в творчестве Апухтина рядом с элегиями и романсами идет работа над иными жанрами, пробы и разведка в других областях. Он пишет несколько баллад («Королева», близкое к балладе стихотворение «Смерть Ахунда»); ироническое и сатирическое стихотворение в манере Гейне «A la pointe»; стихотворение «Ледяная дева», построенное на мотивах фольклора скандинавских стран (влияние этого стихотворения отразилось в известном блоковском «Посещении»); «Старость», напоминающее басню или притчу с развитой в сюжет аллегорией; к этому стихотворению примыкает и «К человеческой мысли»; стихотворение, которое, как поэт сам указывает, «заимствовано из «Метаморфоз» Овидия», — «Ниобея»; стихотворение «Мне снился сон...», тоже построенное на мотивах античности (Пигмалион и Галатея), в котором, однако, античный сюжет трактован в духе «страшной» новеллы.

Мысль о большой повествовательной форме не покидает Апухтина на протяжении многих лет. Он готовится к ней и пробуя различные жанры (баллада, аллегорическая притча, легенда), и, как уже говорилось, внутри элегии и романса разрабатывая элементы, необходимые для стихового повествования.

К 80-м годам его поэзия все больше и больше проникается этими повествовательными тенденциями. Естественно, что 90-е годы ознаменованы работой над прозой, при этом очень интенсивной работой: за два с небольшим года он пишет три повести.

Среди многочисленных произведений 70—80-х годов есть стихотворения, в которых Апухтин как бы находит самого себя, свой самостоятельный путь. Во второй половине 80-х годов он не вернется ни к балладе, ни к сатирическим стихам, ни к притче. Он сосредоточит свое внимание на двух типах стихотворений. С одной стороны, на таких стихотворениях, как «Накануне», «Из отроческих лет он выходил едва...», «Певица», «Письмо» (эти стихотворения родственны психологической новелле и ведут к таким произведениям, близким к поэме, как «Венеция», «С курьерским поездом», «Позднее мщение», отчасти — «Год в монастыре» и «Из бумаг прокурора»). С другой стороны, отправляясь от некоторых юношеских стихотворений, от замысла поэмы «Село Колотовка», он пишет «В убогом рубище, недвижна и мертва...», «О цыганах», «Старая цыганка», «Перед операцией». Но работа и над этим циклом произведений сыграла существенную роль для «Года в монастыре» и «Из бумаг прокурора».

Стихотворения первого типа близки психологической новелле. Они близки одновременно и тому явлению, которое в 30—40-х годах называлось «светской повестью» и доживало свой век в творчестве представителей наиболее реакционного крыла литературы. В центре этих стихотворений — сюжет, развитый последовательно и точно, любовная коллизия, детально психологически мотивированная, как в упоминавшемся «Накануне» или как в стихотворении «Из отроческих лет он выходил едва...».

Выше говорилось о тематической ограниченности, которая является одним из существенных пунктов поэтической программы Апухтина. Этой тематической ограниченности соответствует и сюжетная ограниченность и однообразие. Сюжетные стихотворения Апухтина, близкие светской повести, почти все построены по одному и тому же типу. В них есть, однако, одна важная черта — своеобразное преодоление субъективизма, отказ от лирического «я»; в центре стихотворения — не переживания автора, поэта, но характеры, объединенные единым сюжетом. Характер героини

этих повествовательных стихотворений тот же, что и в стихотворениях «Накануне», или «Письмо», или «Позднее мщение». А самая коллизия, отношения между героем и героиней также однообразны и исчерпываются теми перипетиями, которые очень точно рассказаны в стихотворении «Ссора», хотя в этом стихотворении речь идет не о влюбленных, а о друзьях. Друзья, сидящие за дружеским пиром, ведут «не дружные разговоры»:

Понемногу словами пустыми
Раздражались они до мученья,
Словно кто-то сидел между ними
И нашептывал им оскорбленья.

Потом наступает минута молчанья, они приходят в себя, «к ним невольная жалость подкралась»,

И слететь уже было готово
Задушевное, теплое слово,

но задушевное слово не сказалось, —

А слова набегали другие,
Безотрадные, жесткие, злые...
...Искаженные лица горели,
Обвиненья росли без пощады
И упреки без смысла и цели...

Эти темы любви-ссоры-ненависти, понимания-непонимания, дружбы-вражды определяют и отношения многих героев элегий Апухтина, в частности написанной почти одновременно со стихотворением «Ссора» элегии «О да, поверил я. Мне верить так отрадно...».

Таким образом, лирический герой, лирическое «я» уступают место «чужим» героям, характерам, связанным сюжетом. Развивая эту тенденцию, Апухтин приходит к таким стихотворениям, как «С курьерским поездом», которое если и невозможно назвать поэмой, то во всяком случае уже без всякого оттенка условности может быть названо новеллой или повестью в стихах.

Здесь характеры двух героев, участвующих в сюжете, в психологической коллизии, подробно развиты, в центре повести — судьба людей, когда-то любивших друг друга, потом разлученных, проживших долгую и несчастливую жизнь и в конце жизни ре-

шивших снова встретиться. В первой главе рассказан «его» путь на вокзал, куда «он» едет встречать «ее», и вся глава посвящена его судьбе, его настроению, его мыслям. Вторая глава — о героине, подъезжающей к вокзалу в вагоне курьерского поезда. Наконец третья — об их встрече, оказавшейся безрадостной и ненужной.

В этот новеллистический сюжет включены и психологические, и бытовые подробности, в повествование вкрапливаются частые в лирике Апухтина образы, приобретающие здесь характер повествовательных перифраз:

Когда-то, в лучшие, забытые года,
И в ней горел огонь, и в ней мечты кипели!
Но в обществе тупом, средь чуждых ей натур
Тот огонек задут безжалостной рукою:
Покойный муж ее был грубый самодур,
Он каждый сердца звук встречал насмешкой злою...
...И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!

Эти образы (душевный огонь, который превращается в частый у Апухтина образ огонька; поблекшие и поздние цветы, которым не суждено возродиться) прямо заимствованы Апухтиным из своих же романсов и элегий. Но в новелле есть и другие элементы. Отдельные элегии и другие лирические стихотворения Апухтина часто строятся на психологических коллизиях. Однако большие повествовательные его стихотворения включают такие бытовые детали, такие прозаические подробности в обрисовке переживаний персонажей, которых не знают романс и элегия и которые роднят стиховые новеллы Апухтина с прозой.

Во второй главе, когда поезд уже приближается к вокзалу, героине вдруг становится весело:

Сидевший близ нее и спавший пассажир
Качался так смешно, с осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундир,
Бог знает отчего, она захохотала.

Смех возникает на вершине душевного подъема, при мысли о том, что для нее еще возможно счастье, что она не очень изменилась внешне. Когда потом оказывается, что встреча принесла ей только

разочарование, она снова, но уже с горечью, вспоминает эту минуту:

Как было хорошо, когда в вагоне я
Смеялась от души над пассажиром спящим!

Точно так же детали одежды ожидающего ее человека становятся поводом для дурных предчувствий, как бы знаком ненужности их встречи, невозможности возврата к старому:

Но где же, где же он? Не видно за толпой,
Но он, конечно, здесь... О, боже, неужели
Тот, что глядит сюда, вон этот, пожилой,
С очками синими и в меховой шинели?

Таким образом, в перечисленных стихотворениях, близких к стиховой новелле или повести, можно наблюдать какую-то эволюцию стилистики Апухтина, обогащение его художественной манеры, попытку породнить стихи и прозу. Стих Апухтина под влиянием этого родства несомненно выигрывает. Лексика становится проще, реже встречаются «поэтизмы», стих делается свободней, вбирает значительно больше, чем раньше, разговорных элементов и в словаре и в синтаксисе. В произведениях этой поры Апухтин избавляется от маньеризма романса и элегии.

Но ограниченность философии и тематики сохраняется, и поэтому эволюция его имеет, так сказать, в высшей степени скромный характер Это все та же элегически-пессимистическая тематика и философия, над которой посмеивались критики Апухтина — современники поэта, все та же грусть по поводу отвергнутого чувства, несостоявшихся романов, невстретившихся судеб, впустую растраченных жизненных сил.

Глубже была та линия апухтинского творчества, которая воплощена в отрывках из поэмы «Село Колотовка», в стихотворении «В убогом рубище, недвижна и мертва...» (о нем автор одной из статей об Апухтине справедливо сказал, что оно написано «с некрасовской силой» [1]) и некоторых других.

Уже при первом беглом знакомстве с отрывками из поэмы «Село Колотовка» (1864) бросается в глаза особость, самостоятельность отрывков, их несходство с элегиями и романсами 70—80-х годов. Если охарактеризованная выше линия апухтинских

---

[1] Л. Афонин. А. Н. Апухтин. — А. Н. Апухтин. Стихотворения. Орел, 1959, стр. 9.

стихотворений, приближающихся к большой форме, к поэме, и родственна и, как это указано, отлична от его элегически-романсной лирики, то «Село Колотовка» написано в совсем ином стилистическом ключе, разве что по сюжету последняя, седьмая глава поэмы, рассказывающая о неожиданном самоубийстве девушки в день ее свадьбы, напоминает мелодраматизм элегических сюжетов Апухтина. Но и этот сюжет рассказан в иной и нисколько не напоминающей стилистику элегий манере:

Изумлялися все чрезвычайно
И причину сыскать не могли.
И доныне та страшная тайна
Спит безмолвная в недрах земли.
Погрустили родные прилично,
И утешился скоро жених,
И, к людскому страданью привычный,
Позабыл бы давно я о них.
Но зачем же в безмолвном мечтаньи,
В шуме дня и в ночной тишине,
Ты, погибшее рано созданье,
Так упорно являешься мне?

Из всех произведений Апухтина периода зрелости наиболее близки Некрасову именно эти отрывки из поэмы «Село Колотовка»:

Огонек в полусгнившей избенке
Посреди потемневших полей,
Да плетень полусгнивший в сторонке,
Да визгливые стоны грачей, —
Что вы мне так нежданно предстали
В этот час одинокий ночной,
Что вы сердце привычное сжали
Безысходною старой тоской?

И пейзаж в поэме — пейзаж, характерный для поэзии «некрасовской школы», неукрашенный деревенский пейзаж:

За огоньком другой, и третий,
И потянулись избы в ряд...
Собаки воют, плачут дети,
Лучины дымные горят.

Отрывки из поэмы «Село Колотовка» и позже (в начале 70-х годов) написанное стихотворение «В убогом рубище, недвижна и мертва...» отнюдь не являются последней данью некрасовскому направлению. Влияние Некрасова на Апухтина было гораздо более устойчивым и сильным, нежели это может показаться с первого взгляда. Оно ощутимо и в названных бытовых монологах, и в таком своеобразном стихотворении, как «Гаданье» (начало 60-х годов, т. е. почти одновременно с отрывками из поэмы «Село Колотовка»), и в «Старой цыганке» (конец 60-х годов), и в стихотворениях «О цыганах» (1873), «Год в монастыре» (1883), «Из бумаг прокурора» (1888), «Перед операцией» (1888), «Сумасшедший» (1890). Апухтин мог на словах сколько угодно декларировать свою неприязнь к Некрасову, свое отрицание поэзии, которая приносит «дары минутным кумирам» и «служит только спросу минуты». И тем не менее, когда поэзия Апухтина, преодолевая границы им же самим созданных условностей элегического и романсного жанров, прикасалась к живой жизни, когда в ней начинали звучать реалистические ноты, она неизменно снова и снова испытывала влияние и самого Некрасова, и некрасовской школы. Разумеется, Апухтин не заимствовал, да и не мог заимствовать ни пафоса, ни идей этой школы, они были ему враждебны. Но отдельные черты реалистического стиля в поэзии Некрасова он усвоил, и они-то и сказались в высшей степени рельефно в его повествовательных стихотворениях, в его стиховых повестях.

Некоторые исследователи относят апухтинские стихи этого типа к жанру «стихотворной исповеди». Однако нельзя рассматривать как законченный и своеобразный жанр «стихотворную исповедь», ибо монолог — только внешняя форма, к тому же соблюдаемая отнюдь не во всех названных стихотворениях Так, ни «Гаданье», ни «Старая цыганка» — не монологи. Есть другие признаки родства этих стихотворений между собою, как раз и обусловленные влиянием некрасовской школы.

К ним относится прежде всего постоянная тенденция «снижения». Она сказывается и в трактовке темы, и в самом характере образности, и в лексике. Поэты 50—60-х годов не писали о цыганах так, как писал Апухтин, почти декларативно, подчеркивая бытовые черты предмета изображения:

> Туда весь день, на прибыль зорки,
> Стяжанья жаждою полны,
> То́лпами лупят с Живодерки
> Индейца бедные сыны...

...Искусства также там, хоть тресни,
Ты не найдешь — напрасный труд:
Там исказят мотивы песни
И стих поэта переврут.

Ни для Аполлона Григорьева, ни для других ревнителей цыганского пения и цыганского романса эти реалистически-разоблачительные детали:

Им света мало свет наш придал,
Он только шелком их одел;
Корысть — единственный их идол,
И бедность — вечный их удел. —

(«О цыганах»)

были бы невозможны. Но на этих деталях построены и ранее написанные стихотворения «Гаданье» и «Старая цыганка».

Пир в разгаре. Случайно сошлися сюда,
Чтоб вином отвести себе душу
И послушать красавицу Грушу,
Разношерстные всё господа:
Тут помещик расслабленный, старый,
Тут усатый полковник, безусый корнет,
Изучающий нравы поэт
И чиновников юных две пары.
Притворяются гости, что весело им,
И плохое шампанское льется рекою...

(«Старая цыганка»)

Этой картине противопоставлены воспоминания старой цыганки, которые представляют собою историю горячей любви ее и какого-то князя, выкупившего ее из табора, потом промотавшегося и убитого на дуэли. Но и эти воспоминания развиваются не в форме элегии или романса и не в форме монолога, а в рассказе от автора, в который включены характерные для речи самой цыганки слова и выражения:

Еще Маня красива была в те года,
Много к ней молодцов подбивалось...
...А как помер сынок ее — славный такой...

Так постепенно в работе над сюжетными элегиями, над своеобразными жанрово-драматическими сценами («Гаданье», «Старая цыганка»), над стиховой повествовательной речью, над реалистической деталью в стиховом повествовании, над монологом и диалогом в этом повествовании Апухтин шел к той форме, которую условно можно назвать поэмой.

И «Год в монастыре», и «Из бумаг прокурора», и «Перед операцией», и «Сумасшедший» отличаются прежде всего общим реалистическим стилем повествования. Герой поэмы «Год в монастыре», светский человек, бежавший в монастырь от неудачной любви, от пустоты светской жизни, находится в послушании у старца Михаила, которого он описывает восторженно и умиленно. Старец этот, человек святой жизни, показывает герою гроб,

... в котором тридцать лет
Спит, как мертвец, он, саваном одет,
Готовясь к жизни бесконечной...

Однако наблюдательность не изменяет герою, несмотря на его умиление, и он заносит в дневник деталь, не только снижающую его восторженность, но и имеющую юмористический характер:

Я с умилением и горестью сердечной
Смотрел на этот одр унынья и борьбы.
Но старец спит в нем только летом;
Теперь в гробу суровом этом
Хранятся овощи, картофель и грибы.

Весь монолог матери в стихотворении «Перед операцией» исполнен бытовых подробностей, которые раскрывают семейные отношения между нею и ее детьми. То же самое относится и к стихотворению «Из бумаг прокурора». А. Ф. Кони рассказывает, как Апухтин собирал материалы для этого произведения, как проверял у практиков-юристов отдельные детали и мотивы. Так готовились к работе над очередным романом писатели-натуралисты, а отнюдь не поэты-элегики. Но дело, разумеется, не только в этих деталях.

Одной из характерных черт творчества большинства представителей «чистой поэзии» является антиисторизм. Характеры героев поэм и героев лирических стихотворений рисуются в их связи с природой, с далекими мирами, в их личных отношениях с друзьями, с любимой женщиной, но, как правило, они не наделяются признаками конкретно-историческими, социальными. Конкретно-

историческое обычно выключено из их образов. Герои двух произведений Апухтина — «Год в монастыре» и «Из бумаг прокурора» — характеры исторически конкретные. Поэт рассказывает об их жизненных путях, судьбах, психологии, внутренних противоречиях.

«Конец восьмидесятых и начало девяностых годов, — писал Горький, — можно назвать годами оправдания бессилия и утешения обреченных на гибель. Литература выбрала героем своим «не героя». . .».[1] «Не героями» являются и центральные образы апухтинских повествовательных стихотворений. «Не героем» является и лирический герой, лирическое «я» элегий Апухтина. Все они в близком родстве — и герой элегий, и человек, пытающийся уйти и спрятаться от жизни в монастыре, и кончающий с собой, пишущий свое предсмертное письмо прокурору. К ним относятся те характеристики, которые давала современная Апухтину критика его лирике, отмечая отсутствие мировоззрения, душевной силы, «унылое, безразличное состояние духа, подрезывающее его крылья, пригнетающее человека к земле».[2]

И недаром встречаем мы у критиков, писавших об Апухтине, слово «безвременье» и определение его героев как людей безвременья, людей 80-х годов, чью пустоту, бессилие, бескрылость так уничтожающе обрисовал Чехов.

В сущности, именно в этих повествовательных стихотворениях Апухтин наиболее правдив, откровенен, не претендует на драматическую эффектность, на условную поэтичность. В них нет обычной для других его произведений, особенно романсов, взвинченности и взволнованности.

Лирика Апухтина, созданная в последнее десятилетие его жизни, имеет одно чрезвычайно существенное преимущество перед творчеством других представителей младшего поколения «чистой поэзии». Она рисует точный и яркий портрет человека этого периода, лишенного мировоззрения и веры, пассивно приспосабливающегося к реакции, опустошенного, не знающего цели и смысла своего существования. Это одновременно и портрет и автопортрет, и герой и лирическое «я».

Но, разумеется, этим не исчерпывается значение творчества Апухтина. Именно потому, что он был неизмеримо шире эпигонов — представителей младшего поколения «чистой поэзии», что он

---

[1] М. Горький. О пьесах. — Собрание сочинений, т 26. М., 1953, стр. 424.

[2] П. Перцов. Философские течения русской поэзии. СПб., 1896, стр. 353.

соединил в своем творчестве элементы «чистой поэзии» с реалистической интонацией некрасовского направления, он стал одним из тех, чей поэтический опыт был учтен и использован поэтами следующих поколений. Так, Блок любил Апухтина и в своем экземпляре его произведений отметил многие его стихотворения, в частности элегию «В убогом рубище, недвижна и мертва...», написанную под прямым влиянием Некрасова.

Апухтин пользовался широкой популярностью у читателя своего времени. Многие его стихотворения с неизменным успехом исполнялись с эстрады, перепечатывались в различных антологиях и чтецах-декламаторах, немало его стихов положено на музыку выдающимися русскими композиторами.

Апухтин не забыт и сейчас, как забыты многие современные ему поэты. Лучшее и самое характерное из созданного им — «апухтинское», как сказал Блок, — его исполненные драматизма элегии, эмоционально заразительные романсы, повествовательные стихотворения, отмеченные точностью и глубиной психологической характеристики героя, — сохраняют и поныне свою впечатляющую силу.

Н. Коварский

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЕРЕВЕНСКИЕ ОЧЕРКИ

1
ПОСВЯЩЕНИЕ

Еще свежа твоя могила,
Еще и вьюга с высоты
Ни разу снегом не покрыла
Ее поблекшие цветы;
Но я устал от жизни этой,
И безотрадной и тупой,
Твоим дыханьем не согретой,
С твоими днями не слитой.

Увы! ребенок ослепленный,
Иного я от жизни ждал:
В тумане берег отдаленный
Мне так приветливо сиял.
Я думал: счастья, страсти шумной
Мне много будет на пути...
И, боже! как хотел, безумный,
Я в дверь закрытую войти!

И я поплыл... Но что я видел
На том желанном берегу,
Как запылал, возненавидел, —
Пересказать я не могу.
И вот, с разбитою душою,

Мечту отбросивши свою,
Я перед дверью роковою
В недоумении стою.
Остановлюсь ли у дороги,
С пустой смешаюсь ли толпой,
Иль, не стерпев души тревоги,
Отважно кинусь я на бой?
В борьбе неравной юный воин,
В боях неопытный боец, —
Как ты, я буду ль тверд, спокоен,
Как ты, паду ли наконец?

О, где б твой дух, для нас незримый,
Теперь счастливый ни витал,
Услышь мой стих, мой труд любимый:
Я их от сердца оторвал!
А если нет тебя... О, боже!
К кому ж идти? Я здесь чужой...
Ты и теперь мне всех дороже
В могиле темной и немой.

13 августа 1859

2

В ПОЛДЕНЬ

Как стелется пó ветру рожь золотая
Широкой волной,
Как пыль поднимается, путь застилая
Густою стеной!

Как грудь моя ноет тоской безымянной,
Мученьем былым...
О, если бы встретить мне друга нежданно
И плакать бы с ним!

Но горькие слезы я лью только с вами,
Пустые поля...
Сама ты горька и полита слезами,
Родная земля!

27 июня 1859

8
ПРОСЕЛОК

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по́ степям, по нивам,
Всё бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется на́ небе румяном —
Вся она росою блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Всё молчит, всё дремлет, — в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое,
Да куда ни глянешь освеженным взором,
Отовсюду веет тишью и простором.
На гору ль въезжаешь — за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленьи.
Вот и деревенька, барский дом повыше...
Покосились набок сломанные крыши.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой
Липа да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина...
Бедная картина! Милая картина!..
Уж с серпами в поле шумно идут жницы,
Между лип немолчно распевают птицы,
За клячонкой жалкой мужичок шагает,
С диким воплем стадо путь перебегает.
Жарко... День, краснея, всходит понемногу..
Скоро на большую выедем дорогу.
Там скрипят обозы, там стоят ракиты.
Из краев заморских к нам тропой пробитой
Там идет крикливо всякая новинка...
Там ты и заглохнешь, русская тропинка!

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съехал — впереди застава,
Сзади пыль да версты... Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной —
Тот же прихотливый, тот же непокорный!

6 июля 1858

4
ПЕСНИ

Май на дворе... Началися посевы,
Пахарь поет за сохой...
Снова внемлю вам, родные напевы,
С той же глубокой тоской!

Но не одно гореванье тупое —
Плод бесконечных скорбей, —
Мне уже слышится что-то иное
В песнях отчизны моей.

Льются смелей заунывные звуки,
Полные сил молодых.
Многих годов пережитые муки
Грозно скопилися в них...

Так вот и кажется, с первым призывом
Грянут они из оков
К вольным степям, к нескончаемым нивам,
В глубь необъятных лесов.

Пусть тебя, Русь, одолели невзгоды,
Пусть ты — унынья страна...
Нет, я не верю, что песня свободы
Этим полям не дана!

10 мая 1858

5
ЛЕТНЕЙ РОЗЕ

Что так долго и жестоко
Не цвела ты, дочь Востока,
Гостья нашей стороны?
Пронеслись они, блистая,
Золотые ночи мая,
Золотые дни весны.

Знаешь, тут под тенью сонной
Ждал кого-то и, влюбленный,
Пел немолчно соловей;
Пел так тихо и так нежно,
Так глубоко безнадежно
Об изменнице своей!

Если б ты тогда явилась, —
Как бы чудно оживилась
Песня, полная тоской;
Как бы он, певец крылатый,
Наслаждением объятый,
Изнывал перед тобой!

Словно перлы дорогие,
На листы твои живые
Тихо б падала роса;
И сквозь сумрачные ели
Высоко б на вас глядели
Голубые небеса.

19 июня 1858

6

Вчера у окна мы сидели в молчаньи...
Мерцание звезд, соловья замиранье,
Шумящие листья в окно,
И нега, и трепет... Не правда ль, всё это
Давно уже было другими воспето
И нам уж знакомо давно?

Но я был взволнован мечтой невозможной;
Чего-то в прошедшем искал я тревожно,
Забытые спрашивал сны..
В ответ только звезды светлее горели,
Да слышались громче далекие трели
Певца улетавшей весны.

16 мая 1858

7

ГРУСТЬ ДЕВУШКИ

Идиллия

Жарко мне! Не спится...
Месяц уж давно,
Красный весь, глядится
В низкое окно.
Призатихло в поле,
В избах полегли;
Уж слышней на воле
Запах конопли,
Уж туманы скрыли
Потемневший путь...
Слезы ль, соловьи ли —
Не дают заснуть...

Жарко мне! Не спится...
Сон от глаз гоня,
Что-то шевелится
В сердце у меня.
Точно плачет кто-то,
Стонет позади...
В голове забота,
Камень на груди;
Точно я сгораю
И хочу обнять...
А кого — не знаю,
Не могу понять.

Завтра воскресенье...
Гости к нам придут,
И меня в селенье,
В церковь повезут.
Средь лесов дремучих
Свадьба будет там...
Сколько слез горючих
Лить мне по ночам!
Все свои печали
Я таю́ от дня...
Если б только знали,
Знали про меня!

Как вчера я встала
Да на пашню шла,
Парня повстречала
С ближнего села.
Нрава, знать, такого —
Больно уж не смел:
Не сказал ни слова,
Только посмотрел...
Да с тех пор томится
Вся душа тоской...
Пусть же веселится
Мой жених седой!

Только из тумана
Солнышко блеснет,
Поднимусь я рано,
Выйду из ворот...
Нет, боюсь признаться...
Как отцу сказать?
Станет брат ругаться,
Заколотит мать...
Жарко мне! Не спится...
Месяц уж давно,
Красный весь, глядится
В низкое окно.

24 июля 1858

8

СОСЕД

Как я люблю тебя, дородный мой сосед,
    Когда, дыша приязнью неизменной,
Ты плавной поступью приходишь на обед,
    С улыбкой вкрадчиво-смиренной!
Мне нравятся в тебе — твой сладкий голосок,
Избыток важности и дум благочестивых,
И тихо льющийся, заманчивый поток
        Твоих бесед медоточивых;
Порою мысль твоя спокойно-высока,

Порой приходишь ты в волненье,
Касаясь не без желчи, хоть слегка,
Ошибок старого дьячка
И молодого поколенья...
И, долго слушая, под звук твоих речей
Я забываюся... Тогда в мечте моей
Мне чудится, что, сев в большие дроги,
На паре толстых лошадей
Плетусь я по большой дороге.
Навстречу мне пустынный путь лежит:
Нет ни столбов, ни вех, ни гор, ни перевоза,
Ни даже тощеньких ракит,
Ни даже длинного обоза, —
Всё гладко и мертво; густая пыль кругом...
А серый пристяжной с своей подругой жирной
По знойному пути бредут себе шажком,
И я полудремлю, раскачиваясь мирно.

26 мая 1858

9

СЕЛЕНЬЕ

Здравствуй, старое селенье,
Я знавал тебя давно.
Снова песни в отдаленьи,
И, как прежде, это пенье
На лугах повторено.

И широ́ко за лугами
Лесом красится земля;
И зернистыми снопами
Скоро лягут под серпами
Отягченные поля.

Но, как зреющее поле,
Не цветут твои жнецы;
Но в ужасной дикой доле,
В сокрушительной неволе
Долго жили их отцы;

Но духовными плодами
Не блестит твоя земля;
Но горючими слезами,
Но кровавыми ручьями
Смочены твои поля.

Братья! Будьте же готовы,
Не смущайтесь — близок час:
Срок окончится суровый,
С ваших плеч спадут оковы,
Перегнившие на вас!

Будет полдень молчаливый,
Будет жаркая пора. . .
И тогда, в тот день счастливый,
Собирайте ваши нивы,
Пойте песни до утра!

О, тогда от умиленья
Встрепенуться вам черед!
О, тогда-то на селенье
Луч могучий просвещенья
С неба вольности блеснет!

16 июля 1858

10

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВНЕЙ

Прощай, приют родной, где я с мечтой ленивой
Без горя проводил задумчивые дни.
Благодарю за мир, за твой покой счастливый,
За вдохновения твои!
Увы, в последний раз в тоскливом упоеньи
Гляжу на этот сад, на дальние леса;
Меня отсюда мчит иное назначенье,
И ждут иные небеса.
А если, жизнью смят, обманутый мечтами,
К тебе, как блудный сын, я снова возвращусь, —
Кого еще найду меж старыми друзьями
И так ли с новыми сойдусь?

И ты... что будешь ты, страна моя родная?
Поймет ли твой народ всю тяжесть прежних лет?
И буду ль видеть я, хоть свой закат встречая,
Твой полный счастия рассвет?

26 июня 1858

РАСЧЕТ

Я так тебя любил, как ты любить не можешь:
Безумно, пламенно... с рыданием немым.
Потухла страсть моя, недуг неизлечим, —
Ему забвеньем не поможешь!

Всё кончено... Иной я отдаюсь судьбе,
С ней я могу идти бесстрастно до могилы;
Ей весь избыток чувств, ей весь остаток силы,
Одно проклятие — тебе.

6 июня 1858

* * *

Гремела музыка, горели ярко свечи,
Вдвоем мы слушали, как шумный длился бал,
Твоя дрожала грудь, твои пылали плечи,
Так ласков голос был, так нежны были речи;
Но я в смущении не верил и молчал.

В тяжелый горький час последнего прощанья
С улыбкой на лице я пред тобой стоял,
Рвалася грудь моя от боли и страданья,
Печальна и бледна, ты жаждала признанья...
Но я в волнении томился и молчал.

Я ехал. Путь лежал передо мной широко...
Я думал о тебе, я всё припоминал,
О, тут я понял всё, я полюбил глубоко,
Я говорить хотел, но ты была далеко,
Но ветер выл кругом... я плакал и молчал.

22 июля 1858

MEMENTO MORI[1]

Когда о смерти мысль приходит мне случайно,
Я не смущаюся ее глубокой тайной,
И, право, не крушусь, где сброшу этот прах,
Напрасно гибнущую силу;
На пышном ложе ли, в изгнаньи ли, в волнах,
Для похорон друзья сберутся ли уныло,
Напьются ли они на тех похоронах
Иль неотпетого свезут меня в могилу, —
Мне это всё равно... Но если, боже мой!
Но если не всего меня разрушит тленье
И жизнь за гробом есть, — услышь мой стон больной,
Услышь мое тревожное моленье!

Пусть я умру весной. Когда последний снег
Растает на полях и радостно на всех
Пахнет дыханье жизни новой,
Когда бессмертия постигну я мечту,
Дай мне перелететь опять на землю ту,
Где я страдал так горько и сурово.
Дай мне хоть раз еще взглянуть на те поля,
Узнать, всё так же ли вращается земля
В своем величьи неизменном,
И те же ли там дни, и так же ли роса
Слетает по утрам на берег полусонный,
И так же ль сини небеса,
И так же ль рощи благовонны?
Когда ж умолкнет всё и тихо над землей
Зажжется свод небес далекими огнями,
Чрез волны облаков, облитые луной,
Я понесусь назад, неслышный и немой,
Несметными окутанный крылами.
Навстречу мне деревья, задрожав,
В последний раз пошлют свой ропот вечный,
Я буду понимать и шум глухой дубрав,
И трели соловья, и тихий шелест трав,
И речки говор бесконечный.
И тем, по ком страдал я чувством молодым,

---

[1] Помни о смерти (лат.). — *Ред.*

Кого любил с таким самозабвеньем,
Явлюся я... не другом их былым,
Не призраком могилы роковым,
Но грезой легкою, но тихим сновиденьем.
Я всё им расскажу. Пускай хоть в этот час
Они поймут, какой огонь свободный
В груди моей горел, и тлел он, и угас,
Неоцененный и бесплодный.
Я им скажу, как я в былые дни
Из душной темноты напрасно к свету рвался,
Как заблуждаются они,
Как я до гроба заблуждался!

19 сентября 1858

* * *

Глянь, как тускло и бесплодно
Солнце осени глядит,
Как печально дождь холодный
Каплет, каплет на гранит.

Так без счастья, без свободы,
Увядая день за днем,
Скучно длятся наши годы
В ожидании тупом.

Если б страсть хоть на мгновенье
Отуманила глаза,
Если б вечер наслажденья,
Если б долгая гроза!

Бьются ровно наши груди,
Одиноки вечера...
Что за небо, что за люди,
Что за скучная пора?

19 октября 1858

19 ОКТЯБРЯ 1858 ГОДА

Памяти Пушкина

Я видел блеск свечей, я слышал скрипок вой,
Но мысль была чужда напевам бестолковым,
И тень забытая носилась предо мной
В своем величии суровом.

Курчавым мальчиком, под сень иных садов
Вошел он в первый раз, исполненный смущенья;
Он помнил этот день среди своих пиров,
Среди невзгод и заточенья.

Я вижу: дремлет он при свете камелька,
Он только ветра свист да голос бури слышит;
Он плачет, он один... и жадная рука
Привет друзьям далеким пишет.

Увы! где те друзья? Увы! где тот поэт?
Невинной жертвою пал труп его кровавый...
Пируйте ж, юноши: его меж вами нет,
Он не смутит вас дерзкой славой!

19 октября 1858

ИЗ ЛЕНАУ

Вечер бурный и дождливый
Гаснет... Всё молчит кругом;
Только грустно шепчут ивы,
Наклоняясь над прудом.

Я покинул край счастливый...
Слезы жгучие тоски —
Лейтесь, лейтесь... Плачут ивы,
Ветер клонит тростники.

Ты одна сквозь мрак тоскливый
Светишь, друг, мне иногда,
Как сквозь плачущие ивы
Светит вечера звезда.

21 ноября 1858

ИЗ ГЕЙНЕ

Меня вы терзали, томили,
Измучили сердце тоской,
Одни — своей скучной любовью,
Другие — жестокой враждой.

Вы хлеб отравили мне, ядом
Вы кубок наполнили мой,
Одни — своей скучной любовью,
Другие — жестокой враждой.

Лишь та, что всех больше терзала
И мучила с первого дня, —
Как мало она враждовала,
Как мало любила меня.

29 ноября 1858

ИЗ БАЙРОНА

Мечтать в полях, взбегать на выси гор,
Медлительно среди лесов дремучих
Переходить, где никогда топор
Не пролагал следов своих могучих;
Без цели мчаться по полям пустым,
И слушать волн немолчное журчанье,
И всё мечтать — не значит быть одним...
То — разговор с природой и слиянье,
То — девственных красот немое созерцанье!..

Но, посреди забот толпы людской,
Всё видеть, слышать, чувствовать глубоко,
И одному бродить в тоске немой,
И скукою измучиться жестоко...
И никого не встретить из людей,
Кому бы рассказать души мученья,
Кто вспомнил бы по смерти нас теплей,
Чем всё, что лжет, и льстит, и кроет мщенье...
Вот — одиночество... вот, вот — уединенье!

4 декабря 1858

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

(Из А. Шенье)

«Неспелый колос ждет, нетронутый косой,
Всё лето виноград питается росой,
Грозящей осени не чуя;
Я также хороша, я также молода!
Пусть все полны кругом и страха, и стыда, —
Холодной смерти не хочу я!

Лишь стоик сгорбленный бежит навстречу к ней,
Я плачу, грустная... В окно тюрьмы моей
Приветно смотрит блеск лазури,
За днем безрадостным и радостный придет:
Увы! Кто пил всегда без пресыщенья мед?
Кто видел океан без бури?

Широкая мечта живет в моей груди,
Тюрьма гнетет меня напрасно: впереди
Летит, летит надежда смело...
Так, чудом избежав охотника сетей,
В родные небеса счастливей и смелей
Несется с песней Филомела.

О, мне ли умереть? Упреком не смущен,
Спокойно и легко проносится мой сон
Без дум, без призраков ужасных;
Явлюсь ли утром, все приветствуют меня,
И радость тихую в глазах читаю я
У этих узников несчастных.

Жизнь, как знакомый путь, передо мной светла,
Еще деревьев тех немного я прошла,
Что смотрят на дорогу нашу;
Пир жизни начался, и, кланяясь гостям,
Едва, едва поднесть успела я к губам
Свою наполненную чашу.

Весна моя цветет, я жатвы жду с серпом:
Как солнце, обойдя вселенную кругом,
Я кончить год хочу тяжелый;

Как зреющий цветок, краса своих полей,
Я свет увидела из утренних лучей, —
Я кончить день хочу веселый.

О смерть! Меня твой лик забвеньем не манит.
Ступай утешить тех, кого печаль томит
Иль совесть мучит, негодуя...
А у меня в груди тепло струится кровь,
Мне рощи темные, мне песни, мне любовь...
Холодной смерти не хочу я!»

Так, пробудясь в тюрьме, печальный узник сам,
Внимал тревожно я замедленным речам
Какой-то узницы... И муки,
И ужас, и тюрьму — я всё позабывал
И в стройные стихи, томясь, перелагал
Ее пленительные звуки.

Те песни, чудные свидетели тюрьмы,
Кого-нибудь склонят певицу этой тьмы
Искать, назвать ее своею...
Был полон прелести аккорд звеневших нот,
И, как она, за дни бояться станет тот,
Кто будет проводить их с нею.

13 декабря 1858

ИЗ ГЕЙНЕ

Три мудрых царя из полуденных стран
Кричали, шатаясь по свету:
«Скажите, ребята, нам путь в Вифлеем!» —
И шли, не дождавшись ответа.

Дороги в тот город не ведал никто,
Цари не смущалися этим:
Звезда золотая их с неба вела
Назло непонятливым детям.

Над домом Иосифа стала звезда;
Цари туда тихо вступали;
Теленок ревел там, ребенок кричал,
Святые цари подпевали.

13 декабря 1858

ИЗ ГЕЙНЕ

Я каждую ночь тебя вижу во сне
В толпе незнакомых видений,
Приветливо ты улыбаешься мне,
Я плачу, упав на колени.

Ты долго и грустно глядишь на меня
И светлой качаешь головкой,
И капают слезы из глаз у меня,
И что-то твержу я неловко.

Ты тихое слово мне шепчешь в ответ,
Ты ветку даешь мне открыто.
Проснулся — и ветки твоей уже нет,
И слово твое позабыто.

22 декабря 1858

‹Н. А. НЕВЕДОМСКОЙ›

Я слушал вас... Мои мечты
Летели вдаль от светской скуки;
Над шумом праздной суеты
Неслись чарующие звуки.

Я слушал вас... И мне едва
Не снились вновь, как в час разлуки,
Давно замолкшие слова,
Давно исчезнувшие звуки.

Я слушал вас... И ныла грудь,
И сердце рвáлося от муки,
И слово горькое «забудь»
Твердили гаснувшие звуки...

30 декабря 1858

ГРЕЦИЯ

Посвящается Н. Ф. Щербине

Поэт, ты видел их развалины святые,
Селенья бедные и храмы вековые, —
Ты видел Грецию, и на твои глаза
Являлась горькая художника слеза.
Скажи, когда, склонясь под тенью сикоморы,
Ты тихо вдаль вперял задумчивые взоры
И море синее плескалось пред тобой, —
Послушная мечта тебе шептала ль страстно
О временах иных, стране совсем иной,
Стране, где было всё так юно и прекрасно?
Где мысль еще жила о веке золотом,
Без рабства и без слез... Где в блеске молодом,
Обожествленная преданьями народа,
Цвела и нежилась могучая природа...
Где, внемля набожно оракула словам,
Доверчивый народ бежал к своим богам
С веселой шуткою и речью откровенной,
Где боги не были угрозой для вселенной,
Но идеалами великими полны...
Где за преданием не пряталося чувство,
Где были красоте лампады возжены,
Где Эрос сам был бог, а цель была искусство;
Где выше всех венков стоял венок певца,
Где пред напевами хиосского слепца
Склонялись мудрецы, и судьи, и гетеры;
Где в мысли знали жизнь, в любви не знали меры,
Где всё любило, всё, со страстью, с полнотой,
Где наслаждения бессмертный не боялся,
Где молодой Нарцисс своею красотой
В томительной тоске до смерти любовался,
Где царь пред статуей любовью пламенел,
Где даже лебедя пленить умела Леда
И, верно, с трепетом зеленый мирт глядел
На грудь Аспазии, на кудри Ганимеда...

13 января 1859

* * *

Волшебные слова любви и упоенья
Я слышал наконец из милых уст твоих,
Но в странной робости последнего сомненья
Твой голос ласковый затих.

Давно, когда, в цветах синея и блистая,
Неслася над землей счастливая весна,
Я помню, видел раз, как глыба снеговая
На солнце таяла одна.

Одна... кругом и жизнь, и говор, и движенье...
Но солнце всё горит, звучней бегут ручьи...
И в полдень снега нет, и радость обновленья
До утра пели соловьи.

О, дай же доступ мне, моей любви мятежной,
О, сбрось последний снег, растай, растай скорей...
И я тогда зальюсь такою песней нежной,
Какой не ведал соловей!

5 февраля 1859

В ГОРЬКУЮ МИНУТУ

Небо было черно, ночь была темна.
Помнишь, мы стояли молча у окна,
Непробудно спал уж деревенский дом.
Ветер выл сердито под твоим окном,
Дождь шумел по крыше, стекла поливал;
Свечка догорела, маятник стучал...
Медленно вздыхая, ты глядела вдаль,
Нас обоих грызла старая печаль!
Ты заговорила тихо, горячо...
Ты мне положила руку на плечо...
И в волненьи жадном я приник к тебе...
Я так горько плакал, плакал о себе!
Сердце разрывалось, билось тяжело...
То давно уж было, то давно прошло!

О, как небо черно, о, как ночь темна,
Как домами тяжко даль заслонена...
Слез уж нет... один я... и в душе моей,
Верь, еще темнее и еще черней.

7 февраля 1859

* * *

Когда так радостно в объятиях твоих
Я забывал весь мир с его волненьем шумным,
О будущем тогда не думал я. В тот миг
Я полон был тобой да счастием безумным.

Но ты ушла. Один, покинутый тобой,
Я посмотрел кругом в восторге опьяненья,
И сердце в первый раз забилося тоской,
Как бы предчувствием далекого мученья.

Последний поцелуй звучал в моих ушах,
Последние слова носились близко где-то...
Я звал тебя опять, я звал тебя в слезах,
Но ночь была глуха, и не было ответа!

С тех пор я всё зову... Развенчана мечта,
Пошли иные дни, пошли иные ночи...
О, боже мой! Как лгут прекрасные уста,
Как холодны твои пленительные очи!

16 февраля 1859

* * *

Мне было весело вчера на сцене шумной,
Я так же, как и все, комедию играл;
И радовался я, и плакал я безумно,
И мне театр рукоплескал.

Мне было весело за ужином веселым,
Заздравный свой стакан я также поднимал,
Хоть ныла грудь моя в смущении тяжелом
И голос в шутке замирал.

Мне было весело... Над выходкой забавной
Смеясь, ушла толпа, веселый говор стих, —
И я пошел взглянуть на залу, где недавно
Так много, много было их!

Огонь давно потух. На сцене опустелой
Валялися очки с афишею цветной,
Из окон лунный свет бродил по ней несмело,
Да мышь скреблася за стеной.

И с камнем на́ сердце оттуда убежал я,
Бессонный и немой сидел я до утра;
И плакал, плакал я, и слез уж не считал я...
Мне было весело вчера.

19 апреля 1859

* * *

Мы на сцене играли с тобой
И так нежно тогда целовались,
Что все фарсы комедии той
Мне возвышенной драмой казались.

И в веселый прощания час
Мне почудились дикие стоны:
Будто обнял в последний я раз
Холодеющий труп Дездемоны...

Позабыт неискусный актер,
Поцелуи давно отзвучали,
Но я горько томлюся с тех пор
В безысходной и жгучей печали.

И горит, и волнуется кровь,
На устах пламенеют лобзанья...
Не комедия ль эта любовь,
Не комедия ль эти страданья?

20 апреля 1859

* * *

Какое горе ждет меня?
Что мне зловещий сон пророчит?
Какого тягостного дня
Судьба еще добиться хочет?
Я так страдал, я столько слез
Таил во тьме ночей безгласных,
Я столько молча перенес
Обид тяжелых и напрасных;
Я так измучен, оглушен
Всей жизнью, дикой и нестройной,
Что, как бы страшен ни был сон,
Я дней грядущих жду спокойно...
Не так ли в схватке боевой
Солдат израненный ложится
И, чуя смерть над головой,
О жизни гаснущей томится,
Но вражьих пуль уж не боится,
Заслыша визг их пред собой.

3 мая 1859

* * *

Ни веселья, ни сладких мечтаний
Ты в судьбе не видала своей:
Твоя жизнь была цепью страданий
И тяжелых, томительных дней.
Видно, господу было так нужно:
Тебе крест он тяжелый судил,
Этот крест мы несли с тобой дружно,
Он обоих нас жал и давил.
Помню я, как в минуту разлуки
Ты рыдала, родная моя,
Как, дрожа, твои бледные руки
Горячо обнимали меня;
Всю любовь, все мечты, все желанья —
Всё в слова перелить я хотел,
Но последнее слово страданья, —

Оно замерло в миг расставанья,
Я его досказать не успел!

Это слово сказала могила:
Не состарившись, ты умерла,
Оттого — что ты слишком любила,
Оттого — что ты жить не могла!
Ты спокойна в могиле безгласной,
Но один я в борьбе изнемог...
Он тяжел, этот крест ежечасный,
Он на грудь мне всей тяжестью лег!
И пока моя кровь не остынет,
Пока тлеет в груди моей жар,
Он меня до конца не покинет,
Как твой лучший и символ, и дар!

24 мая 1859

* * *

Когда был я ребенком, родная моя,
Если детское горе томило меня,
Я к тебе приходил, и мой плач утихал:
На груди у тебя я в слезах засыпал.

Я пришел к тебе вновь... Ты лежишь тут одна,
Твоя келья темна, твоя ночь холодна,
Ни привета кругом, ни росы, ни огня...
Я пришел к тебе... жизнь истомила меня.

О, возьми, обними, уврачуй, успокой
Мое сердце больное рукою родной,
О, скорей бы к тебе мне, как прежде, на грудь,
О, скорей бы мне там задремать и заснуть.

11 июня 1859

* * *

О, боже, как хорош прохладный вечер лета,
Какая тишина!
Всю ночь я просидеть готов бы до рассвета
У этого окна.

Какой-то темный лик мелькает по аллее,
И воздух недвижим,
И кажется, что там еще, еще темнее
За садом молодым.
Уж поздно... Всё сильней цветов благоуханье,
Сейчас взойдет луна...
На небесах покой, и на земле молчанье,
И всюду тишина.

Давно ли в этот сад в чудесный вечер мая
Входили мы вдвоем?
О, сколько, сколько раз его мы, не смолкая,
Бывало обойдем!
И вот я здесь один, с измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мне хочется рыдать, припавши, как бывало,
К груди твоей родной...
Я жду... но не слыхать знакомого привета,
Душа болит одна...
О, боже, как хорош прохладный вечер лета,
Какая тишина!

14 июня 1859

* * *

Безмесячная ночь дышала негой кроткой;
Усталый я лежал на скошенной траве.
Мне снилась девушка с ленивою походкой,
С венком из васильков на юной голове.

И пела мне она: «Зачем так безответно
Вчера, безумец мой, ты следовал за мной?
Я не люблю тебя, хоть слушала приветно
Признанья и мольбы души твоей больной.

Но... но мне жаль тебя... Сквозь смех твой
в час прощанья
Я слезы слышала... Душа моя тепла,
И верь, что все мечты и все твои страданья
Из слушавшей толпы одна я поняла.

А ты, ты уж мечтал с волнением невежды,
Что я сама томлюсь, страдая и любя...
О, кинь твой детский бред, разбей твои надежды,
Я не хочу любить, я не люблю тебя!»

И ясный взор ее блеснул улыбкой кроткой,
И около меня по скошенной траве,
Смеясь, она прошла ленивою походкой
С венком из васильков на юной голове.

22 июня 1859

* * *

Я люблю тебя так оттого,
Что из пошлых и гордых собою
Не напомнишь ты мне никого
Откровенной и ясной душою,
Что с участьем могла ты понять
Роковую борьбу человека,
Что в тебе уловил я печать
Отдаленного, лучшего века!
Я люблю тебя так потому,
Что не любишь ты мертвого слова,
Что не веришь ты слепо уму,
Что чужда ты расчета мирского;
Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Пред твоей миротворной улыбкой!

24 июля 1859

* * *

Не в первый день весны, цветущей и прохладной,
Увидел я тебя!
Нет, осень близилась, рукою беспощадной
Хватая и губя.

Но чудный вечер был. Дряхлеющее лето
Прощалося с землей,
Поблекшая трава была, как в час рассвета,
Увлажена росой;

Над садом высохшим, над рощами лежала
Немая тишина;
Темнели небеса, и в темноте блистала
Багровая луна.

Не в первый сон любви, цветущей и мятежной,
Увидел я тебя!
Нет! прежде пережил я много грусти нежной,
Страдая и любя.

Но чудный вечер был. Беспечными словами
Прощался я с тобой;
Томилась грудь моя и новыми мечтами,
И старою тоской.

Я ждал: в лице твоем пройдет ли тень печали,
Не брызнет ли слеза?
Но ты смеялася... И в темноте блистали
Светло твои глаза.

9 августа 1859

МАЮ

Бывало, с детскими мечтами
Являлся ты как ангел дня,
Блистая белыми крылами,
Весенним голосом звеня;
Твой взор горел огнем надежды,
Ты волновал мечтами кровь
И сыпал с радужной одежды
Цветы, и рифмы, и любовь.

Прошли года. Ты вновь со мною,
Но грустно юное чело,
Глаза подернулись тоскою,
Одежду пылью занесло.

Ты смотришь холодно и строго,
Веселый голос твой затих,
И белых перьев много, много
Из крыльев выпало твоих.

Минуют дни, пройдут недели...
В изнеможении тупом,
Забытый всеми, на постели
Я буду спать глубоким сном.
Слетев под брошенную крышу,
Ты скажешь мне: «Проснися, брат!»
Но слов твоих я не услышу,
Могильным холодом объят.

1859

ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ

1

О, удались навек, тяжелый дух сомненья,
О, не тревожь меня печалью старины,
Когда так пламенно природы обновленье
И так свежительно дыхание весны;
Когда так радостно над душными стенами,
Над снегом тающим, над пестрою толпой
Сверкают небеса горячими лучами,
Пророчат ласточки свободу и покой;
Когда во мне самом, тоски моей сильнее,
Теснят ее гурьбой веселые мечты,
Когда я чувствую, дрожа и пламенея,
Присутствие во всем знакомой красоты;
Когда мои глаза, объятые дремотой,
Навстречу тянутся к мелькнувшему лучу...
Когда мне хочется прижать к груди кого-то,
Когда не знаю я, кого обнять хочу;
Когда весь этот мир любви и наслажденья
С природой заодно так молод и хорош...
О, удались навек, тяжелый дух сомненья,
Печалью старою мне сердца не тревожь!

20 апреля 1857

2

Опять я очнулся с природой!
И кажется, вновь надо мной
Всё радостно грезит свободой,
Всё веет и дышит весной.

Опять в безотчетном томленьи,
Усталый, предавшись труду,
Я дней без труда и волненья
С каким-то волнением жду.

И слышу, как жизнь молодая
Желания будит в крови,
Как сердце дрожит, изнывая
Тоской беспредметной любви...

Опять эти звуки былого,
И счастья ребяческий бред...
И всё, что понятно без слова,
И всё, чему имени нет.

15 мая 1857

3

Весенней ночи сумрак влажный
Струями льется предо мной,
И что-то шепчет гул протяжный
Над обновленною землей.

Зачем, о звезды, вы глядите
Сквозь эти мягкие струи?
О чем так громко вы журчите,
Неугомонные ручьи?

Вам долго слух без мысли внемлет,
К вам без тоски прикован взор...
И сладко грудь мою объемлет
Какой-то тающий простор.

10 апреля 1858

4

Затих утомительный говор людей,
Потухла свеча у постели моей,
Уж близок рассвет; мне не спится давно...
Болит мое сердце, устало оно.
Но кто же приник к изголовью со мной?
Ты ль это, мой призрак, мой ангел земной?
О, верь мне, тебя я люблю глубоко...
Как девственной груди дыханье легко,
Как светит и греет твой ласковый взгляд,
Как кротко в тиши твои речи звучат!
Ты руку мне жмешь — она жарче огня...
Ты долго и нежно целуешь меня...
Ты тихо уходишь... О, боже! Постой...
Останься, мой ангел, останься со мной!
Ведь этих лобзаний, навеянных сном,
Ведь этого счастья не будет потом!
Ведь завтра опять ты мне бросишь едва
Холодные взгляды, пустые слова,
Ведь сердце опять запылает тоской...
Останься, мой ангел, мне сладко с тобой!

16 апреля 1859

5

ПРОБУЖДЕНИЕ

Проснулся я... В раскрытое окно
Повеяло прохладой и цветами;
Уж солнце ходит пó небу давно,
А соловей не молкнет за кустами...
Я слушаю: так песнь его полна
Тоскливого и страстного желанья,
Так радостно проносится весна,
Что кажется, на что б еще страданье?

Но мне всю ночь ужасный снился сон,
Но дважды я всё с той же грезой бился,
И каждый раз был стоном пробужден,
И после долго плакал и томился...

Мне тяжело. О нет, в немой ночи
Отраднее сносить такие грезы,
О, слишком жгут весенние лучи
Еще недавно высохшие слезы!

9 мая 1858

6

УТЕШЕНИЕ ВЕСНЫ

Не плачь, мой певец одинокой,
Покуда кипит в тебе кровь.
Я знаю: коварно, жестоко
Тебя обманула любовь.

Я знаю: любовь незабвенна...
Но слушай: тебе я верна,
Моя красота неизменна,
Мне вечная юность дана!

Покроют ли небо туманы,
Приблизится ль осени час,
В далекие, теплые страны
Надолго я скроюсь от вас.

Как часто в томленьях недуга
Ты будешь меня призывать,
Ты ждать меня будешь как друга,
Как нежно любимую мать!

Приду я... На душу больную
Навею чудесные сны
И язвы легко уврачую
Твоей безрассудной весны!

Когда же по мелочи, скупо
Растратишь ты жизнь и — старик —
Начнешь равнодушно и тупо
Мой ласковый слушать язык, —

Тихонько, родными руками,
Я вежды твои опущу,
Твой гроб увенчаю цветами,
Твой темный приют посещу,

А там — под покровом могилы —
Умолкнут и стоны любви,
И смех, и кипевшие силы,
И скучные песни твои!

5 мая 1859

7

Опять весна! Опять какой-то гений
Мне шепчет незнакомые слова,
И сердце жаждет новых песнопений,
И в забытьи кружится голова.
Опять кругом зазеленели нивы,
Черемуха цветет, блестит роса,
И над землей, светлы и горделивы,
Как купол храма, блещут небеса.

Но этой жизни мне теперь уж мало,
Душа моя тоской отравлена́...
Не так она являлась мне, бывало,
Красавица, волшебница-весна!
Сперва ребенка языку природы
Она, смеясь, учила в тишине,
И для меня сбирала хороводы,
И первый стих нашептывала мне.

Потом, когда с тревогой непонятной
Зажглася в сердце отрока любовь,
Она пришла и речью благодатной
Живила сны и волновала кровь:
Свидания влюбленным назначала,
Ждала, томилась с нами заодно,
Мелодией по клавишам звучала,
Врывалася в раскрытое окно.

Теперь на жизнь гляжу я оком мужа,
И к сердцу моему, как в дверь тюрьмы,
Уж начала подкрадываться стужа,
Печальная предвестница зимы...
Проходят дни без страсти и без дела,
И чья-то тень глядит из-за угла...
Что ж, неужели юность улетела?
Ужели жизнь прошла и отцвела?

Погибну ль я в борьбе святой и честной
Иль просто так умру в объятьях сна, —
Явися мне в моей могиле тесной,
Красавица, волшебница-весна!
Покрой меня травой и свежим дерном,
Как прежде, разукрась свои черты,
И над моим забытым трупом черным
Рассыпь свои любимые цветы!..

<1862>

ПАМЯТИ МАРТЫНОВА

С тяжелой думою и с головой усталой
Недвижно я стоял в убогом храме том,
Где несколько свечей печально догорало
Да несколько друзей молилися о *нем.*

И всё мне виделся запуганный и бледный,
И жалкий человек... Смущением томим,
Он всех собой смешил, и так шутил безвредно,
И все довольны были им.

Но вот он вновь стоит, едва мигая глазом...
Над головой его все беды пронеслись...
Он только замолчал, и все замолкли разом, —
И слезы градом полились...

Все зрители твои: и воин, грудью смелой
Творивший чудеса на скачках и балах,
И толстый бюрократ с душою, очерствелой
В интригах мелких и чинах,

И отрок, и старик... и даже наши дамы,
Так равнодушные к отчизне и к тебе,
Так любящие визг французской модной драмы,
Так нагло льстящие себе, —

Все поняли они, как тяжко и обидно
Страдает человек в родимом их краю,
И каждому из них вдруг сделалось так стыдно
За жизнь счастливую свою!

Конечно, завтра же, по-прежнему бездушны,
Начнут они давить всех близких и чужих.
Но хоть на миг один ты, гению послушный,
Нашел остатки сердца в них!

Август или сентябрь 1860

ИЗ ПОЭМЫ «ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК»

1

Малыгин родился́ в глуши степной,
На бледный север вовсе не похожей,
Разнообразной, пестрой и живой.
Отца не знал он, матери он тоже
Лишился рано... но едва, едва,
Как дивный сон, как звук волшебной сказки,
Он помнил чьи-то пламенные ласки
И нежные любимые слова.
Он помнил, что неведомая сила
Его к какой-то женщине влекла,
Что вечером она его крестила,
И голову к нему на грудь клонила,
И долго оторваться не могла;
И что однажды, в тихий вечер мая,
Когда в расцвете нежилась весна,
Она лежала, глаз не открывая,
Как мрамор неподвижна и бледна;
Он помнил, как дьячки псалтырь читали,
Как плакал он и как в тот грозный час
Под окнами цветы благоухали,

Жужжа из окон пчелы вылетали
И чья-то песня громкая неслась.
Потом он жил у старой, строгой тетки,
Пред образом святителя Петра
Молившейся с утра и до утра
И с важностью перебиравшей четки.
И мальчик стал неловок, нелюдим,
Акафисты читал ей ежедневно,
И, чуть запнется, слышит, как над ним
Уж раздается тетки голос гневный:
«Да что ты, Миша, всё глядишь в окно?»
И Миша, точно, глаз отвесть от сада
Не мог. В саду темнело уж давно,
В окно лилась вечерняя прохлада;
Последний луч заката догорал,
За речкою излучистой краснея...
И, кончив чтенье, тотчас убегал
Он из дому. Широкая аллея
Тянулась вдаль. Оттуда старый дом
Еще казался ста́рей и мрачнее,
Там каждый кустик был ему знаком
И длинные ракиты улыбались
Еще с верхушек... Он дохнуть не смел
И, весь дрожа от радости, глядел,
Как в синем небе звезды загорались...

.

1860

2

CHANSON À BOIRE[1]

Если измена тебя поразила,
Если тоскуешь ты, плача, любя,
Если в борьбе истощается сила,
Если обида терзает тебя,
Сердце ли рвется,
Ноет ли грудь, —

---

[1] Застольная песня (франц.). — *Ред.*

Пей, пока пьется,
Всё позабудь!

Выпьешь, заискрится сила во взоре,
Бури, нужда и борьба нипочем...
Старые раны, вчерашнее горе, —
Всё обойдется, зальется вином.
Жизнь пронесется
Лучше, скорей,
Пей, пока пьется,
Сил не жалей!

Если ж любим ты и счастлив мечтою,
Годы беспечности мигом пройдут,
В темной могиле, под рыхлой землею
Мысли, и чувства, и ласки замрут.
Жизнь пронесется
Счастья быстрей...
Пей, пока пьется,
Пей веселей!

Что нам все радости, что наслажденья?
Долго на свете им жить не дано...
Дай нам забвенья, о, только забвенья,
Легкой дремо́й отумань нас, вино!
Сердце ль смеется,
Ноет ли грудь, —
Пей, пока пьется,
Всё позабудь!

1858

АКТЕРЫ

Минувшей юности своей
Забыв волненья и измены,
Отцы уж с отроческих дней
Подготовляют нас для сцены. —
Нам говорят: «Ничтожен свет,
В нем все злодеи или дети,
В нем сердца нет, в нем правды нет,
Но будь и ты как все на свете!»

И вот, чтоб выйти напоказ,
Мы наряжаемся в уборной;
Пока никто не видит нас,
Мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлера.
И говорим мы о добре,
О жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре
Звучит тепло и благородно;
О том, что жертва — наш девиз,
О том, что все мы, люди, — братья,
И публике из-за кулис
Мы шлем горячие объятья.
И говорим мы о любви,
К неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какие в сердце муки;
И сами видим без труда,
Как Дездемона наша мило,
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб побледнеть, кладет белила.
Потом, не зная, хороши ль
Иль дурны были монологи,
За бестолковый водевиль
Уж мы беремся без тревоги.
И мы смеемся надо всем,
Тряся горбом и головою,
Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою!
Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы — пора с дороги:
На лбу чуть держится парик,
Слезает горб, слабеют ноги...
Конец. — Теперь что ж делать нам?
Большая зала опустела...
Далеко автор где-то там...
Ему до нас какое дело?
И, сняв парик, умыв лицо,
Одежды сбросив шутовские,

Мы все, усталые, больные,
Лениво сходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустые улицы темны,
На черном небе звезд не видно —
Огни давно погашены...
Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимний воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мертвым холодом своим.

<1861>

СОВРЕМЕННЫМ ВИТИЯМ

Посреди гнетущих и послушных,
Посреди злодеев и рабов
Я устал от ваших фраз бездушных,
От дрожащих ненавистью слов!
Мне противно лгать и лицемерить,
Нестерпимо — отрицаньем жить...
Я хочу во что-нибудь да верить,
Что-нибудь всем сердцем полюбить!

Как монах, творя обет желанный,
Я б хотел по знойному пути
К берегам земли обетованной
По песку горячему идти;
Чтобы слезы падали ручьями,
Чтоб от веры трепетала грудь,
Чтоб с пути, пробитого веками,
Мне ни разу не пришлось свернуть!

Чтоб оазис в золотые страны
Отдохнуть меня манил и звал,
Чтоб вдали тянулись караваны,
Шел корабль, — а я бы всё шагал!
Чтоб глаза слипались от дороги,
Чтоб сгорали жаждою уста,
Чтоб мои подкашивались ноги
Под тяжелым бременем креста...

1861

В ТЕАТРЕ

Покинутый тобой, один в толпе бездушной
Я в онемении стоял:
Их крикам радости внимал я равнодушно,
Их диких слез не понимал.

А ты? Твои глаза блестели хладнокровно,
Твой детский смех мне слышен был,
И сердце билося твое спокойно, ровно,
Смиряя свой ненужный пыл.

Не знало сердце то, что близ него другое,
Уязвлено, оскорблено,
Дрожало, мучилось в насильственном покое,
Тоской и злобою полно!

Не знали те глаза, что ищут их другие,
Что молят жалости они,
Глаза печальные, усталые, сухие,
Как в хатах зимние огни!

1863

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Холодна, прозрачна и уныла,
Ночь вчера мне тихо говорила:
«Не дивися, друг, что я бледна
И как день блестеть осуждена,
Что до у́тра этот блеск прозрачный
Не затмится хоть минутой мрачной,
Что светла я в вашей стороне. . .
Не дивись и не завидуй мне.
Проносясь без устали над вами,
Я прочла пытливыми очами
Столько горя, столько слез и зла,
Что сама заснуть я не могла!
Да и кто же спит у вас? Не те ли,
Что весь день трудились и терпели
И теперь работают в слезах?
Уж не те ль заснули, что в цепях
Вспоминать должны любовь, природу

И свою любимую свободу?
Уж не он ли спит, мечтатель мой,
С юным сердцем, с любящей душой?
Нет, ко мне бежит он в исступленьи,
Молит хоть участья иль забвенья...
Но утешить власть мне не дана:
Я как лед бледна и холодна...
Только спят у вас глупцы, злодеи:
Их не душат слезы да идеи,
Совести их не в чем упрекать...
Эти чисты, эти могут спать».

1863

СУДЬБА

К 5-й симфонии Бетховена

С своей походною клюкой,
С своими мрачными очами,
Судьба, как грозный часовой,
Повсюду следует за нами.
Бедой лицо ее грозит,
Она в угрозах поседела,
Она уж многих одолела,
И всё стучит, и всё стучит:
Стук, стук, стук...
Полно, друг,
Брось за счастием гоняться!
Стук, стук, стук...

Бедняк совсем обжился с ней:
Рука с рукой они гуляют,
Сбирают вместе хлеб с полей,
В награду вместе голодают.
День целый дождь его кропит,
По вечерам ласкает вьюга,
А ночью с горя да с испуга
Судьба сквозь сон ему стучит:
Стук, стук, стук...
Глянь-ка, друг,
Как другие поживают!
Стук, стук, стук...

Другие праздновать сошлись
Богатство, молодость и славу.
Их песни радостно неслись,
Вино сменилось им в забаву;
Давно уж пир у них шумит,
Но смолкли вдруг, бледнея, гости...
Рукой, дрожащею от злости,
Судьба в окошко к ним стучит:
Стук, стук, стук...
Новый друг
К вам пришел, готовьте место!
Стук, стук, стук...

Герой на жертву всё принес.
Он говорил, что люди братья,
За братьев пролил много слез,
За слезы слышал их проклятья.
Он верно слабых защитит,
Он к ним придет, долой с дороги!
Но отчего ж недвижны ноги
И что-то на ногах стучит?
Стук, стук, стук...
Скован друг
Человечества, свободы...
Стук, стук, стук...

Но есть же счастье на земле!
Однажды, полный ожиданья,
С восторгом юным на челе
Пришел счастливец на свиданье!
Еще один он, всё молчит,
Заря за рощей потухает,
И соловей уж затихает,
А сердце бьется и стучит:
Стук, стук, стук...
Милый друг,
Ты придешь ли на свиданье?
Стук, стук, стук...

Но вот идет она, и вмиг
Любовь, тревога, ожиданье,

Блаженство — всё слилось у них
В одно безумное лобзанье!
Немая ночь на них глядит,
Всё небо залито огнями,
А кто-то тихо за кустами
Клюкой докучною стучит:
Стук, стук, стук...
Старый друг
К вам пришел, довольно счастья!
Стук, стук, стук...

1863

СМЕРТЬ АХУНДА

Он умирал один на скудном, жестком ложе
У взморья Дарданелл,
Куда, по прихоти богатого вельможи,
Принесть себя велел.
Когда рабы ушли, плечами пожимая,
В смущении немом,
Какой-то радостью забилась грудь больная,
И он взглянул кругом.
Кругом виднелися знакомые мечети,
Знакомые дворцы,
Где будут умирать изнеженные дети,
Где умерли отцы;
Но берег исчезал в его поникшем взоре...
И, тяжко горячи,
Как золотая сеть, охватывали море
Последние лучи.
Стемнело. В синие окутавшись одежды,
Затеплилась звезда,
Но тут уставшие и старческие вежды
Закрылись навсегда.
И жадно начал он внимать, дивяся чуду,
Не грянет ли волна?
Но на море была, и в воздухе, и всюду
Немая тишина.
Он умирал один... Вдруг длинными листами
Дрогну́ли дерева,

И кто-то подошел чуть слышными шагами, —
Послышались слова...
Уж не любовники ль сошлися здесь так поздно?
Их разговор был тих...
И всё бы отдал он, Ахунд, властитель грозный,
Чтоб только видеть их.

«Смотри-ка, — говорил один из них, зевая, —
Как вечер-то хорош!
Я ждал тебя давно, краса родного края,
Я знал, что ты придешь!»
— «А я? Я всё ждала, чтоб все уснули дома,
Чтоб выбежать потом,
Дорога предо мной, темна и незнакома,
Вилася за плетнем.
Скажи же мне теперь, зачем ты, мой желанный,
Прийти сюда велел?
Послушай, что с тобой? Ты смотришь как-то странно,
Ты слишком близко сел!
А я люблю тебя на свете всех сильнее,
За что, — и не пойму...
Есть юноши у нас, они тебя свежее
И выше по уму.
Вот даже есть один — как смоль густые брови,
Румянец молодой...
Он всё бы отдал мне, всё, всё, до капли крови,
Чтоб звать своей женой.
Его бесстрашен дух и тихи разговоры,
В щеках играет кровь...
Но мне не пó сердцу его живые взоры
И скучная любовь!
Ну, слушай, как-то раз по этой вот дороге
Я шла с восходом дня...
Но что же, что с тобой? Ты, кажется, в тревоге,
Не слушаешь меня...
О, боже мой! Глаза твои как угли стали,
Горит твоя рука...»

И вдруг в последний раз все струны задрожали
В душе у старика,
Ему почудились горячие объятья...

Всё смолкло вкруг него...
Потом он слышал вздох, и тихий шелест платья,
И больше ничего.

1863

РОМАНС

Помню, в вечер невозвратный
Посреди толпы чужой
Чей-то образ благодатный
Тихо веял предо мной.

Помню, в час нежданной встречи
И смятение, и страх,
Недосказанные речи
Замирали на устах...

Помню, помню, в ночь глухую
Я не спал... Часы неслись,
И на грудь мою больную
Слезы жгучие лились...

А сквозь слезы с речью внятной
И с улыбкой молодой
Чей-то образ благодатный
Тихо веял предо мной.

1863 (?)

ИЗ ПОЭМЫ «СЕЛО КОЛОТОВКА»

1

На родине моей картины величавой
Искать напрасно будет взор.
Ни пышных городов, покрытых громкой славой,
Ни цепи живописных гор, —

Нет, только хижины; овраги да осины
Среди желтеющей травы...
И стелются кругом унылые равнины,
Необозримы... и мертвы.

На родине моей не светит просвещенье
Лучами мирными нигде,
Коснеют, мучатся и гибнут поколенья
В бессмысленной вражде;
Все грезы юности, водя сурово бровью,
Поносит старый сибарит,
А сын на труд отца, добытый часто кровью,
С насмешкою глядит.

На родине моей для женщины печально
Проходят лучшие года;
Весь век живет она рабынею опальной
Под гнетом тяжкого труда;
Богата — ну так будь ты куклою пустою,
Бедна — мученьям нет конца...
И рано старятся под жизнью трудовою
Черты прелестного лица.

На родине моей не слышно громких песен,
Ликующих стихов;
Как древний Вавилон, наш край угрюм и тесен
Для звуков пламенных певцов.
С погостов да из хат несется песня наша,
Нуждою сложена́,
И льется через край наполненная чаша,
Тоскою жгучею полна.

На родине моей невесело живется
С нуждой и горем пополам;
Умрем — и ничего от нас не остается
На пользу будущим векам.
Всю жизнь одни мечты о счастии, о воле
Среди тупых забот...
И бе́дны те мечты, как бедно наше поле,
Как беден наш народ.

2

Огонек в полусгнившей избенке
Посреди потемневших полей,
Да плетень полусгнивший в сторонке,
Да визгливые стоны грачей, —
Что вы мне так нежданно предстали
В этот час одинокий ночной,
Что вы сердце привычное сжали
Безысходною старой тоской?
Еле дышат усталые кони,
Жмет колеса сыпучий песок,
Словно жду я какой-то погони,
Словно путь мой тяжел и далек!
Огонек в полусгнившей избенке,
Ты мне кажешься плачем больным
По родимой моей по сторонке,
По бездольным по братьям моим.
И зачем я так жадно тоскую,
И зачем мне дорога тяжка?
Видно, въелася в землю родную
Ты, родная кручина-тоска!
Тобой вспахана наша землица,
Тобой строены хата и дом,
Тебя с рожью усталая жница
Подрезает тяжелым серпом;
Ты гнетешь богатырскую силу,
Ты всю жизнь на дороге сидишь,
Вместе с заступом роешь могилу,
Из могилы упреком глядишь.
С молоком ты играешь в ребенке,
С поцелуем ты к юноше льнешь...
Огонек в полусгнившей избенке,
Старых ран не буди, не тревожь!

3

За огоньком другой, и третий,
И потянулись избы в ряд...
Собаки воют, плачут дети,
Лучины дымные горят.

Ну, трогай шибче! За рекою
Мне церковь старая видна.
Крестов и насыпей толпою
Она кругом обложена.

. . . . . .
. .

4, 5, 6

7

Отчего в одиноком мечтаньи,
В шуме дня и в ночной тишине,
Ты, погибшее рано созданье,
Стало часто являться ко мне?
Вот как дело печальное было:
Вздумал свадьбу состроить сосед,
Целый день накануне варила
Кухня яства на званый обед.
Ровно в полдень сошлись, повенчали,
И невеста была весела.
Только тетки тайком замечали,
Что бледна она что-то была.
Гости все налицо, разодеты.
Время. Свадебный стынет обед...
Да невеста запряталась где-то.
Ищут, кличут, — нигде ее нет.
Вдруг мальчишка-садовник вбегает,
Босоногий, с лопатой в руке,
И, от страха дрожа, объявляет,
Что «утопла невеста в реке». —
Суматоха... Кричат во всю глотку:
«Люди, девушки, в реку, спасать!»
Кто про невод кричит, кто про лодку,
И не знают, с чего им начать.
Через час наконец отыскали,
Принесли, положили на стол.

Тут записка нашлась, и в печали
Безысходной хозяин прочел:
«Вот, papá и maman, на прощанье
Вам последнее слово мое:
Я исполнила ваше желанье,
Так исполню ж теперь и свое!»
Изумлялися все чрезвычайно
И причину сыскать не могли.
И доныне та страшная тайна
Спит безмолвная в недрах земли.
Погрустили родные прилично,
И утешился скоро жених,
И, к людскому страданью привычный,
Позабыл бы давно я о них.
Но зачем же в безмолвном мечтаньи,
В шуме дня и в ночной тишине,
Ты, погибшее рано созданье,
Так упорно являешься мне?
Ты лежишь на столе как живая...
На лице изумленье и страх,
И улыбка скривилась немая
На твоих побелевших губах.
И сплетаются травы речные
В волосах и в венчальном венке,
И чернеют следы роковые
На холодной, на бледной руке...

. . .
.

1864

МИНУТЫ СЧАСТЬЯ

Не там отрадно счастье веет,
Где шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всём, что будит ум мятежный
И струны спящие души, —

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участья
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев...

1865

ПЕПИТЕ

(Из А. Мюссе)

Когда на землю ночь спустилась
И сад твой охватила мгла;
Когда ты с матерью простилась
И уж молиться начала;

В тот час, когда, в тревоги света
Смотря усталою душой,
У ночи просишь ты ответа
И чепчик развязался твой;

Когда кругом всё тьмой покрыто,
А в небе теплится звезда, —
Скажи, мой друг, моя Пепита,
О чем ты думаешь тогда?

Кто знает детские мечтанья?
Быть может, мысль твоя летит
Туда, где сладки упованья
И где действительность молчит;

О героине ли романа,
Тобой оставленной в слезах;
Быть может, о дворцах султана,
О поцелуях, о мужьях;

О той, чья страсть тебе открыта
В обмене мыслей молодом;
Быть может, обо мне, Пепита...
Быть может, ровно ни о чем.

1865

ДВЕ ГРЕЗЫ

Измученный тревогою дневною,
Я лег в постель без памяти и сил,
И голос твой, носяся надо мною,
Насмешливо и резко говорил:
«Что ты глядишь так пасмурно, так мрачно?
Ты, говорят, влюблен в меня, поэт?
К моей душе, спокойной и прозрачной,
И доступа твоим мечтаньям нет.
Как чужды мне твои пустые бредни!
И что же в том, что любишь ты меня?
Не первый ты, не будешь и последний
Гореть и тлеть от этого огня!
Ты говоришь, что в шумном вихре света
Меня ты ищешь, дышишь только мной...
И от других давно я слышу это,
Окружена влюбленною толпой.
Я поняла души твоей мученье,
Но от тебя, поэт, не утаю:
Не жалость, нет, а только изумленье
Да тайный смех волнуют грудь мою!»
Проснулся я. — Враждебная, немая
Вокруг меня царила тишина,
И фонари мне слали, догорая,
Свой тусклый свет из дальнего окна.
Бессильною поникнув головою,
Едва дыша, я снова засыпал,
И голос твой, носяся надо мною,
Приветливо и ласково звучал:
«Люби меня, люби! Какое дело,
Когда любовь в душе заговорит,
И до того, что в прошлом наболело,
И до того, что в будущем грозит?

Моя душа уж свыклася с твоею,
Я не люблю, но мысль отрадна мне,
Что сердце есть, которым я владею,
В котором я господствую вполне.
Коснется ли меня тупая злоба,
Подкра́дется ль нежданная тоска,
Я буду знать, что, верная до гроба,
Меня поддержит крепкая рука!
О, не вверяйся детскому обману,
Себя надеждой жалкой не губи:
Любить тебя я не хочу, не стану,
Но ты, поэт, люби меня, люби!»
Проснулся я. — Уж день сырой и мглистый
Глядел в окно. Твой голос вдруг затих,
Но долго он без слов, протяжный, чистый,
Как арфы звук, звенел в ушах моих.

Начало 1860-х годов

АСТРАМ

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

Начало 1860-х годов

ГАДАНЬЕ

Ну, старая, гадай! Тоска мне сердце гложет,
Веселой болтовней меня развесели,
Авось твой разговор убить часы поможет,
И скучный день пройдет, как многие прошли!

«Ох, не грешно ль в воскресение?
С нами господняя сила!
Тяжко мое прегрешение...
Ну, да уж я разложила!

Едешь в дорогу ты дальную,
Путь твой не весел обратный:
Новость услышишь печальную
И разговор неприятный.

Видишь: большая компания
Вместе с тобой веселится,
Но исполненья желания
Лучше не жди: не случится.

Что-то грозит неизвестное...
Карты-то, карты какие!
Будет письмо интересное,
Хлопоты будут большие!

На́ сердце дама червонная...
С гордой душою такою:
Словно к тебе благосклонная,
Словно играет тобою!

Глядя в лицо ее строгое,
Грустен и робок ты будешь:
Хочешь сказать ей про многое,
Свидишься, — всё позабудешь!

Мысли твои все червонные,
Слезы-то будто из лейки,
Думушки, ночи бессонные, —
Всё от нее, от злодейки!

Волюшка крепкая скручена,
Словно дитя ты пред нею...
Как твое сердце замучено,
Я и сказать не умею!

Тянутся дни нестерпимые,
Мысли сплетаются злые...
Батюшки светы родимые!
Карты-то, карты какие!!.»

Умолкла старая. В зловещей тишине
Насупившись сидит. — Скажи, что это значит?
Старуха, что с тобой? Ты плачешь обо мне?
Так только мать одна об детском горе плачет,
И стоит ли того? — Я знаю наперед
Всё то, что сбудется, и не ропщу на бога:
Дорога выйдет мне, и горе подойдет,
Там будут хлопоты, а там опять дорога...
Ну полно же, не плачь! Гадай иль говори,
Пусть голос твой звучит мне песней похоронной,
Но только, старая, мне в сердце не смотри
И не рассказывай об даме об червонной!

Начало 1860-х годов

ДОРОЖНАЯ ДУМА

Позднею ночью, равниною снежной
Еду я. Тихо. Всё в поле молчит...
Глухо звучат по дороге безбрежной
Скрип от полозьев и топот копыт.

Всё, что, прощаясь, ты мне говорила,
Снова твержу я в невольной тоске.
Долог мой путь, и дорога уныла...
Что-то в уютном твоем уголке?

Слышен ли смех? Догорают ли свечи?
Так же ль блистает твой взор, как вчера?
Те же ли смелые, юные речи
Будут немолчно звучать до утра?

Кто там с тобой? Ты глядишь ли бесстрастно
Или трепещешь, волнуясь, любя?

Только б тебе полюбить не напрасно,
Только б другие любили тебя!

Только бы кончился день без печали,
Только бы вечер прошел веселей,
Только бы сны золотые летали
Над головою усталой твоей!

Только бы счастье со светлыми днями
Так же гналось по пятам за тобой,
Как наши тени бегут за санями
Снежной равниной порою ночной!

1865 или 1866

НИОБЕЯ

(Заимствовано из «Метаморфоз» Овидия)

Над трупами милых своих сыновей
    Стояла в слезах Ниобея.
Лицо у ней мрамора было белей,
    И губы шептали, бледнея:
«Насыться, Латона, печалью моей,
    Умеешь ты мстить за обиду!
Не ты ли прислала мне гневных детей:
    И Феба, и дочь Артемиду?
Их семеро было вчера у меня,
    Могучих сынов Амфиона,
Сегодня... О, лучше б не видеть мне дня...
    Насыться, насыться, Латона!
Мой первенец милый, Исмен молодой,
    На бурном коне проносился
И вдруг, пораженный незримой стрелой,
    С коня бездыханен свалился.
То видя, исполнился страхом Сипил,
    И в бегстве искал он спасенья,
Но бог беспощадный его поразил,
    Бегущего с поля мученья.
И третий мой сын, незабвенный Тантал,
    Могучему деду подобный

Не именем только, но силой, — он пал,
Стрелою настигнутый злобной.
С ним вместе погиб дорогой мой Файдим,
Напрасно ища меня взором;
Как дубы высокие, пали за ним
И Дамасихтон с Алфенором.
Один оставался лишь Илионей,
Прекрасный, любимый, счастливый,
Как бог, красотою волшебной своей
Пленявший родимые Фивы.
Как сильно хотелося отроку жить,
Как, полон неведомой муки,
Он начал богов о пощаде молить,
Он поднял бессильные руки...
Мольба его так непритворна была,
Что сжалился бог лучезарный...
Но поздно! Летит роковая стрела,
Стрелы не воротишь коварной,
И тихая смерть, словно сон среди дня,
Закрыла прелестные очи...
Их семеро было вчера у меня...
О, длиться б всегда этой ночи!
Как жадно, Латона, ждала ты зари,
Чтоб тяжкие видеть утраты...
А всё же и ныне, богиня, смотри:
Меня победить не могла ты!
А всё же к презренным твоим алтарям
Не придут венчанные жены,
Не будет куриться на них фимиам
Во славу богини Латоны!
Вы, боги, всесильны над нашей судьбой,
Бороться не можем мы с вами:
Вы нас побиваете камнем, стрелой,
Болезнями или громами...
Но если в беде, в униженьи тупом
Мы силу души сохранили,
Но если мы, павши, проклятья вам шлем, —
Ужель вы тогда победили?
Гордись же, Латона, победою дня,
Пируй в ликованьях напрасных!
Но семь дочерей еще есть у меня,
Семь дев молодых и прекрасных...

Для них буду жить я! Их нежно любя,
Любуясь их лаской приветной,
Я, смертная, всё же счастливей тебя,
Богини едва не бездетной!»
Еще отзвучать не успели слова,
Как слышит, дрожа, Ниобея,
Что в воздухе знойном звенит тетива,
Всё ближе звенит и сильнее...
И падают вдруг ее шесть дочерей
Без жизни одна за другою...
Так падают летом колосья полей,
Сраженные жадной косою.
Седьмая еще оставалась одна,
И с криком: «О боги, спасите!» —
На грудь Ниобеи припала она,
Моля свою мать о защите.
Смутилась царица. Страданье, испуг
Душой овладели сильнее,
И гордое сердце растаяло вдруг
В стесненной груди Ниобеи.
«Латона, богиня, прости мне вину
(Лепечет жена Амфиона),
Одну хоть оставь мне, одну лишь, одну...
О, сжалься, о, сжалься, Латона!»
И крепко прижала к груди она дочь,
Полна безотчетной надежды,
Но нет ей пощады, — и вечная ночь
Сомкнула уж юные вежды.
Стоит Ниобея безмолвна, бледна,
Текут ее слезы ручьями...
И чудо! Глядят: каменеет она
С поднятыми к небу руками.
Тяжелая глыба влилась в ее грудь,
Не видит она и не слышит,
И воздух не смеет в лицо ей дохнуть,
И ветер волос не колышет.
Затихли отчаянье, гордость и стыд,
Бессильно замолкли угрозы...
В красе упоительной мрамор стоит
И точит обильные слезы.

Лето 1867

* * *

Я ждал тебя... Часы ползли уныло,
Как старые, докучные враги...
Всю ночь меня будил твой голос милый
И чьи-то слышались шаги...

Я ждал тебя... Прозрачен, свеж и светел,
Осенний день повеял над землей...
В немой тоске я день прекрасный встретил
Одною жгучею слезой...

Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,
Чтоб быть с тобой, — я каждый миг ловлю,
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастие люблю!..

1867

* * *

Ни отзыва, ни слова, ни привета,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

1867

К МОРЮ

Увы, не в первый раз, с подавленным рыданьем,
Я подхожу к твоим волнам
И, утомясь бесплодным ожиданьем,
Всю ночь просиживаю там...

Тому уж много лет: неведомая сила
Явилася ко мне, как в мнимо-светлый рай,
Меня, как глупого ребенка, заманила,
Шепнула мне — люби, сказала мне — страдай!
И с той поры, ее велению послушный,
Я с каждым днем любил сильнее и больней...
О, как я гнал любовь, как я боролся с ней,
Как покорялся малодушно!..
Но наконец, устав страдать,
Я думал — пронеслась невзгода...
Я думал — вот моя свобода
Ко мне вернулася опять...
И что ж: томим тоскою, снова
Сижу на этом берегу,
Как жалкий раб, кляну свои оковы,
Но — сбросить цепи не могу.
О, если слышишь ты глагол, тебе понятный,
О море темное, приют сердец больных, —
Пусть исцелят меня простор твой необъятный
И вечный ропот волн твоих.
Пускай твердят они мне ежечасно
Об оскорблениях, изменах, обо всем,
Что вынес я в терпении тупом...
. . . .
Теперь довольно. Уж мне прежних дней не видеть,
Но если суждено мне дальше жизнь влачить,
Дай силы мне, чтоб мог я ненавидеть,
Дай ты безумье мне, чтоб мог я позабыть!..

1867

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В саду Гефсиманском стоял он один,
Предсмертною мукой томимый.
Отцу всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий сын.

«Когда то возможно,
Пусть, отче, минует мя чаша сия,
Однако да сбудется воля твоя...»

И шел он к апостолам с думой тревожной,
Но, скованы тяжкой дремо́й,
Апостолы спали под тенью оливы,
И тихо сказал он им: «Как не могли вы
Единого часа побдети со мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша! ..»
И шел он молиться опять:
«Но если не может меня миновать —
Не пить чтоб ее — эта чаша,
Пусть будет, как хочешь ты, отче!» И вновь
Объял его ужас смертельный,
И пот его падал на землю как кровь,
И ждал он в тоске беспредельной.
И снова к апостолам он подходил,
Но спали апостолы сном непробудным,
И те же слова он отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,
Смущаясь в борении трудном! ..

О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами,
И видеть следы от божественных ног,
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала любовь,
Где пот от лица его падал как кровь,
Где чашу он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!
Но было всё тихо во мраке ночном,
Но спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода;
И в сад Гефсиманский с дреко́льем, с мечом,
Влекомы Иудой, входили тайком
Несметные сонмы народа!

1868

НОЧЬ В МОНПЛЕЗИРЕ

На берег сходит ночь, беззвучна и тепла,
Не видно кораблей из-за туманной дали,
И, словно очи без числа,
Над морем звезды замигали.
Ни шелеста в деревьях вековых,
Ни звука голоса людского,
И кажется, что всё навек уснуть готово
В объятиях ночных.
Но морю не до сна. Каким-то гневом полны,
Надменные, нахмуренные волны
О берег бьются и стучат;
Чего-то требует их ропот непонятный,
В их шуме с ночью благодатной
Какой-то слышится разлад.
С каким же ты гигантом в споре?
Чего же хочешь ты, бушующее море,
От бедных жителей земных?
Кому ты шлешь свои веленья?
И в этот час, когда весь мир затих,
Кто выдвинул мятежное волненье
Из недр неведомых твоих?
Ответа нет... Громадою нестройной
Кипит и пенится вода...
Не так ли в сердце иногда,
Когда кругом всё тихо и спокойно,
И ровно дышит грудь, и ясно блещет взор,
И весело звучит знакомый разговор, —
Вдруг поднимается нежданное волненье:
Зачем весь этот блеск, откуда этот шум?
Что значит этих бурных дум
Неодолимое стремленье?
Не вспыхнул ли любви заветный огонек,
Предвестье ль это близкого ненастья,
Воспоминание ль утраченного счастья
Иль в сонной совести проснувшийся упрек?
Кто может это знать?
Но разум понимает,
Что в сердце есть у нас такая глубина,
Куда и мысль не проникает;
Откуда, как с морского дна,

Могучим трепетом полна,
Неведомая сила вылетает
И что-то смутно повторяет,
Как набежавшая волна.

1868

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Кончалось лето. Астры отцветали...
Под гнетом жгучей, тягостной печали
Я сел на старую скамью,
А листья надо мной, склоняяся, шептали
Мне повесть грустную свою.

«Давно ли мы цвели под знойным блеском лета,
И вот уж осень нам грозит,
Не много дней тепла и света
Судьба гнетущая сулит.
Но что ж, пускай холодными руками
Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь, под этими лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Смотри, как золотом облит наш парк печальный,
Как радостно цветы в последний раз блестят,
Смотри, как пышно-погребально
Горит над рощами закат!
Мы знаем, что, как сон, ненастье пронесется,
Что снегу не всегда поляны покрывать,
Что явится весна, что всё кругом проснется, —
Но мы... проснемся ли опять?
Вот здесь, под кровом нашей тени,
Где груды хвороста теперь лежат в пыли,
Когда-то цвел роскошный куст сирени
И розы пышные цвели.
Пришла весна; во славу новым розам
Запел, как прежде, соловей,
Но бедная сирень, охвачена морозом,
Не подняла своих ветвей.
А если к жизни вновь вернутся липы наши,
Не мы увидим их возврат,

И вместо нас, быть может, лучше, краше
Другие листья заблестят. —
Ну что ж, пускай холодными руками
Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь, под бледными лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Помедли, смерть! Еще б хоть день отрады...
А может быть, сейчас, клоня верхушки ив,
Сорвет на землю без пощады
Нас ветра буйного порыв...
Желтея, ляжем мы под липами родными...
И даже ты, об нас мечтающий с тоской,
Ты встанешь со скамьи, рассеянный, больной,
И, полон мыслями своими,
Раздавишь нас небрежною ногой».

1868

* * *

Осенней ночи тень густая
Над садом высохшим легла.
О, как душа моя больная
В тоске любви изнемогла!
Какие б вынес я страданья,
Чтоб в этот миг из-за кустов
Твое почувствовать дыханье,
Услышать шум твоих шагов!

1868

СТРАНСТВУЮЩАЯ МЫСЛЬ

С той поры как прощальный привет
Горячо прозвучал между нами,
Моя мысль за тобою вослед
Полетела, махая крылами.

Целый день неотступно она
Вдоль по рельсам чугунным скользила,
Всё тобою одною полна,
И ревниво твой сон сторожила.

А теперь среди мрака ночей,
Изнывая заботою нежной,
За кибиткой дорожной твоей
Она скачет пустынею снежной.

Она видит, как по́д гору вниз
Мчатся кони усталые смело,
И как иней на соснах повис,
И как всё кругом голо и бело.

То с тобой она вместе дрожит,
Засыпая в санях, как в постели,
И тебе о былом говорит
Под суровые звуки метели;

То на станции бедной сидит,
Согреваясь с тобой самоваром,
И с безмолвным участьем следит
За его убегающим паром...

Всё на юг она мчится, на юг,
Уносимая жаркой любовью,
И войдет она в дом твой как друг,
И приникнет с тобой к изголовью!

1868

* * *

Мне снился сон (то был ужасный сон!)...
Что я стою пред статуей твоею,
Как некогда стоял Пигмалион,
В тоске моля воскреснуть Галатею.

Высокое, спокойное чело
Античною сияло красотою,
Глаза смотрели кротко и светло,
И все черты дышали добротою...

Вдруг побледнел я и не мог вздохнуть
От небывалой, нестерпимой муки:

Неистово за горло и за грудь
Меня схватили мраморные руки

И начали душить меня и рвать,
Как бы дрожа от злого нетерпенья...
Я вырваться хотел и убежать,
Но, словно труп, остался без движенья...

Я изнывал, я выбился из сил,
Но, в ужасе смертельном холодея,
Измученный, я всё ж тебя любил,
Я всё твердил: «Воскресни, Галатея!..»

И на тебя взглянуть я мог едва
С надеждою, мольбою о пощаде...
Ни жалости, ни даже торжества
Я не прочел в твоем спокойном взгляде...

По-прежнему высокое чело
Античною сияло красотою,
Глаза смотрели кротко и светло,
И все черты дышали добротою...

Тут холод смерти в грудь мою проник,
В последний раз я прошептал: «Воскресни!..»
И вдруг в ответ на мой предсмертный крик
Раздался звук твоей веселой песни...

1868

К ГРЕТХЕН

Во время представления «Le petit Faust» [1]

И ты осмеяна, и твой черед настал!
Но боже правый! Гретхен, ты ли это?
Ты — чистое создание поэта,
Ты — красоты бессмертный идеал!
О, если б твой творец явился между нами
Из заточенья своего,

[1] «Маленький Фауст» (франц.). — *Ред.*

Какими б жгучими слезами
Сверкнул орлиный взор его!
О, как бы он страдал, томился поминутно,
Узнав дитя своей мечты,
Свои любимые черты
В чертах француженки распутной!
Но твой творец давно в земле сырой,
Не вспомнила о нем смеющаяся зала,
И каждой шутке площадной
Бессмысленно толпа рукоплескала...
Наш век таков. — Ему и дела нет,
Что тысячи людей рыдали над тобою,
Что некогда твоею красотою
Был целый край утешен и согрет.
Ему бы только в храм внести слова порока,
Бесценный мрамор грязью забросать,
Да пошлости наклеивать печать
На всё, что чисто и высоко!

Лето или осень 1869

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ О СЕВАСТОПОЛЕ

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам, и нас победили.

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом,
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.

Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали,
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью;

Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы;

И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых...

Пусть не радостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

1869

*

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно-уклончивые речи,
И твой намеренно-холодный, строгий взор, —
Всё говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло...

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно, —

О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Боясь потерять ребяческие бредни...
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

1869, 1874

НА БАЛЕ

Блещут огнями палаты просторные,
Музыки грохот не молкнет в ушах.
Нового года ждут взгляды притворные,
Новое счастье у всех на устах.

Душу мне давит тоска нестерпимая,
Хочется дальше от этих людей...
Мной не забытая, вечно любимая,
Что-то теперь на могиле твоей?

Спят ли спокойно в глубоком молчании,
Прежнюю радость и горе тая,
Словно застывшие в лунном сиянии,
Желтая церковь и насыпь твоя?

Или туман неприветливый стелется,
Или, гонима незримым врагом,
С дикими воплями злая метелица
Плачет, и скачет, и воет кругом,

И покрывает сугробами снежными
Всё, что от нас невозвратно ушло:
Очи со взглядами кроткими, нежными,
Сердце, что прежде так билось тепло!

1860-е годы

К МОЛОДОСТИ

Светлый призрак, кроткий и любимый,
Что ты дразнишь, вдаль меня маня?
Чуждым звуком с высоты незримой
Голос твой доходит до меня.

Вкруг меня всё сумраком одето...
Что же мне, поверженному в прах,
До того, что ты сияешь где-то
В недоступном блеске и лучах?

Те лучи согреть меня не могут —
Всё ушло, чем жизнь была тепла,
Только видеть мне ясней помогут,
Что за ночь вокруг меня легла!

Если ж в сердце встрепенется сила
И оно, как прежде, задрожит,
Широко раскрытая могила
На меня насмешливо глядит.

1860-е годы

РЕКВИЕМ

Requiem aeternam dona eis,
Domine, et lux perpetua luceat
eis. [1]

1

Вечный покой отстрадавшему много томительных лет,
Пусть осияет раба твоего нескончаемый свет!
Дай ему, господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми твоими во веки веков!

---

[1] Вечный покой дай им, господи, и вечный свет их осияет (лат.). — *Ред.*

2

Dies irae...[1]

О, что за день тогда ужасный встанет,
Когда архангела труба
Над изумленным миром грянет
И воскресит владыку и раба!

О, как они, смутясь, поникнут долу,
Цари могучие земли,
Когда к всевышнему престолу
Они предстанут в прахе и в пыли!

Дела и мысли строго разбирая,
Воссядет вечный судия,
Прочтется книга роковая,
Где вписаны все тайны бытия.

Всё, что таилось от людского зренья,
Наружу выплывет со дна,
И не останется без мщенья
Забытая обида ни одна!

И доброго, и вредного посева
Плоды пожнутся все тогда...
То будет день тоски и гнева,
То будет день унынья и стыда!

3

Без могучей силы знанья
И без гордости былой
Человек, венец созданья,
Робок станет пред тобой.

Если в день тот безутешный
Даже праведник вздрогнéт,
Что же он ответит — грешный?
Где защитника найдет?

[1] День гнева (лат.). — *Ред.*

Всё внезапно прояснится,
Что казалося темно,
Встрепенется, разгорится
Совесть, спавшая давно.

И когда она укажет
На земное бытие,
Что он скажет, что он скажет
В оправдание свое?

4

С воплем бессилия, с криком печали
Жалок и слаб он явился на свет,
В это мгновенье ему не сказали:
Выбор свободен — живи или нет.
С детства твердили ему ежечасно:
Сколько б ни встретил ты горя, потерь,
Помни, что в мире всё мудро, прекрасно,
Люди все братья, — люби их и верь!
В юную душу с мечтою и думой
Страсти нахлынули мутной волной...
«Надо бороться», — сказали угрюмо
Те, что царили над юной душой.
Были усилья тревожны и жгучи,
Но не по силам пришлася борьба.
Кто так устроил, что страсти могучи,
Кто так устроил, что воля слаба?
Много любил он, любовь изменяла,
Дружба... увы, изменила и та;
Зависть к ней тихо подкралась сначала,
С завистью вместе пришла клевета.
Скрылись друзья, отвернулися братья...
Господи, господи, видел ты сам,
Как шевельнулись впервые проклятья
Счастью былому, вчерашним мечтам;
Как постепенно, в тоске изнывая,
Видя одни лишь неправды земли,
Ожесточилась душа молодая,
Как одинокие слезы текли;

Как наконец, утомяся борьбою,
Возненавидя себя и людей,
Он усомнился скорбящей душою
В мудрости мира и в правде твоей!
Скучной толпой проносилися годы,
Бури стихали, яснел его путь...
Изредка только, как гул непогоды,
Память стучала в разбитую грудь.
Только что тихие дни засияли —
Смерть на пороге... откуда? зачем?
С воплем бессилия, с криком печали
Он повалился недвижен и нем.
Вот он, смотрите, лежит без дыханья...
Боже! к чему он родился и рос?
Эти сомненья, измены, страданья, —
Боже, зачем же он их перенес?
Пусть хоть слеза над усопшим прольется,
Пусть хоть теперь замолчит клевета...
Сердце, горячее сердце не бьется,
Вежды сомкнуты, безмолвны уста.
Скоро нещадное, грозное тленье
Ляжет печатью на нем роковой...
Дай ему, боже, грехов отпущенье,
Дай ему вечный покой!

5

Вечный покой отстрадавшему много томительных лет.
Пусть осияет раба твоего нескончаемый свет!
Дай ему, господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми твоими во веки веков!..

Конец 1860-х годов

* * *

О, будь моей звездой, сияй мне тихим светом,
Как эта чистая, далекая звезда!
На землю темную она глядит с приветом,
Чужда ее страстям, свободна и горда.

И только иногда, услыша в отдаленьи
Любви безумной стон, отчаянный призыв,
Она вздрогнёт сама, — и в жалости, в смятеньи
На землю падает, о небе позабыв!

Конец 1860-х годов

ЛЕДЯНАЯ ДЕВА

(Из норвежских сказок)

Зимняя ночь холодна и темна.
Словно застыла в морозе луна.
Буря то плачет, то злобно шипит,
Снежные тучи над кровлей крутит.
В хижине тесной над сыном больным
Мать наклонилась и шепчется с ним.

Сын

Матушка, тяжким забылся я сном...
Кто это плачет и стонет кругом?
Матушка, слышишь, как буря шумит?
Адское пламя мне очи слепит.

Мать

Полно, мой сын, то не ада лучи,
Сучья березы пылают в печи.
Что нам за дело, что буря грозна?
В хижину к нам не ворвется она.

Сын

Матушка, слушай, недолго мне жить,
Душу хочу пред тобою открыть:
Помнишь, ты слышала прошлой зимой,
Как заблудился я в чаще лесной?
Долго я шел, утихала метель,
Вижу — поляна, знакомая ель,
Юная дева под елью стоит,
Манит рукою и словно дрожит.
«Юноша, — шепчет она, — подойди,
Душу согрей у меня на груди...»
Я обомлел пред ее красотой,
Я красоты и не видел такой:

Стройная, светлая, ласковый взгляд,
Очи куда-то глубоко глядят,
Белые ризы пушистой волной
Падают, ярко блестя под луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью неведомой вспыхнула кровь;
Всё позабыл я в тот миг роковой,
Даже не вспомнил молитвы святой. —
Целую зиму, лишь ночь посветлей,
Я приходил на свидание к ней
И до утра, пока месяц сиял,
Бледные руки ее целовал.
Раз в упоении, полный огня,
Я говорю ей: «Ты любишь меня?»
— «Нет, говорит, я правдива, не лгу,
Я полюбить не хочу, не могу;
Тщетной надеждой себя не губи,
Но, если хочешь, меня полюби».
Жесткое слово кольнуло ножом;
Скоро, безумец, забыл я о нем.
В бурю не раз, весела и грозна,
Странные песни певала она:
Всё о какой-то полярной стране,
Где не мечтают о завтрашнем дне,
Нет ни забот, ни огня, ни воды, —
Вечное счастье и вечные льды.
Чем становилося время теплей,
Тем эта песня звучала грустней;
В день, как растаял на кровле снежок,
Я уж найти моей милой не мог.
Много тебе со мной плакать пришлось!
Лето безжизненным сном пронеслось.
С радостью, вам непонятной, смешной,
Слушал я ветра осеннего вой;
Жадно следил я, как стыла земля,
Рощи желтели, пустели поля,
Как исстрадавшийся лист отпадал,
Как его медленно дождь добивал,
Как наш ручей затянулся во льду...
Раз на поляну я тихо иду,
Смутно надежду в душе затая...
Вижу: стоит дорогая моя,

Стройная, светлая, ласковый взгляд,
Очи глубоко, глубоко глядят...
С трепетом я на колени упал,
Всё рассказал: как томился и ждал,
Как моя жизнь только ею полна...
Но равнодушно смотрела она.
«Что мне в твоих безрассудных мечтах,
В том, что ты бледен, и желт, и зачах?
Жалкий безумец! Со смертью в крови
Всё еще ждешь ты какой-то любви!»
— «Ну, — говорю я с рыданием ей, —
Ну не люби, да хотя пожалей!»
— «Нет, говорит, я правдива, не лгу,
Я ни любить, ни жалеть не могу!»
Преобразились черты ее вмиг:
Холодом смерти повеяло с них.
Бросив мне полный презрения взор,
Скрылась со смехом она... С этих пор
Я и не помню, что было со мной!
Помню лишь взор беспощадный, немой,
Жегший меня наяву и во сне,
Мучивший душу в ночной тишине...
Вот и теперь, посмотри, оглянись...
Это она! ее очи впились,
В душу вливают смятенье и страх,
Злая усмешка скользит на губах...

Мать

Сын мой, то призрак: не бойся его.
Здесь, в этой хижине, нет никого.
Сядь, как бывало, и слез не таи,
Я уврачую все раны твои.

Сын

Матушка, прежний мой пламень потух:
Сам я стал холоден, сам я стал сух;
Лучше уйди, не ласкай меня, мать!
Ласки тебе я не в силах отдать.

Мать

Сын мой, я жесткое слово прощу,
Злобным упреком тебя не смущу,

Что мне в объятьях и ласках твоих?
Матери сердце тепло и без них.

Сын

Матушка, смерть уж в окошко стучит...
Душу одно лишь желанье томит
В этот последний и горестный час:
Встретить ее хоть один еще раз,
Чтобы под звук наших песен былых
Таять в объятьях ее ледяных!

Смолкла беседа. Со стоном глухим
Сын повалился. Лежит недвижим,
Тихо дыханье, как будто заснул...
Длинную песню сверчок затянул...
Молится старая, шепчет, не спит...
Буря то плачет, то злобно шипит,
Воет, в замерзшее рвется стекло...
Словно ей жаль, что в избушке тепло,
Словно досадно ей, ведьме лихой,
Что не кончается долго больной,
Что над постелью, где бедный лежит,
Матери сердце надеждой дрожит!

Конец 1860-х годов

ВСТРЕЧА

Тропинкой узкою я шел в ночи немой,
И в черном женщина явилась предо мной.
Остановился я, дрожа, как в лихорадке...
Одежды траурной рассыпанные складки,
Седые волосы на сгорбленных плечах —
Всё в душу скорбную вливало тайный страх.
Хотел я своротить, но места было мало;
Хотел бежать назад, но силы не хватало,
Горела голова, дышала тяжко грудь...
И вздумал я в лицо старухи заглянуть,
Но то, что я прочел в ее недвижном взоре,
Таило новое, неведомое горе.
Сомненья, жалости в нем не было следа,
Не злоба то была, не месть и не вражда,

Но что-то темное, как ночи дуновенье,
Неумолимое, как времени теченье.
Она сказала мне: «Я смерть, иди со мной!»
Уж чуял я ее дыханье над собой,
Вдруг сильная рука, неведомо откуда,
Схватила, и меня, какой-то силой чуда,
Перенесла в мой дом...
Живу я, но с тех пор
Ничей не радует меня волшебный взор,
Не могут уж ничьи приветливые речи
Заставить позабыть слова той страшной встречи.

Конец 1860-х годов

* * *

Опять в моей душе тревоги и мечты,
И льется скорбный стих, бессонницы отрада...
О, рви их поскорей — последние цветы
Из моего поблекнувшего сада!
Их много сожжено случайною грозой,
Размыто ранними дождями,
А осень близится неслышною стопой
С ночами хмурыми, с бессолнечными днями.
Уж вегер выл холодный по ночам,
Сухими листьями дорожки покрывая;
Уже к далеким, теплым небесам
Промчалась журавлей заботливая стая,
И между липами, из-за нагих ветвей
Сквозит зловещее, чернеющее поле...
Последние цветы сомкнулися тесней...
О, рви же, рви же их скорей,
Дай им хоть день еще прожить в тепле и холе!

Конец 1860-х годов

КОРОЛЕВА

Пир шумит. — Король Филипп ликует,
И, его веселие деля,
Вместе с ним победу торжествует
Пышный двор Филиппа короля.

Отчего ж огнями блещет зала?
Чем король обрадовал страну?
У соседа — верного вассала —
Он увез красавицу жену.

И среди рабов своих покорных
Молодецки, весело глядит:
Что ему до толков не придворных?
Муж потерпит, папа разрешит. —

Шумен пир. — Прелестная Бертрада
Оживляет, веселит гостей,
А внизу, в дверях, в аллеях сада,
Принцы, графы шепчутся о ней.

Что же там мелькнуло белой тенью,
Исчезало в зелени кустов
И опять, подобно привиденью,
Движется без шума и без слов?

«Это Берта, Берта королева!» —
Пронеслось мгновенно здесь и там,
И, как стая гончих, справа, слева
Принцы, графы кинулись к дверям.

И была ужасная минута:
К ним, шатаясь, подошла она,
Горем — будто бременем — согнута,
Страстью — будто зноем — спалена.

«О, зачем, зачем, — она шептала, —
Вы стоите грозною толпой?
Десять лет я вам повелевала, —
Был ли кто из вас обижен мной?

О Филипп, пускай падут проклятья
На жестокий день, в который ты
В первый раз отверг мои объятья,
Вняв словам бесстыдной клеветы!

Если б ты изгнанник был бездомный,
Я бы шла без устали с тобой

По лесам осенней ночью темной,
По полям в палящий летний зной.

Гнет болезни, голода страданья
И твои упреки без числа —
Я бы всё сносила без роптанья,
Я бы снова счастлива была!

Если б в битве, обагренный кровью,
Ты лежал в предсмертном забытьи,
К твоему склонившись изголовью,
Омывала б раны я твои.

Я бы знала все твои желанья,
Поняла бы гаснущую речь,
Я б сумела каждое дыханье,
Каждый трепет сердца подстеречь.

Если б смерти одолела сила —
В жгучую печаль погружена,
Я б сама глаза твои закрыла,
Я б с тобой осталася одна...

Старцы, жены, юноши и девы —
Все б пришли, печаль мою деля,
Но никто бы ближе королевы
Не стоял ко гробу короля!

Что со мною? Страсть меня туманит,
Жжет огонь обманутой любви...
Пусть конец твой долго не настанет,
О король мой, царствуй и живи!

За одно приветливое слово,
За один волшебный прежний взор
Я сносить безропотно готова
Годы ссылки, муку и позор.

Я смущать не стану ликованья;
Я спокойна; ровно дышит грудь...
О, пустите, дайте на прощанье
На него хоть раз еще взглянуть!»

Но напрасно робкою мольбою
Засветился королевы взгляд:
Неприступной каменной стеною
Перед ней придворные стоят...

Пир шумит. Прелестная Бертрада
Все сердца пленяет и живит,
А в глуши темнеющего сада
Чей-то смех, безумный смех звучит.

И, тот смех узнав, смеются тоже
Принцы, графы, баловни судьбы,
Пред несчастьем — гордые вельможи,
Пред успехом — подлые рабы.

Конец 1860-х годов

БУДУЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

В альбом О. А. К<озлов>ой

Хоть стих наш устарел, но преклони свой слух
И знай, что их уж нет, когда-то бодро певших,
Их песня замерла, и взор у них потух,
И перья выпали из рук окоченевших!
Но смерть не всё взяла. Средь этих урн и плит
Неизгладимый след минувших дней таится:
Все струны порвались, но звук еще дрожит,
И жертвенник погас, но дым еще струится.

Конец 1860-х годов

СТАРАЯ ЦЫГАНКА

Пир в разгаре. Случайно сошлися сюда,
Чтоб вином отвести себе душу
И послушать красавицу Грушу,
Разношерстные всё господа:
Тут помещик расслабленный, старый,
Тут усатый полковник, безусый корнет,
Изучающий нравы поэт
И чиновников юных две пары.

Притворяются гости, что весело им,
И плохое шампанское льется рекою...

Но цыганке одной этот пир нестерпим.
Она села, к стене прислонясь головою,
Вся в морщинах, дырявая шаль на плечах,
И суровое, злое презренье
Загорается часто в потухших глазах:
Не по сердцу ей модное пенье...
«Да, уж песни теперь не услышишь такой,
От которой захочется плакать самой!
Да и люди не те: им до прежних далече...
Вот хоть этот чиновник, — плюгавый такой,
Что, Наташу обнявши рукой,
Говорит непристойные речи, —
Он ведь шагу не ступит для ней... В кошельке
Вся душа-то у них... Да, не то, что бывало!»
Так шептала цыганка в бессильной тоске,
И минувшее, сбросив на миг покрывало,
Перед нею росло — воскресало.

Ночь у Яра. Московская знать
Собралась как для важного дела,
Чтобы Маню — так звали ее — услыхать,
Да и как же в ту ночь она пела!
«Ты почувствуй», — выводит она, наклонясь,
А сама между тем замечает,
Что высокий, осанистый князь
С нее огненных глаз не спускает.
Полюбила она с того самого дня
Первой страстью горячей, невинной,
Больше братьев родных, «жарче дня и огня»,
Как певалося в песне старинной.
Для него бы снесла она стыд и позор,
Убежала бы с ним безрассудно,
Но такой учредили за нею надзор,
Что и видеться было им трудно.
Раз заснула она среди слез.
«Князь приехал!» — кричат ей... Во сне,
аль серьезно?
Двадцать тысяч он в табор привез
И умчал ее ночью морозной.

Прожила она с князем пять лет,
Много счастья узнала, но много и бед...
Чего больше? спросите — она не ответит,
Но от горя исчезнул и след,
Только счастье звездою далекою светит!
Раз всю ночь она князя ждала,
Воротился он бледный от гнева, печали;
В этот день его мать прокляла
И в опеку имение взяли.
И теперь часто видит цыганка во сне,
Как сказал он тогда ей: «Эх, Маша,
Что нам думать о завтрашнем дне?
А теперь хоть минута, да наша!»
Довелось ей спознаться и с «завтрашним днем»:
Серебро продала, с жемчугами рассталась,
В деревянный, заброшенный дом
Из дворца своего перебралась,
И под этою кровлею вновь
Она с бедностью встретилась смело:
Те же песни и та же любовь...
А до прочего что ей за дело?
Это время сияет цыганке вдали,
Но другие картины пред ней пролетели.
Раз — под самый под Троицын день — к ней пришли
И сказали, что князь, мол, убит на дуэли.
Не забыть никогда ей ту страшную ночь,
А пойти туда нá дом не смела.
Наконец поутру ей уж стало невмочь:
Она черное платье надела,
Робким шагом вошла она в княжеский дом,
Но как князя голубчика там увидала
С восковым, неподвижным лицом,
Так на труп его с воплем упала!
Зашептали кругом: «Не сошла бы с ума!
Знать, взаправду цыганка любила...»
Подошла к ней старуха княгиня сама,
Образок ей дала... и простила.
Еще Маня красива была в те года,
Много к ней молодцов подбивалось, —
Но, прожитою долей горда,
Она верною князю осталась;
А как помер сынок ее — славный такой,

На отца был похож до смешного, —
Воротилась цыганка в свой табор родной
И запела для хлеба насущного снова!
И опять забродила по русской земле,
Только Марьей Васильевной стала из Мани...
Пела в Нижнем, в Калуге, в Орле,
Побывала в Крыму и в Казани;
В Курске — помнится — раз, в Коренной,
Губернаторше голос ее полюбился,
Обласкала она ее пуще родной,
И потом ей весь город дивился.
Но теперь уж давно праздной тенью она
Доживает свой век и поет только в хоре...

А могла бы пропеть и одна
Про ушедшие вдаль времена,
Про бродячее старое горе,
Про веселое с милым житье
Да про жгучие слезы разлуки...
Замечталась цыганка...
Ее забытье
Прерывают нахальные звуки.
Груша, как-то весь стан изогнув,
Подражая кокотке развязной,
Шансонетку поет. «Ньюф, ньюф, ньюф...» —
Раздается припев безобразный.
«Ньюф, ньюф, ньюф,— шепчет старая вслед,—
Что такое? Слова не людские,
В них ни смысла, ни совести нет...
Сгинет табор под песни такие!»
Так обидно ей, горько, — хоть плачь!

Пир в разгаре. Хвативши трактирной отравы,
Спит поэт, изучающий нравы,
Пьет довольный собою усач,
Расходился чиновник плюгавый:
Он чужую фуражку надел набекрень
И плясать бы готов, да стыдится.

Неприветливый, пасмурный день
В разноцветные стекла глядится.

Конец 1860-х годов

А. С. ДАРГОМЫЖСКОМУ

С отрадой тайною, с горячим нетерпеньем
Мы песни ждем твоей, задумчивый певец!
Как жадно тысячи сердец
Тебе откликнутся могучим упоеньем!
Художники бессмертны: уж давно
Покинул нас поэта светлый гений,
И вот «волшебной силой песнопений»
Ты воскресаешь то, что им погребено.
Пускай всю жизнь его терзал венец терновый,
Пусть и теперь над ним звучит неправый суд,
Поэта песни не умрут:
Где замирает мысль и умолкает слово,
Там с новой силою аккорды потекут...
Певец родной, ты брат поэта нам родного,
Его безмолвна ночь, твой ярко блещет день, —
Так вызови ж скорей, творец «Русалки», снова
Его тоскующую тень!

Конец 1860-х годов

A LA POINTE [1]

Недвижно безмолвное море,
По берегу чинно идут
Знакомые лица, и в сборе
Весь праздный, гуляющий люд.

Проходит банкир бородатый,
Гремит офицер палашом,
Попарно снуют дипломаты
С серьезным и кислым лицом.

Как мумии, важны и прямы,
В колясках своих дорогих
Болтают нарядные дамы,
Но речи не клеются их.

[1] На стрелке (франц.). — *Ред.*

«Вы будете завтра у Зины?..»
— «Княгине мой низкий поклон...»
— «Из Бадена пишут кузины,
Что Бисмарк испортил сезон...»

Блондинка с улыбкой небесной
Лепечет, поднявши лорнет:
«Как солнце заходит чудесно!»
А солнца давно уже нет.

Гуманное общество теша,
Несется приятная весть:
Пришла из Берлина депеша:
Убитых не могут и счесть.

Графиня супруга толкает:
«Однако, мой друг, посмотри,
Как весело Рейс выступает,
Как грустен несчастный Флери».

Не слышно веселого звука,
И гордо на всем берегу
Царит величавая скука,
Столь чтимая в светском кругу.

Темнеет. Роса набежала.
Туманом оделся залив.
Разъехались дамы сначала,
Запас новостей истощив.

Наружно смиренны и кротки,
На промысел выгодный свой
Отправились в город кокотки
Беспечной и хищной гурьбой.

И следом за ними, зевая,
Дивя их своей пустотой,
Ушла молодежь золотая
Оканчивать день трудовой.

Рассеялись всадников кучи,
Коляски исчезли в пыли,
На западе хмурые тучи
Как полог свинцовый легли.

Один я. — Опять надо мною
Везде тишина и простор;
В лесу, далеко, за водою,
Как молния вспыхнул костер.

Как рвется душа, изнывая,
На яркое пламя костра!
Кипит здесь беседа живая
И будет кипеть до утра;

От холода, скуки, ненастья
Здесь, верно, надежный приют;
Быть может, нежданное счастье
Свило себе гнездышко тут.

И сердце трепещет невольно...
И знаю я: ехать пора,
Но как-то расстаться мне больно
С далеким мерцаньем костра.

10 августа 1870

* * *

Приветствую вас, дни труда и вдохновенья!
Опять блестя минувшей красотой,
Являются мне жизни впечатленья
И в ярких образах толпятся предо мной.
Но, суетой вседневною объята,
Моя душа порой глуха на этот зов
И тщетно молит к прежнему возврата,
И вырваться не может из оков...
Так лебедь, занесенный в край безводный
И с жизнью свыкшийся иной,
Порою хочет, гордый и свободный,
Лететь к стране своей родной...

Но взор его потух, отяжелели крылья,
И если удалось ему на миг взлететь, —
То только чтоб свое почувствовать бессилье
И песнь последнюю пропеть!

1870, 1885 (?)

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ

(С французского)

«Что, умерла, жива? Потише говорите,
Быть может, удалось на время ей заснуть...»
И кто-то предложил: ребенка принесите
И положите ей на грудь!
И вот на месте том, где прежде сердце билось,
Ребенок с плачем скрыл лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась, —
Всё кончено, молитесь за нее!

1871

ОГОНЕК

Дрожа от холода, измучившись в пути,
Застигнутый врасплох суровою метелью,
Я думал: лошадям меня не довезти
И будет мне сугроб последнею постелью...

Вдруг яркий огонек блеснул в лесу глухом,
Гостеприимная открылась дверь пред нами,
В уютной комнате, пред светлым камельком,
Сижу обвеянный крылатыми мечтами.

Давно молчавшая опять звучит струна,
Опять трепещет грудь волненьями былыми,
И в сердце ожила старинная весна,
Весна с черемухой и липами родными...

Теперь не страшен мне протяжный бури вой,
Грозящий издали бедою полуночной,
Здесь — пристань мирная, здесь — счастье и покой,
Хоть краток тот покой и счастье то непрочно.

О, что до этого! Пускай мой путь далек,
Пусть завтра вновь меня настигнет буря злая,
Теперь мне хорошо... Свети, мой огонек,
Свети и грей меня, на подвиг ободряя!

1871

* * *

Честь имею донести Вашему Высокоблагородию, что в огородах мещанки Ефимовой найдено мертвое тело.

(Из полицейского рапорта)

В убогом рубище, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля.
К бревну прислонена, лежала голова.
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашиб ли хмель ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли вор хватил ее в смятеньи,
Недуг ли поразил, — еще не знали мы
И уловить в лице старались выраженье.
Но веяло оно покоем неземным;
Народ стоял кругом, как бы дивяся чуду,
И каждый клал свой грош в одну большую груду,
И деньги сыпались к устам ее немым.
Вчера их вымолить она бы не сумела...
Да, эти щедрые и поздние гроши,
Что, может быть, спасли б нуждавшееся тело,
Народ охотнее бросает для души. —
Был чудный вешний день. По кочкам зеленели
Побеги свежие рождавшейся травы,
И дети бегали, и жаворонки пели...
Прохладный ветерок, вкруг мертвой головы
Космáми жидкими волос ее играя,
Казалось, лепетал о счастье и весне,
И небо синее в прозрачной вышине
Смеялось над землей, как эпиграмма злая!

1871 (?)

* * *

Истомил меня жизни безрадостный сон,
Ненавистна мне память былого,
Я в прошедшем моем, как в тюрьме, заключен
Под надзором тюремщика злого.

Захочу ли уйти, захочу ли шагнуть, —
Роковая стена не пускает,
Лишь оковы звучат, да сжимается грудь,
Да бессонная совесть терзает.

Но под взглядом твоим распадается цепь,
И я весь освещаюсь тобою,
Как цветами нежданно одетая степь,
Как туман, серебримый луною...

<1872>

А. Н. ОСТРОВСКОМУ

Лет двадцать пять назад спала родная сцена,
И сон ее был тяжек и глубок...
Но вы сказали ей: что ж, «Бедность не порок»,
И с ней произошла благая перемена.
Бесценных перлов ряд театру подаря,
За ним «Доходное» вы утвердили «место»,
И наша сцена, вам благодаря,
Уже не «Бедная невеста».
Заслуги ваши гордо вознеслись,
А кто не видит их иль понимает ложно,
Тому сказать с успехом можно:
«Не в свои сани не садись!»

18 февраля 1872

ТВОЯ СЛЕЗА

Твоя слеза катилась за слезой,
Твоя душа сжималась молодая,
Внимая речи лживой и чужой...
И я в тот миг не мог упасть, рыдая,
Перед тобой!

Твоя слеза проникла в сердце мне,
И всё, что было горького, больного
Запрятано в сердечной глубине, —
Под этою слезою всплыло снова,
Как в страшном сне!

Не в первый раз сбирается гроза,
И страха перед ней душа не знала!
Теперь дрожу я... Робкие глаза
Глядят куда-то вдаль... куда упала
Твоя слеза!

1872

ЛЮБОВЬ

Когда без страсти и без дела
Бесцветно дни мои текли,
Она как буря налетела
И унесла меня с земли.

Она меня лишила веры
И вдохновение зажгла,
Дала мне счастие без меры
И слезы, слезы без числа...

Сухими, жесткими словами
Терзала сердце мне порой,
И хохотала над слезами,
И издевалась над тоской;

А иногда горячим словом
И взором ласковых очей
Гнала печаль, — и в блеске новом
В душе светилася моей!

Я всё забыл, дышу лишь ею,
Всю жизнь я отдал ей во власть,
Благословить ее не смею
И не могу ее проклясть.

1872

* * *

(С французского)

О, смейся надо мной за то, что безучастно
Я в мире не иду пробитою тропой,
За то, что песен дар и жизнь я сжег напрасно,
За то, что гибну я... О, смейся надо мной!

Глумись и хохочи с безжалостным укором —
Толпа почтит твой смех сочувствием живым;
Все будут за тебя, проклятья грянут хором,
И камни полетят послушно за твоим.

И если, совладать с тоскою не умея,
Изнывшая душа застонет, задрожит...
Скорей сдави мне грудь, прерви мой стон скорее,
А то, быть может, бог услышит и простит.

1872

А. Н. МУРАВЬЕВУ

Уставши на пути, тернистом и далеком,
Приют для отдыха волшебный создал ты.
На всё минувшее давно спокойным оком
Ты смотришь с этой высоты.
Пусть там внизу кругом клокочет жизнь иная
В тупой вражде томящихся людей, —
Сюда лишь изредка доходит, замирая,
Невнятный гул рыданий и страстей.
Здесь сладко отдохнуть. Всё веет тишиною,
И даль безмерно хороша,
И, выше уносясь доверчивой мечтою,
Не видит ничего меж небом и собою
На миг восставшая душа.

Июнь 1873

* * *

Черная туча висит над полями,
Шепчутся клены, березы качаются,
Дубы столетние машут ветвями,
Точно со мной говорить собираются.

«Что тебе нужно, пришлец бесприютный?
(Голос их важный с вершины мне чудится.)
Думаешь, отдых вкушая минутный,
Так вот и прошлое всё позабудется?

Нет, ты словами себя не обманешь:
Спета она, твоя песенка скудная!
Новую песню уж ты не затянешь,
Хоть и звучит она, близкая, чудная!

Сердце усталое, сердце больное
Звуков волшебных напрасно искало бы:
Здесь, между нами, ищи ты покоя,
С жизнью простися без стонов и жалобы.

Смерти боишься ты? Страх малодушный!
Всё, что томило игрой бесполезною:
Мысли, и чувства, и стих, им послушный, —
Смерть остановит рукою железною.

Всё, клеветавшее тайно, незримо,
Всё, угнетавшее с дикою силою,
Вмиг разлетится, как облако дыма,
Над неповинною, свежей могилою!

Если же кто-нибудь тишь гробовую
Вздохом нарушит, слезою участия,
О, за слезу бы ты отдал такую
Все свои призраки прошлого счастия!

Тихо, прохладно лежать между нами,
Тень наша шире и шорох приветнее...»
В вечер ненастный, качая ветвями,
Так говорили мне дубы столетние.

30 июля 1873

МАРИИ ДМИТРИЕВНЕ ЖЕДРИНСКОЙ

Когда путем несносным и суровым
Мне стала жизнь в родимой стороне,
Оазис я нашел под вашим кровом,
И отдохнуть отрадно было мне.

И старые и новые печали,
Вчерашний бред и думы прошлых дней
В моей душе вы сердцем прочитали
И сгладили улыбкою своей.

И понял я, смущен улыбкой этой,
Что царство зла отсюда далеко,
И понял я, чем всё кругом согрето
И отчего здесь дышится легко.

Но дни летят... С невольным содроганьем
Смотрю на черный, отдаленный путь:
Он страшен мне, и, словно пред изгнаньем,
Пророческой тоской стеснилась грудь.

И тщетно ум теряется в вопросах:
Где встретимся? Когда? И даст ли бог
Когда-нибудь мой страннический посох
Сложить опять у ваших милых ног?

2 августа 1873

МУХИ

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!

Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася другая, —
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах
прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и
больнее...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

ШВЕЙЦАРКЕ

Целую ночь я в постели метался,
Ветер осенний, сердитый
Выл надо мной;
Словно при мне чей-то сон продолжался,
Некогда здесь позабытый,
Сон, мне чужой.

Снились мне дальней Швейцарии горы...
Скованы вечными льдами
Выси тех гор,
И отдыхают смущенные взоры
В светлых долинах с садами,
В глади озер.

Славно жилось бы. Семья-то большая...
Часто под старую крышу
Входит нужда.
Надо расстаться... «Прощай, дорогая!
Голос твой милый услышу
Вряд ли когда!»

Свет нелюбимого, бледного неба...
Звуки наречья чужого
Дразнят как шум;
Горькая жизнь для насущного хлеба,
Жизнь воздержанья тупого,
Сдавленных дум.

Если же сердце зашепчет о страсти,
Если с неведомой силой
Вспыхнут мечты, —

Прочь их гони, не вверяйся их власти,
Образ забудь этот милый,
Эти черты.

Жизнь пронесется бесцветно-пустая...
В бездну забвенья угрюмо
Канет она...
Так, у подножья скалы отдыхая,
Смоет песчинку без шума
Моря волна.

Вдруг пробудился я. День начинался,
Билося сердце, объято
Странной тоской;
Снова заснул я, и вновь продолжался
Виденный кем-то, когда-то
Сон, мне чужой.

Чья-то улыбка и яркие очи,
Звуки альпийской свирели,
Ропот судьбе, —
Всё, что в безмолвные, долгие ночи
В этой забытой постели
Снилось тебе!

1873

О ЦЫГАНАХ

Посвящается А. И. Гончарову

1

Когда в Москве первопрестольной
С тобой сойдемся мы вдвоем,
Уж знаю я, куда невольно
Умчит нас тройка вечерком.

Туда весь день, на прибыль зорки,
Стяжанья жаждою полны,
Толпами лупят с Живодерки
Индейца бедные сыны.

Им чужд их предок безобразный,
И, правду надобно сказать,
На них легла изнанкой грязной
Цивилизации печать.

Им света мало свет наш придал,
Он только шелком их одел;
Корысть — единственный их идол,
И бедность — вечный их удел.

Искусства также там, хоть тресни,
Ты не найдешь — напрасный труд:
Там исказят мотивы песни
И стих поэта переврут.

Но гнаться ль нам за совершенством?
Что нам за дело до того,
Что так назойливо с «блаженством»
У них рифмует «божество»?

В них сила есть пустыни знойной
И ширь свободная степей,
И страсти пламень беспокойный
Порою брызжет из очей.

В них есть какой-то, хоть и детский,
Но обольщающий обман...
Вот почему на раут светский
Не променяем мы цыган.

2

Льется вино. Усачи полукругом,
Черны, небриты, стоят, не моргнут,
Смуглые феи сидят друг за другом:
Саша, Параша и Маша — все тут.
Что же все смолкли? Их ночь утомила,
Вот отдохнут, запоют погодя.
Липочка «Няню» давно пробасила;
В глупом экстазе зрачками водя,
«Утро туманное» Саша пропела...

Ох! да была же она хороша,
Долгий роман она в жизни имела,
Знала цыганка, что значит душа!
Но зажила в ней сердечная рана,
Старые бури забыты давно,
В этом лице не ищите романа:
Сытостью властною дышит оно.
Что ж и мудреного, что процветает
Духом и здравием Саша моя?
С выручки полной она получает,
Шутка ли, три с половиной пая.
Те, что постарше и менее пылки,
Заняты ужином скромным своим;
Всюду сигары, пустые бутылки,
Тучами ходит по комнате дым.
Старая Анна хлопочет за чаем,
«Жубы» болят отчего-то у ней,
Только, никем и ничем не смущаем,
Коля бренчит на гитаре своей;
Голос прелестный раздался... О, боже!
Паша поет, не для ней, вишь, весна...
Не для тебя, так скажи, для кого же?
Ты черноброва, свежа и стройна,
Из-под ресниц твоих солнца светлее
Тянутся вешнего счастья лучи...
«Ну-ка, затягивай «Лен», да живее!»
Грянула песня. Гудят усачи.
Липочка скачет, несется куда же?
Где остановишься ты на пути?
Лица горят; Марья Карповна даже,
Кажется, хочет вприсядку пойти...
Кончено... Стой! Неужли ж расставаться?
Как-нибудь надо вам сон превозмочь.
«Ну-ка, цыганки, живей, одеваться!
Едем к нам в город доканчивать ночь!»

3

И морозом, и метелью
Охватило нас кругом,
Смотрят брачною постелью
Сани, крытые ковром.

«Паша! к нам — сюда! Доро́гой
Будем петь, садись правей...
Липа здесь! Живее трогай,
Не жалей же лошадей!»

Подхватили лихо кони,
Ветер свищет, словно зверь...
От какой бы мы погони
Не умчалися теперь?

И какая бы кручина
Не забылася легко?
Всюду снежная равнина,
До заставы далеко;

В небе темь и мгла густая,
И не видно ямщика,
И дрожит в руке другая
Чья-то теплая рука!

4

Вот и приехали... «Ну, шевелися,
Чаю скорее, за ромом пошли!»
Мигом по комнатам все разбрелися,
С жадным вниманием дом обошли.
Всё любопытно им: двери, паркеты,
Книги, альбомы, звонок за стеной...
Вот и красавиц московских портреты:
«Кто из них, Паша, сравнится с тобой?»
Вот собрали́ся, уселись за чаем,
Тише признанья, но смех веселей...
Только, ничем и никем не смущаем,
Коля бренчит на гитаре своей.
Длятся часы. Задушевное пенье,
Словно волшебный таинственный сон,
Льет нам минутное жизни забвенье...
Вдруг раздался́ неожиданный звон:
Колокол грянул из церкви соседней...
Знаю, он разом веселье смутит!
«Что это? К ранней звонили обедне?» —

Старая Анна впросонках ворчит.
Вот и прощанье звучит роковое:
«Поздно, до завтра, пора по домам!»
Утро туманное, утро седое,
Знать, и взаправду подкралося к нам.

5

Один я... Город шевелится,
Морозный день глядит в окно;
Я лег в постель, но мне не спится:
В душе и пусто и темно.
И жаль мне ночи беззаботной,
В которой, на один хоть час,
Блеснула гостьей мимолетной
Жизнь, не похожая на нас.
И снова голос полуночный
Звучит при тусклом свете дня:
Весна придет в свой час урочный,
Весна придет... не для меня!

1873

ПАМЯТИ Н. Д. КАРПОВА

С тех пор, как помню жизнь, я помню и тебя.
С улыбкой слушая младенческий мой лепет
И музу детскую навеки полюбя,
Ты знал мой первый стих и первый сердца трепет.

В мятежной юности, кипя избытком сил,
Я гордо в путь пошел с доверчивой душою,
И всюду на пути тебя я находил,
В безоблачный ли день, в ночи ли под грозою.

Как часто, утомясь гонением врагов,
Предавшись горькому, томящему бессилью,
К тебе спасался я, как под родимый кров
Спасается беглец, покрыт дорожной пылью!

Полвека прожил ты, но каждый день милей
Казалась жизнь тебе, — ты до конца был молод.

Как не было седин на голове твоей,
Так сердца твоего не тронул жизни холод.

Мне так дика, чужда твоей кончины весть,
Так долго об руку с тобой я шел на свете,
Что, вылив из души невольно строки эти,
Я всё еще хочу тебе же их прочесть!

1873

ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЕ

Бывало, теша ум в мечтаньях суеверных,
Когда ты падала огнистой полосой,
Тебе вверял я рой желаний эфемерных,
Сменявшихся в душе нестройною толпой.
Теперь опять ты шлешь мне кроткое сиянье,
И взором я прильнул к летящему лучу.
В душе горит одно заветное желанье,
Но вверить я его не в силах... и молчу.
Как думы долгие, лишивши их покрова,
В одежду чуждую решуся я облечь?
Как жизнь всю перелить в одно пустое слово?
Как сердце разменять на суетную речь?
О, если можешь ты, сроднясь с моей душою,
Минуту счастия послать ей хоть одну,
Тогда блесну, как ты, огнистой полосою
И радостно в ночи безвестной утону.

1873

* * *

Как бедный пилигрим, без крова и друзей,
Томится жаждою среди нагих степей,
Так, одиночеством, усталостью томимый,
Безумно жажду я любви недостижимой.
Не нужны страннику ни жемчуг, ни алмаз,
На груды золота он не поднимет глаз,
За чистую струю нежданного потока
Он с радостью отдаст сокровища Востока.

Не нужны мне страстей мятежные огни,
Ни ночи бурные, ни пламенные дни,
Ни пошлой ревности привычные страданья,
Ни речи страстные, ни долгие лобзанья...
Мне б только луч любви!.. Я жду, зову его...
И если он блеснет из сердца твоего
В пожатии руки, в немом сияньи взора,
В небрежном лепете пустого разговора...
О, как я в этот миг душою полюблю,
С какою радостью судьбу благословлю!..
И пусть потом вся жизнь в бессилии угрюмом
Терзает и томит меня нестройным шумом!

1873

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Ни у домашнего, простого камелька,
Ни в шуме светских фраз и суеты салонной
Нам не забыть его, седого старика,
С улыбкой едкою, с душою благосклонной!

Ленивой поступью прошел он жизни путь,
Но мыслью обнял всё, что на пути заметил,
И перед тем, чтоб сном могильным отдохнуть,
Он был как голубь чист и как младенец светел.

Искусства, знания, событья наших дней —
Всё отклик верный в нем будило неизбежно,
И словом, брошенным на факты и людей,
Он клейма вечные накладывал небрежно...

Вы помните его в кругу его друзей?
Как мысли сыпались нежданные, живые,
Как забывали мы под звук его речей
И вечер длившийся, и годы прожитые!

В нем злобы не было. Когда ж он говорил,
Язвительно смеясь над жизнью или веком,
То самый смех его нас с жизнию мирил,
А светлый лик его мирил нас с человеком!

Между 1873 и 1875

Памяти Ф. И. Тютчева

Ни у домашняго простаго камелька,
Ни въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной
Намъ не забыть его, сѣдаго старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной

Лѣнивой поступью прошелъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ все, что на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ!

Искусство, знанія, событья нашихъ дней, —
Все откликъ вѣрный въ немъ будило неизбѣжно,
И словомъ брошеннымъ на факты и людей
Онъ клейма вѣчныя накладывалъ небрежно

Вы помните его въ кругу его друзей?
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звуки его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитые!

Въ немъ злобы не было... Когда жъ онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ жизнью или вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ!

А.

* * *

(М. Д. Ж<едринск>ой)

В уютном уголке сидели мы вдвоем,
В открытое окно впивались наши очи,
И, напрягая слух, в безмолвии ночном
Чего-то ждали мы от этой тихой ночи.

Звон колокольчика нам чудился порой,
Пугал нас лай собак, тревожил листьев шорох. .
О, сколько нежности и жалости немой,
Не тратя лишних слов, читали мы во взорах!

И сколько, сколько раз, сквозь сумрак новых лет,
Светиться будет мне тот уголок уютный,
И ночи тишина, и яркий лампы свет,
И сердца чуткого обман ежеминутный!

24 августа 1874

ВЕНЕЦИЯ

1

В развалинах забытого дворца
Водили нас две нищие старухи,
И речи их лилися без конца.
«Синьоры, словно дождь среди засухи,
Нам дорог ваш визит; мы стары, глухи
И не пленим вас нежностью лица,
Но радуйтесь тому, что нас узнали:
Ведь мы с сестрой последние Микьяли.

2

Вы слышите: Микьяли. . . Как звучит!
Об нас не раз, конечно, вы читали,
Поэт о наших предках говорит,
Историк их занес в свои скрижали,
И вы по всей Италии едва ли
Найдете род, чтоб был так знаменит.

Так не были богаты и могучи
Ни Пезаро́, ни Фо́скари, ни Пучи...

3

Ну, а теперь наш древний блеск угас.
И кто же разорил нас в пух? — Ребенок!
Племянник Гаэтано был у нас,
Он поручён нам был почти с пеленок;
И вырос он красавцем: строен, тонок...
Как было не прощать его проказ!
А жить он начал уже слишком рано...
Всему виной племянник Гаэтано.

4

Анконские поместья он спустил,
Палаццо продал с статуями вместе,
Картины пропил, вазы перебил,
Брильянты взял, чтоб подарить невесте,
А проиграл их шулерам в Триесте.
А впрочем, он прекрасный малый был,
Характера в нем только было мало...
Мы плакали, когда его не стало.

5

Смотрите, вот висит его портрет
С задумчивой, кудрявой головою;
А вот над ним — тому уж много лет, —
С букетами в руках и мы с сестрою.
Тогда мы обе славились красою,
Теперь, увы... давно пропал и след
От прошлого... А думается: всё же
На нас теперь хоть несколько похоже.

6

А вот Франческо... С этим не шути,
В его глазах не сыщешь состраданья:
Он заседал в Совете десяти,
Ловил, казнил, вымучивал признанья,

За то и сам под старость, в наказанье,
Он должен был тяжелый крест нести:
Три сына было у него, — все трое
Убиты в роковом Лепантском бое.

7

Вот в мантии старик, с лицом сухим:
Антонио... Мы им гордиться можем:
За доброту он всеми был любим,
Сенатором был долго, после дожем,
Но, ревностью, как демоном, тревожим,
К жене своей он был неумолим!
Вот и она, красавица Тереза:
Портрет ее — работы Веронеза —

8

Так, кажется, и дышит с полотна...
Она была из рода Морозини...
Смотрите, что за плечи, как стройна,
Улыбка ангела, глаза богини,
И хоть молва нещадна, — как святыни,
Терезы не касалася она.
Ей о любви никто б не заикнулся,
Но тут король, к несчастью, подвернулся.

9

Король тот Генрих Третий был. О нем
В семействе нашем памятно преданье,
Его портрет мы свято бережем.
О Франции храня воспоминанье,
Он в Кракове скучал как бы в изгнаньи
И не хотел быть польским королем.
По смерти брата, чуя трон побольше,
Решился он в Париж бежать из Польши.

10

Дорóгой к нам господь его привел.
Июльской ночью плыл он меж дворцами,

Народ кричал из тысячи гондол,
Сливался пушек гром с колоколами,
Венеция блистала вся огнями.
В палаццо Фоскарини он вошел...
Все плакали: мужчины, дамы, дети...
Великий государь был Генрих Третий!

11

Республика давала бал гостям...
Король с Терезой встретился на бале.
Что было дальше — неизвестно нам,
Но только мужу что-то насказали,
И он, Терезу утопив в канале,
Венчался снова в церкви Фрари, там,
Где памятник великого Кановы...
Но старику был брак несчастлив новый».

12

И длился об Антонио рассказ,
О бедствиях его второго брака...
Но начало тянуть на воздух нас
Из душных стен, из плесени и мрака...
Старухи были нищие, — однако
От денег отказались, и не раз
Нам на прощанье гордо повторяли:
«Да, да, — ведь мы последние Микьяли!»

13

Я бросился в гондолу и велел
Куда-нибудь подальше плыть. Смеркалось...
Канал в лучах заката чуть блестел,
Дул ветерок, и туча надвигалась.
Навстречу к нам гондола приближалась,
Под звук гитары звучный тенор пел,
И громко раздавались над волнами
Заветные слова: dimmi che m'ami [1].

---

[1] Скажи мне, что любишь меня (итал.). — *Ред.*

14

Венеция! Кто счастлив и любим,
Чья жизнь лучом сочувствия согрета,
Тот, подойдя к развалинам твоим,
В них не найдет желанного привета.
Ты на призыв не дашь ему ответа,
Ему покой твой слишком недвижим,
Твой долгий сон без жалоб и без шума
Его смутит, как тягостная дума.

15

Но кто устал, кто бурей жизни смят,
Кому стремиться и спешить напрасно,
Кого вопросы дня не шевелят,
Чье сердце спит бессильно и безгласно,
Кто в каждом дне грядущем видит ясно
Один бесцельный повторений ряд, —
Того с тобой обрадует свиданье...
И ты пришла! И ты — воспоминанье!..

16

Когда больная мысль начнет вникать
В твою судьбу былую глубже, шире,
Она не дожа будет представлять,
Плывущего в короне и порфире,
А пытки, казни, мост Dei Sospiri[1] —
Всё, всё, на чем страдания печать...
Какие тайны горя и измены
Хранят безмолвно мраморные стены!..

17

Как был людьми глубоко оскорблен,
Какую должен был понесть потерю,
Кто написал, в темнице заключен
Без окон и дверей, подобно зверю:

---

[1] Мост вздохов (итал.). — *Ред.*

«Спаси господь от тех, кому я верю, —
От тех, кому не верю, я спасен!»
Он, может быть, великим был поэтом, —
История твоя в двустишьи этом!

18

Страданья чашу выпивши до дна,
Ты снова жить, страдать не захотела,
В объятьях заколдованного сна,
В минувшем блеске ты окаменела:
Твой дож пропал, твой Марк давно без дела,
Твой лев не страшен, площадь не нужна,
В твоих дворцах пустынных дышит тленье...
Везде покой, могила, разрушенье...

19

Могила!.. да! но отчего ж порой
Ты хороша, пленительна, могила?
Зачем она увядшей красотой
Забытых снов так много воскресила,
Душе напомнив, что́ в ней прежде жило?
Ужель обманчив так ее покой?
Ужели сердцу суждено стремиться,
Пока оно не перестанет биться?..

20

Мы долго плыли... Вот зажглась звезда,
Луна нас обдала потоком света;
От прежней тучи нет теперь следа,
Как ризой, небо звездами одето.
«Джузеппе! Пеппо!» — прозвучало где-то...
Всё замерло: и воздух и вода.
Гондола наша двигалась без шума,
Налево берег Лидо спал угрюмо.

21

О, никогда на родине моей
В года любви и страстного волненья

Не мучили души моей сильней
Тоска по жизни, жажда увлеченья!
Хотелося забыться на мгновенье,
Стряхнуть былое, высказать скорей
Кому-нибудь что душу наполняло...
Я был один, и всё кругом молчало...

22

А издали, луной озарена,
Венеция, средь темных вод белея,
Вся в серебро и мрамор убрана,
Являлась мне как сказочная фея.
Спускалась ночь, теплом и счастьем вея;
Едва катилась сонная волна,
Дрожало сердце, тайной грустью сжато,
И тенор пел вдали «О, sol beato»[1]...

1874

* * *

В темную ночь, непроглядную,
Думы такие несвязные
Бродят в моей голове.
Вижу я степь безотрадную...
Люди и призраки разные
Ходят по желтой траве.

Вижу селение дальнее...
Детской мечтой озаренные,
Годы катились там... но...
Комнаты смотрят печальнее,
Липы стоят обнаженные,
Песни замолкли давно.

Осень... Большою дорогою
Едут обозы скрипучие,
Ветер шумит по кустам.

---

[1] О, прекрасное солнце (итал.). — *Ред.*

Станция... крыша убогая...
Слезы старинные, жгучие
Снова текут по щекам.

Вижу я оргию шумную,
Бальные пары за парою,
Блеск набежавшей весны,—
Всю мою юность безумную,
Все увлечения старые,
Все позабытые сны.

Снится мне счастье прожитое...
Очи недавно любимые
Ярко горят в темноте;
Месяц... окошко раскрытое...
Речи, с мечтой уносимые...
Речи так ласковы те!

Помнишь, как с радостью жадною
Слушал я речи те праздные,
Как я поверил тебе!
В темную ночь, непроглядную,
Думы такие несвязные
Бродят в моей голове!

1875

«ПРАЗДНИКОМ ПРАЗДНИК»

Торжественный гул не смолкает в Кремле,
Кадила дымятся, проносится стройное пенье...
Как будто на мертвой земле
Свершается вновь воскресенье!
Народные волны ликуют, куда-то спеша...
Зачем в этот час меня горькая мысль одолела?
Под гнетом усталого, слабого тела
Тебе не воскреснуть, разбитая жизнью душа!
Напрасно рвалася ты к свету и жаждала воли;
Конец недалек: ты, как прежде, во тьме и в пыли;
Житейские дрязги тебя искололи,
Тяжелые думы тебя извели;

И вот, утомясь, исстрадавшись без меры,
Позорно сдалась ты гнетущей судьбе...
И нет в тебе теплого места для веры,
И нет для безверия силы в тебе!

Начало 1870-х годов

* * *

Исход, глава XIV, стих XX.

Когда Израиля в пустыне враг настиг,
Чтоб путь ему пресечь в обещанные страны,
Тогда господь столп облачный воздвиг,
Который разделил враждующие станы.
Одних он тьмой объял до утренних лучей,
Другим всю ночь он лил потоки света.

О, как душе тоскующей моей
Близка святая повесть эта!
В пустыне жизненной мы встретились давно,
Друг друга ищем мы и сердцем и очами,
Но сблизиться нам, верь, не суждено:
Столп облачный стоит и между нами.
Тебе он светит яркою звездой,
Как солнца луч тебя он греет,
А мой удел, увы! другой:
Оттуда мне лишь ночью веет,
И безотрадной и глухой!

Начало 1870-х годов

С КУРЬЕРСКИМ ПОЕЗДОМ

1

«Ну, как мы встретимся? — невольно думал он,
По снегу рыхлому к вокзалу подъезжая. —
Уж я не юноша и вовсе не влюблен...
Зачем же я дрожу? Ужели страсть былая
Опять как ураган ворвется в грудь мою,
Иль только разожгли меня воспоминанья?»

И опустился он на мерзлую скамью,
Исполнен жгучего, немого ожиданья.
Давно, давно, еще студентом молодым,
Он с нею встретился в глуши деревни дальной.
О том, как он любил и как он был любим
Любовью первою, глубокой, идеальной,
Как планы смелые чертила с ним она,
Идее и любви всем жертвовать умея,
Про то никто не знал, а знала лишь одна
Высоких тополей тенистая аллея.
Пришлось расстаться им, прошел несносный год.
Он курс уже кончал, и новой, лучшей доли
Была близка пора... И вдруг он узнает,
Что замужем она, и вышла против воли.
Чуть не сошел с ума, едва не умер он,
Давал нелепые, безумные обеты,
Потом оправился... С прошедшим примирен,
Писал ей изредка и получал ответы;
Потом в тупой борьбе с лишеньями, с нуждой
Прошли бесцветные, томительные годы;
Он привыкал к цепям, и образ дорогой
Лишь изредка блестел лучом былой свободы,
Потом бледнел, бледнел, потом совсем угас.
И вот, как одержал над сердцем он победу,
Как в тине жизненной по горло он погряз, —
Вдруг весть нежданная: «Муж умер, и я еду».
— «Ну, как мы встретимся?» А поезд опоздал...
Как ожидание бывает нестерпимо!
Толпою пестрою наполнился вокзал,
Гурьба артельщиков прошла, болтая, мимо,
А поезда всё нет, пора б ему прийти!
Вот раздался свисток, дым по дороге взвился...
И, тяжело дыша, как бы устав в пути,
Железный паровоз пред ним остановился.

2

«Ну, как мы встретимся?» — так думала она,
Пока на всех порах курьерский поезд мчался.
Уж зимний день глядел из тусклого окна,
Но убаюканный вагон не просыпался.
Старалась и она заснуть в ночной тиши,

Но сон, упрямый сон бежал всё время мимо:
Со дна глубокого взволнованной души
Воспоминания рвались неудержимо.
Курьерским поездом, спеша бог весть куда,
Промчалась жизнь ее без смысла и без цели.
Когда-то, в лучшие, забытые года,
И в ней горел огонь, и в ней мечты кипели!
Но в обществе тупом, средь чуждых ей натур
Тот огонек задут безжалостной рукою:
Покойный муж ее был грубый самодур,
Он каждый сердца звук встречал насмешкой злою.
Был человек один. — Тот понял, тот любил...
А чем она ему ответила? — Обманом...
Что ж делать? Для борьбы ей не хватило сил,
Да и могла ль она бороться с целым станом?
И вот увидеться им снова суждено...
Как встретятся они? Он находил когда-то
Ее красавицей, но это так давно...
Изменят хоть кого утрата за утратой!
А впрочем... Не блестя, как прежде, красотой,
Черты остались те ж, и то же выраженье...
И стало весело ей вдруг при мысли той,
Всё оживилося в ее воображеньи!
Сидевший близ нее и спавший пассажир
Качался так смешно, с осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундир,
Бог знает отчего, она захохотала.
Но вот проснулись все, — теперь уж не заснуть...
Кондуктор отобрал с достоинством билеты;
Вот фабрики пошли, свисток — и кончен путь.
Объятья, возгласы, знакомые приветы...
Но где же, где же он? Не видно за толпой,
Но он, конечно, здесь... О, боже, неужели
Тот, что глядит сюда, вон этот, пожилой,
С очками синими и в меховой шинели?

3

И встретились они, и поняли без слов,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитых бессмысленно годов
Меж ними бездною лежало роковою.

О, никогда еще потраченные дни
Среди чужих людей, в тоске уединенья,
С такою ясностью не вспомнили они,
Как в это краткое и горькое мгновенье!
Недаром злая жизнь их гнула до земли,
Забрасывая их слоями грязи, пыли...
Заботы на лице морщинами легли,
И думы серебром их головы покрыли!
И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вот, рука в руке и взоры опустив,
Они стоят в толпе, боясь прервать молчанье...
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уже уходит прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,
Где ждал он поезда в волнении томящем,
Она же думала, тревогу затая:
«Как было хорошо, когда в вагоне я
Смеялась от души над пассажиром спящим!»

Начало 1870-х годов

* * *

В дверях покинутого храма
С кадил недвижных фимиама
Еще струился синий дым,
Когда за юною четою
Пошли мы пестрою толпою,
Под небом ясным, голубым.

Покровом облаков прозрачных
Оно, казалось, новобрачных
Благословляло с высоты,
И звуки музыки дрожали,
И словно счастье обещали
Благоухавшие цветы.

Людское горе забывая,
Душа смягчалася больная

И оживала в этот час...
И тихим, чистым упоеньем,
Как будто сладким сновиденьем,
Отвсюду веяло на нас.

Начало 1870-х годов

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

НАКАНУНЕ

Она задумчиво сидела меж гостей,
И в близком будущем мечта ее витала...
Надолго едет муж... О, только б поскорей!
«Я ваша навсегда!» — она на днях писала.
Вот он стоит пред ней — не муж, а тот, другой —
И смотрит на нее таким победным взглядом...
«Нет, — думает она, — не сладишь ты со мной:
Тебе ль, мечтателю, идти со мною рядом?
Ползти у ног моих судьбой ты обречен,
Я этот гордый ум согну рукою властной;
Как обессиленный, раздавленный Самсон,
Признание свое забудешь в неге страстной!»

Прочел ли юноша ту мысль в ее глазах, —
Но взор по-прежнему сиял победной силой...
«Посмотрим, кто скорей измучится в цепях», —
Довольное лицо, казалось, говорило.
Кто победит из них? Пускай решит судьба...
Но любят ли они? Что это? страсть слепая
Иль самолюбия бесцельная борьба?
Бог знает!
Их речам рассеянно внимая,
Сидит поодаль муж с нахмуренным лицом;
Он знает, что его изгнание погубит...
Но что до этого? Кто думает о нем?
Он жертвой должен быть! Его вина: он любит.

1876

* * *

В житейском холоде дрожа и изнывая,
Я думал, что любви в усталом сердце нет,
И вдруг в меня пахнул теплом и солнцем мая
Нежданный твой привет.

И снова образ твой, задумчивый, и милый,
И неразгаданный царит в душе моей,
Царит с сознанием могущества и силы,
Но с лаской прежних дней.

Как разгадать тебя? Когда любви томленье
С мольбами и тоской я нес к твоим ногам
И говорил тебе: «Я жизнь, и вдохновенье,
И всё тебе отдам!» —

Твой беспощадный взор сулил мне смерть и муку;
Когда же мертвецом без веры и любви
На землю я упал... ты подаешь мне руку
И говоришь: «Живи!»

<1877>

ПУБЛИКА

(Во время представления Росси)

Артист окончил акт. Недружно и несмело
Рукоплескания раздалися в рядах.
Однако вышел он... Вдруг что-то заблестело
У капельмейстера в руках.
Что это? — Смотрят все в тревоге жадной...
Подарок ценный, вот другой,
А вслед за ними и венок громадный...
Преобразилось всё. Отвсюду крики, вой...
Нет вызовам конца! Платками машут дамы,
И был бы даже вызван автор драмы,
Когда б был жив... Куда ни глянь,
Успех венчается всеобшим приговором.
Кого же чествуют? Кому восторгов дань?
Артисту? — Нет: венку с серебряным прибором!

18 марта 1877

П. ЧАЙКОВСКОМУ

Ты помнишь, как, забившись в «музыкальной»,
Забыв училище и мир,
Мечтали мы о славе идеальной...
Искусство было наш кумир,
И жизнь для нас была обвеяна мечтами.
Увы, прошли года, и с ужасом в груди
Мы сознаем, что всё уже за нами,
Что холод смерти впереди.
Мечты твои сбылись. Презрев тропой избитой,
Ты новый путь себе настойчиво пробил,
Ты с бою славу взял и жадно пил
Из этой чаши ядовитой.
О, знаю, знаю я, как жестко и давно
Тебе за это мстил какой-то рок суровый
И сколько в твой венец лавровый
Колючих терний вплетено.
Но туча разошлась. Душе твоей послушны,
Воскресли звуки дней былых,
И злобы лепет малодушный
Пред ними замер и затих.

А я, кончая путь «непризнанным» поэтом,
Горжусь, что угадал я искру божества
В тебе, тогда мерцавшую едва,
Горящую теперь таким могучим светом.

Декабрь (?) 1877

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Когда в грязи и лжи возникшему кумиру
Пожертвован везде искусства идеал,
О вечной красоте напоминая миру,
Твой мощный голос прозвучал.

Глубоких струн души твои коснулись руки,
Ты в жизни понял всё и всё простил, поэт!
Ты из нее извлек чарующие звуки,
Ты знал, что в правде грязи нет.

Кто по земле ползет, шипя на всё змеею,
Тот видит сор один... и только для орла,
Парящего легко и вольно над землею,
Вся даль безбрежная светла!

1877

НАД СВЯЗКОЙ ПИСЕМ

Не я один тебя любил
И, жизнь отдав тебе охотно,
В очах задумчивых ловил
Хоть призрак ласки мимолетной;
Не я один в тиши ночей
Припоминал с тревогой тайной
И каждый звук твоих речей,
И взор, мне брошенный случайно.

И не во мне одном душа,
Смущаясь встречею холодной,
Безумной ревностью дыша,
Томилась горько и бесплодно.

Как побежденный властелин,
Забыв всю тяжесть униженья,
Не я один, не я один
Молил простить мои мученья!

О, кто же он, соперник мой?
Его не видел я, не знаю,
Но с непонятною тоской
Я эти жалобы читаю.
Его любовь во мне жива,
И, весь в ее волшебной власти,
Твержу горячие слова
Хотя чужой, но близкой страсти.

1877

БРАТЬЯМ

Светает... Не в силах тоски превозмочь,
Заснуть я не мог в эту бурную ночь.
Чрез реки, и горы, и степи простор
Вас, братья далекие, ищет мой взор.
Что с вами? Дрожите ли вы под дождем
В убогой палатке, прикрывшись плащом,
Вы стонете ль в ранах, томитесь в плену,
Иль пали в бою за родную страну,
И жизнь отлетела от лиц дорогих,
И голос ваш милый навеки затих?..
О господи! лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред тобой;
О помощи молят тебя их уста,
Один за Аллаха, другой за Христа;
Без устали, дружно во имя твое
Работают пушка, и штык, и ружье...
Но, боже! один ты, и вера одна,
Кровавая жертва тебе не нужна.
Яви же борцам негодующий лик,
Скажи им, что мир твой хорош и велик,
И слово забытое братской любви
В сердцах, омраченных враждой, оживи!

1877

* * *

Птичкой ты резвой росла,
Клетка твоя золоченая
Стала душна и мала.
Старая няня ученая
Песню твою поняла.

Чтó тебе угол родной,
Матери ласки приветные!
Жизни ты жаждешь иной.
Годы прошли незаметные...
Близится день роковой.

Ярким дивяся лучам,
Крылья расправив несмелые,
Ты улетишь к небесам...
Тучки гуляют там белые,
Воля и солнышко там!

В келье забытой твоей
Жизнь потечет безотрадная...
О, ты тогда пожалей,
Птичка моя ненаглядная,
Тех, кто останется в ней!

1878

ДВЕ ВЕТКИ

Верхние ветви зеленого, стройного клена,
В горьком раздумье слежу я за вами с балкона.

Грустно вы смотрите: ваше житье незавидно;
Что на земле нас волнует — того вам не видно.

В синее небо вы взор устремили напрасно:
Небо — безжалостно, небо — так гордо-бесстрастно!

Бури ль вы ждете? Быть может, раскрывши объятья,
Встретитесь вы, как давно разлученные братья?..

Нет, никогда вам не встретиться! Ветер застонет
Листья крутя, он дрожащую ветку наклонит,

Но, неизменный, суровый закон выполняя,
Тотчас от ветки родной отшатнется другая...

Бедные ветви, утешьтесь! Вы слишком высоки:
Вот отчего вы так грустны и так одиноки!

1878

* * *

Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет...
В ушах раздавался прощальный привет,
Дышал он нежданною лаской...
Свинцовое море шумело кругом...
Всё это мне кажется сладостным сном,
Волшебной, несбыточной сказкой!

О нет, то не сон был! В дали голубой
Две белые чайки неслись над водой,
И серые тучки летели,—
И всё, что сказать я не мог и не смел,
Кипело в душе... и восток чуть алел,
И волны шумели, шумели!..

1879

* * *

Снова один я... Опять без значенья
День убегает за днем,
Сердце испуганно ждет запустенья,
Словно покинутый дом.

Заперты ставни, забиты ворота,
Сад догнивает пустой...
Где же ты светишь, и греешь кого ты,
Мой огонек дорогой?

Видишь, мне жизнь без тебя не под силу,
Прошлое давит мне грудь,
Словно в раскрытую грозно могилу,
Страшно туда заглянуть.

Тянется жизнь, как постылая сказка,
Холодом веет от ней...
О, мне нужна твоя тихая ласка,
Воздуха, солнца нужней!..

1879

* * *

Я ее победил, роковую любовь,
Я убил ее, злую змею,
Что без жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободен, спокоен опять —
Но не радостен этот покой.

Если ночью начну я в мечтах засыпать,
Ты сидишь, как бывало, со мной.
Мне мерещатся снова они —
Эти жаркие летние дни,
Эти долгие ночи бессонные,
Безмятежные моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихим смехом твоим озаренные.
А проснуся я: ночь, как могила, темна,
И подушка моя холодна,
И мне некому сердца излить.
И напрасно молю я волшебного сна,
Чтоб на миг мою жизнь позабыть.
Если ж многие дни без свиданья пройдут,
Я тоскую, не помня измен и обид;
Если песню, что любишь ты, вдруг запоют,
Если имя твое невзначай назовут, —
Мое сердце, как прежде, дрожит!
Укажи же мне путь, назови мне страну,
Где прошедшее я прокляну,

Где бы мог не рыдать я с безумной тоской
В одинокий полуночный час,
Где бы образ твой, некогда мне дорогой,
Побледнел и погас!
Куда скрыться мне? — Дай же ответ! ! .
Но ответа не слышно, страны такой нет,
И, как перлы в загадочной бездне морей,
Как на небе вечернем звезда,
Против воли моей, против воли твоей,
Ты со мною везде и всегда!

1870-е годы

* * *

Средь смеха праздного, среди пустого гула,
Мне душу за тебя томит невольный страх:
Я видел, как слеза украдкою блеснула
В твоих потупленных очах.

Твой беззащитный челн сломила злая буря,
На берег выброшен неопытный пловец.
Откинувши весло и голову понуря,
Ты ждешь: наступит ли конец?

Не унывай, пловец! Как сон, минует горе,
Затихнет бури свист и ропот волн седых,
И покоренное, ликующее море
У ног уляжется твоих.

1870-е годы

* * *

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
Угас безумный пыл,
С укором образ твой, чарующий и нежный,
Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
Убить слепую страсть,
Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
К ногам твоим упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья —
Всё в жертву принести;
Я жертвы не принес, не стою я прощенья...
Прости меня, прости!

1870-е годы

ПАРА ГНЕДЫХ

(Перевод из Донаурова)

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарелась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.

Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!

1870-е годы

БОГИНЯ И ПЕВЕЦ

(Из Овидия)

Пел богиню влюбленный певец, и тоской его голос звучал...
Вняв той песне, богиня сошла, красотой лучезарной сияя,
И к божественно юному телу певец в упоеньи припал,
Задыхаясь от счастья, лобзанием жгучим его покрывая.
Говорила богиня певцу: «Не томися, певец мой, тоской,
Я когда-нибудь снова сойду на твое одинокое ложе —
Оттого что ни в ком на Олимпе не встретить мне страсти такой,
Оттого что безумные ласки твои красоты мне дороже».

1870-е годы

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

«Я вновь пред тобою
стою очарован...»

О, пой, моя милая, пой, не смолкая,
Любимую песню мою
О том, как, тревожно той песне внимая,
Я вновь пред тобою стою!

Та песня напомнит мне время былое,
Которым душа так полна,
И страх, что щемит мое сердце больное,
Быть может, рассеет она.

Боюсь я, что голос мой, скорбный и нежный,
Тебя своей страстью смутит,
Боюсь, что от жизни моей безнадежной
Улыбка твоя отлетит.

Мне жизнь без тебя словно полночь глухая
В чужом и безвестном краю...
О, пой, моя милая, пой, не смолкая,
Любимую песню мою!

1870-е годы

ДВА ГОЛОСА

Посвящается С. А. и Е. К. З<ыби>ным

Два голоса, прелестью тихой полны,
Носились над шумом салонным,
И две уж давно не звучавших струны
Им вторили в сердце смущенном.

И матери голос раздумьем звучал
Про счастье, давно прожитое,
Про жизненный путь между мелей и скал,
Про тихую радость покоя.

И дочери голос надеждой звучал
Про силу людского участья,
Про блеск оживленных, сияющих зал,
Про жажду безвестного счастья.

Казалось, что, в небе лазурном горя,
С прекрасной вечерней зарею
Сливается пышная утра заря, —
И блещут одной красотою.

1870-е годы

* * *

Мне не жаль, что тобою я не был любим, —
Я любви недостоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим, —
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим, и к слезам, и к мольбам
Оставалася ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил,
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

1870-е годы

РАЗБИТАЯ ВАЗА

(Подражание Сюлли-Прюдому)

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,
Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок; ушла ее вода...
Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
Рукою нежной и любимой, —
И с той поры на нем, как от обиды злой,
Остался след неизгладимый.
Оно как прежде бьется и живет,
От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
Не тронь его: оно разбито.

1870-е годы

* * *

Когда любовь охватит нас
Своими крепкими когтями,
Когда за взглядом гордых глаз
Следим мы робкими глазами,
Когда не в силах превозмочь
Мы сердца мук и, как на страже,
Повсюду нас и день и ночь
Гнетет всё мысль одна и та же;
Когда в безмолвии, как тать,

К душе подкрáдется измена, —
Мы рвемся, ропщем и бежать
Хотим из тягостного плена.
Мы просим воли у судьбы,
Клянем любовь — приют обмана,
И, как восставшие рабы,
Кричим: «Долой, долой тирана!»

Но если боги, вняв мольбам,
Освободят нас от неволи,
Как пуст покажется он нам,
Спокойный мир без мук и боли.
О, как захочется нам вновь
Цепей, давно проклятых нами,
Ночей с безумными слезами
И слов, сжигающих нам кровь...
Промчатся дни без наслажденья,
Минуют годы без следа,
Пустыней скучной, без волненья
Нам жизнь покажется...
. . . . Тогда,
Как предки наши, мы с гонцами
Пошлем врагам такой привет:
«Обильно сердце в нас мечтами,
Но в нем теперь порядка нет,
Придите княжити над нами...»

1870-е годы

ВОСПОМИНАНИЕ

Как тиха эта ночь! Всё сидел бы без дум,
Да дышал полной грудью, да слушал...
И боишься, чтоб говор какой или шум
Этот чудный покой не нарушил.
Но покоя душе моей нет! Его прочь
Гонит дума печальная...
Мне иная припомнилась ночь —
Роковая, прощальная...

В эту ночь — о, теперь, хоть теперь,
Когда кануло всё без возврата,

Когда всё так далёко, поверь,
Я люблю тебя нежно и свято! —
Мы сидели одни. Бледный день наступал,
Догорали ненужные свечи.
Я речам твоим жадно внимал...
Были сухи и едки те речи.

То сарказмом звучали, иронией злой,
То, как будто ища мне мучения нового,
Замолкали искусно порой,
Чтоб не дать объясненья готового.
В этот миг я бы руки с мольбою простер:
«О, скажи мне хоть слово участья,
Брось, как прежде, хоть ласковый взор, —
Мне иного не надобно счастья!»

Но обида сковала язык,
Головой я бессильно поник.
Всё, что гордостью было, в душе подымалося;
Всё, что нежностью было, беспомощно сжалося.
А твой голос звучал торжеством
И насмешкой терзал ядовитою
Над моим помертвелым лицом
Да над жизнью моею разбитою...

Конец 1870-х или начало 1880-х годов

* * *

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума всё та же, одна, роковая, —
Всё о тебе!

С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Всё, что в душе дорогого, святого, —
Всё от тебя!

Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, —
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы, —
Всё для тебя!

<1880>

ПАМЯТНАЯ НОЧЬ

Зачем в тиши ночной, из сумрака былого,
Ты, роковая ночь, являешься мне снова
И смотришь на меня со страхом и тоской?
— То было уж давно... на станции глухой,
Где ждал я поезда... Я помню, как сначала
Дымился самовар и печь в углу трещала;
Курил и слушал я часов шипевший бой,
Далекий лай собак да сбоку, за стеной,
Храпенье громкое... И вдруг, среди раздумья, —
То было ль забытье, иль тяжкий миг безумья —
Замолкло, замерло, потухло всё кругом.
Луна, как мертвый лик, глядела в мертвый дом,
Сигара выпала из рук, и мне казалось,
Что жизнь во мне самом внезапно оборвалась.
Я всё тогда забыл: кто я, зачем я тут?
Казалось, что не я — другие люди ждут
Другого поезда на станции убогой.
Не мог я разобрать, их мало или много,
Мне было всё равно, что медлит поезд тот,
Что опоздает он, что вовсе не придет...
Не знаю, долго ли то длилось испытанье,
Но тяжко и теперь о нем воспоминанье!

С тех пор прошли года. В тиши немых могил
Родных людей и чувств я много схоронил,
Измен, страстей и зла вседневные картины
По сердцу провели глубокие морщины,
И с грузом опыта, с усталою душой
Я вновь сижу один на станции глухой.
Я поезда не жду, увы! .. пройдет он мимо...
Мне нечего желать, и жить мне нестерпимо!

1880

НА НОВЫЙ 1881 ГОД

Вся зала ожидания полна,
Партер притих, сейчас начнется пьеса.
Передо мной, безмолвна и грозна,
Волнуется грядущего завеса.

Как я, бывало, взор туда вперял,
Как смутный каждый звук ловил оттуда!
Каких-то новых слов я вечно ждал,
Какого-то неслыханного чуда.

О Новый год! Теперь мне всё равно,
Несешь ли ты мне смерть и разрушенье,
Иль прежних лет мне видеть суждено
Бесцветное, тупое повторенье...

Немного грез — осколки светлых дней —
Как вихрем, он безжалостно развеет,
Еще немного отпадет друзей,
Еще немного сердце зачерствеет.

Декабрь 1880 (?)

К ПОЭЗИИ

Посвящается А. В. П<анае>вой

В эти дни ожиданья тупого,
В эти тяжкие, тусклые дни,
О, явись нам, волшебница, снова
И весною нежданной дохни!

От насилий, измен и коварства,
От кровавых раздоров людских
Уноси в свое светлое царство
Ты глашатаев верных своих!

Позабудь роковые сомненья
И, бессмертной сияя красой,
Нам последнюю песнь утешенья,
Лучезарную песню пропой!

Как напевы чарующей сказки,
Будет песня легка и жива;
Мы услышим в ней матери ласки
И молитвы забытой слова;

Нам припомнятся юности годы,
И пиры золотой старины,
И мечты бескорыстной свободы,
И любви задушевные сны.

Пой с могучей, неслыханной силой,
Воскреси, воскреси еще раз
Всё, что было нам свято и мило,
Всё, чем жизнь улыбалась для нас!

1881

ОТРАВЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Зачем загадывать, мечтать о дне грядущем,
Когда день нынешний так светел и хорош?
Зачем твердить всегда в унынии гнетущем,
Что счастье ветрено, что счастья не вернешь?
Пускай мне суждены мучения разлуки
И одиночества томительные дни, —
Сегодня я с тобой, твои целую руки,
И ночь тиха, и мы одни.
О, если бы я мог, хоть в эту ночь немую,
Забыться в грезах золотых
И всё прошедшее, как ношу роковую,
Сложить у милых ног твоих.
Но сердце робкое, привыкшее бояться,
Не оживет в роскошном сне,
Не верит счастию, не смеет забываться
И речи скорбные нашептывает мне.
Когда я удалюсь, исполненный смущенья,
И отзвучат шаги мои едва,
Ты вспомнишь, может быть, с улыбкою сомненья
Мои тревожные моленья,
Мои горячие и нежные слова.
Когда враги мои холодною толпою

Начнут меня язвить и их услышишь ты,
Ты равнодушною поникнешь головою
И замолчишь пред наглою враждою,
Пред голосом нелепой клеветы.
Когда в сырой земле я буду спать глубоко,
Бессилен, недвижим и всеми позабыт,—
Моей могилы одинокой
Твоя слеза не оросит.
И, может быть, в минуту злую,
Когда мечты твои в прошедшее уйдут,
Мою любовь, всю жизнь мою былую
Ты призовешь на строгий суд;
О, в этот страшный час тревоги, заблужденья,
Томившие когда-то эту грудь,
Мои невольные, бессильные паденья
Ты мне прости и позабудь.
Пойми тогда, хоть с поздним сожаленьем,
Что в мире том, где друг твой жил,
Никто тебя с таким самозабвеньем,
С таким страданьем не любил.

1881

НА НОВЫЙ ГОД

Безотрадные ночи! Счастливые дни!
Как стрела, как мечта пронеслися они.
Я не год пережил, а десятки годов,
То страдал и томился под гнетом оков,
То несбыточным счастием был опьянен...
Я не знаю, то правда была или сон.

Мчалась тройка по свежему снегу в глуши,
И была ты со мной, и кругом ни души...
Лишь мелькали деревья в серебряной мгле,
И казалось, что всё в небесах, на земле
Мне шептало: люби, позабудь обо всем...
Я не знаю, что правдою было, что сном!

И теперь меня мысль роковая гнетет:
Что пошлет он мне, новый, неведомый год?

Ждет ли светлое счастье меня впереди,
Иль последнее пламя потухнет в груди,
И опять побреду я живым мертвецом...
Я не знаю, что правдою будет, что сном!

Декабрь 1881 (?)

* * *

Из отроческих лет он выходил едва,
Когда она его безумно полюбила
За кудри детские, за пылкие слова.
Семью и мужа — всё она тогда забыла!

Теперь пред юношей, роскошна и пышна,
Вся жизнь раскинулась, орел расправил крылья,
И чует в воздухе недоброе она,
И замирает вся от гневного бессилья.

В тревоге и тоске ее блуждает взгляд,
Как будто в нем застыл вопрос и сердце гложет:
«Где он, что с ним, и с кем часы его летят?..»
Всё знать она должна и знать, увы! — не может.

И мечется она, всем слухам и речам
Внимая горячо, то веря, то не веря,
Бесцельной яростью напоминая нам
Предсмертные прыжки израненного зверя.

Март 1882

ПИСЬМО

Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь:
Я не писала Вам давно.
Я думаю, Вам это всё равно.
Там, где живете Вы и, значит, веселитесь,
В роскошной, южной стороне,
Вы, может быть, забыли обо мне.
И я про всё забыть была готова...

Но встреча странная — и вот
С волшебной силою из сумрака былого
Передо мной Ваш образ восстает.

Сегодня, проезжая мимо,
К N. N. случайно я зашла.
С княгиней, Вами некогда любимой,
Я встретилась у чайного стола.
Нас познакомили, двумя-тремя словами
Мы обменялися, но жадными глазами
Впилися мы друг в друга. Взор немой,
Казалось, проникал на дно души другой.
Хотелось мне ей броситься на шею
И долго, долго плакать вместе с нею!

Хотелось мне сказать ей: «Ты близка
Моей душе. У нас одна тоска,
Нас одинаково грызет и мучит совесть,
И, если оттого не станешь ты грустней,
Я расскажу тебе всю повесть
Души истерзанной твоей.
Ты встретила его впервые в вихре бала,
Пленительней его до этих пор
Ты никого еще не знала:
Он был красив как бог, и нежен, и остер.
Он ездить стал к тебе, почтительный, влюбленный,
Но, покорясь его уму,
Решилась твердо ты остаться непреклонной —
И отдалась безропотно ему.
Дни счастия прошли как сновиденье,
Другие наступили дни...
О, дни ревнивых слез, обманов, охлажденья,
Кому из нас не памятны они?
Когда его встречала ты покорно,
Прощала всё ему, любя,
Он называл твою печаль притворной
И комедьянткою тебя.
Когда же приходил условный час свиданья
И в доме наступала тишина,
В томительной тревоге ожиданья
Садилась ты у темного окна.
Понуривши головку молодую

И приподняв тяжелые драпри,
Не шевелясь, сидела до зари,
Вперяя взоры в улицу пустую.
Ты с жадностью ловила каждый звук,
Привыкла различать кареты стук
От стука дрожек издалёка.
Но вот всё ближе, ближе, вот
Остановился кто-то у ворот...
Вскочила ты в одно мгновенье ока,
Бежишь к дверям... напрасный труд:
Обман, опять обман! О, что за наказанье!
И вот опять на несколько минут
Царит немое, мертвое молчанье,
Лишь видно фонарей неровное мерцанье,
И скучные часы убийственно ползут.
И проходила ночь, кипела жизнь дневная...
Тогда ты шла к себе с огнем в крови
И падала в подушки, замирая
От бешенства, и горя, и любви!»

Из этого, конечно, я ни слова
Княгине не сказала. Разговор
У нас лениво шел про разный вздор,
И имени, для нас обеих дорогого,
Мы не решилися назвать.
Настало вдруг неловкое молчанье,
Княгиня встала. На прощанье
Хотелось мне ей крепко руку сжать,
И дружбою у нас окончиться могло бы,
Но в этот миг прочла я столько злобы
В ее измученных глазах,
Что на меня нашел невольный страх,
И молча мы расстались, я — с поклоном,
Она — с кивком небрежным головы...

Я начала свое письмо на *вы*,
Но продолжать не в силах этим тоном.
Мне хочется сказать тебе, что я
Всегда, везде по-прежнему твоя,
Что дорожу я этой тайной,
Что женщина, которую случайно
Любил ты хоть на миг один,

Уж никогда тебя забыть не может,
Что день и ночь ее воспоминанье гложет,
Как злой палач, как милый властелин.
Она не задрожит пред светским приговором:
По первому движенью твоему
Покинет свет, семью, как душную тюрьму,
И будет счастлива одним своим позором!
Она отдаст последний грош,
Чтоб быть твоей рабой, служанкой,
Иль верным псом твоим — Дианкой,
Которую ласкаешь ты и бьешь!

P. S.

Тревога, ночь, — вот что письмо мне диктовало...
Теперь, при свете дня, оно
Мне только кажется смешно,
Но изорвать его мне как-то жалко стало!
Пусть к Вам оно летит от берегов Невы,
Хотя бы для того... чтоб рассердились Вы.
Какое дело Вам, что там Вас любят где-то?
Лишь та, что возле Вас, волнует Вашу кровь.
И знайте: я не жду ответа
Ни на письмо, ни на любовь.
Вам чувство каждое всегда казалось рабством,
А отвечать на письма... Боже мой!
На Вашем языке, столь вежливом порой,
Вы это называли «бабством».

Ноябрь 1882

БРЕД

Несется четверка могучих коней,
Несется, как вихорь на воле,
Несется под зноем палящих лучей
И топчет бесплодное поле.

То смех раздается, то шепот вдвоем...
Всё грохот колес заглушает,
Но ветер подслушал те речи тайком
И злобно их мне повторяет.

И в грезах недуга, в безмолвьи ночей
Я слышу: меня нагоняя,
Несется четверка могучих коней,
Несется нещадная, злая.

И давит мне грудь в непосильной борьбе,
И топчет с неистовой силой
То сердце, что было так верно тебе,
Тебя горячо так любило!

И странно ты смотришь с поникшим челом
На эти бесцельные муки,
И жалость проснулася в сердце твоем:
Ко мне простираешь ты руки...

Но шепот и грохот сильней и грозней...
И, пыль по дороге взметая,
Несется четверка могучих коней,
Безжизненный труп оставляя.

1882

МУЗЕ

Умолкни навсегда. Тоску и сердца жар
Не выставляй врагам для утешенья...
Проклятье вам, минуты вдохновенья,
Проклятие тебе, ненужный песен дар!
Мой голос прозвучит в пустыне одиноко,
Участья не найдет души изнывшей крик...
О смерть, иди теперь! Без жалоб, без упрека
Я встречу твой суровый лик.
Ты всё-таки теплей, чем эти люди-братья:
Не жжешь изменой ты, не дышишь клеветой...
Раскрой же мне свои железные объятья,
Пошли мне наконец забвенье и покой!

Февраль 1883

ССОРА

Ночь давно уж царила над миром,
А они, чтоб оканчивать споры,
Всё сидели за дружеским пиром,
Но не дружные шли разговоры.
Понемногу словами пустыми
Раздражались они до мученья,
Словно кто-то сидел между ними
И нашептывал им оскорбленья.
И сверкали тревожные взгляды,
Искаженные лица горели,
Обвиненья росли без пощады,
И упреки без смысла и цели.
Всё, что прежде в душе накипело,
Всё, чем жизнь их язвила пустая,
Они вспомнили злобно и смело,
Друг на друге то зло вымещая...

Наступила минута молчанья;
Она вечностью им показалась,
И при виде чужого страданья
К ним невольная жалость подкралась.
Им хотелось чудесною силой
Воротить всё, что сказано было,
И слететь уже было готово
Задушевное, теплое слово,
И, быть может, сквозь мрак раздраженья,
Им — измученным гневом и горем —
Уже виделся миг примиренья,
Как маяк лучезарный над морем.

Проходили часы за часами,
А друзья всё смотрели врагами,
Голоса возвышалися снова...
Задушевное, теплое слово,
Что за миг так легко им казалось,
Не припомнилось им, не сказалось,
А слова набегали другие,
Безотрадные, жесткие, злые;
И сверкали тревожные взгляды,
Искаженные лица горели,

Обвиненья росли без пощады
И упреки без смысла и цели...
И уж ночь не царила над миром,
А они неразлучной четою
Всё сидели за дружеским пиром,
Словно тешась безумной враждою!
Вот и утра лучи заблестели...
Новый день не принес примиренья...
Потухавшие свечи тускнели,
Как сердца без любви и прощенья.

Апрель 1883

* * *

О да, поверил я. Мне верить так отрадно...
Зачем же вновь в полночной тишине
Сомненья злобный червь упрямо, беспощадно
И душу мне грызет, и спать мешает мне?

Зачем... когда ничтожными словами
Мы обменяемся... я чувствую с тоской,
Что тайна, как стена, стоит меж нами,
Что в мире я один, что я тебе чужой.

И вновь участья миг в твоем ловлю я взгляде,
И сердце рвется пополам,
И, как преступнику, с мольбою о пощаде
Мне хочется упасть к твоим ногам.

Что сделал я тебе? Такой безумной муки
Не пожелаешь и врагу...
Он близок, грозный час разлуки, —
И верить нужно мне, и верить не могу!

Май 1883

* * *

Люби, всегда люби! Пускай в мученьях тайных
Сгорают юные, беспечные года,
Средь пошлостей людских, среди невзгод случайных
Люби, люби всегда!

Пусть жгучая тоска всю ночь тебя терзает,
Минута — от тоски не будет и следа,
И счастие тебя охватит, засияет...
Люби, люби всегда!

Я думы новые в твоем читаю взоре,
И жалость светит в нем, как дальняя звезда,
И понимаешь ты теплей чужое горе...
Люби, люби всегда!

Август 1883

* * *

О, скажи ей, чтоб страсть роковую мою
Позабыла, простила она,
Что для ней я живу, и дышу, и пою,
Что вся жизнь моя ей отдана!

Что унять не могу я мятежную кровь,
Что над этою страстью больной
Засияла иная, — святая любовь,
Так, как небо блестит над землей!

О, сходите ко мне, вдохновенья лучи,
Зажигайтеся ярче, теплей,
Задушевная песня, скорей прозвучи,
Прозвучи для нее и о ней!

12 ноября 1883

ГОД В МОНАСТЫРЕ

(Отрывки из дневника)

15 ноября

О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана
Полуживой я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готов...

Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров!

16 ноября

Игумен призывал меня. Он важен,
Но обходителен; радушно заявил,
Что я к монастырю уж «приукажен»,
И камилавкою меня благословил.
Затем сказал: «Ты будешь в послушаньи
У старца Михаила. Он стоит
Как некий столб меж нас, им наш украшен скит,
И он у всех в великом почитаньи.
Все помыслы ему ты должен открывать
И исполнять безропотно веленья,
Да снизойдет к тебе господня благодать
И да обрящешь путь спасенья!»

Итак, свершилось: я монах!
И в первый раз в своей одежде новой
Ко всенощной пошел. В ребяческих мечтах
Мне так пленительно звучало это слово,
И раем монастырь казался мне тогда.
Потом я в омут жизни окунулся
И веру потерял... Но вот прошли года, —
И к детским грезам снова я вернулся.

1 декабря

Уж две недели я живу в монастыре
Среди молчания и тишины глубокой.
Наш монастырь построен на горе
И обнесен оградою высокой.
Из башни летом вид чудесный, говорят,
На дальние леса, озера и селенья;
Меж кельями разбросанными — сад,
Где множество цветов и редкие растенья
(Цветами монастырь наш славился давно).
Весной в нем рай земной, но ныне
Глубоким снегом всё занесено,
Всё кажется мне белою пустыней,
И только куполы церквей
Сверкают золотом над ней.

Направо от ворот, вблизи собора,
Из-за дерев едва видна,
Моя ютится келья в два окна.
Приманки мало в ней для суетного взора:
Дощатая кровать, покрытая ковром,
Два стула кожаных, меж окон стол дубовый
И полка книг церковных над столом;
В киоте лик Христа, на нем венец терновый.

Жизнь монастырская без бурь и без страстей
Мне кажется каким-то сном беспечным.
Не слышу светских фраз, затверженных речей
С их вечной ложью и злословьем вечным,
Не вижу пошлых, злобных лиц...
Одно смущает: недостаток веры,
Но бог поможет мне; его любви нет меры
И милосердью нет границ!
Проснувшись, каждый день я к старцу Михаилу
Иду на послушанье в скит.
Ему на вид лет сто, он ходит через силу,
Но взор его сверкает и горит
Глубокой, крепкой верой в бога
И в душу смотрит пристально и строго.
Вчера сказал он с гневом мне,
Что одержим я духом своеволья
И гордости, подобно сатане;
Потом повел меня в подполье
И показал мне гроб, в котором тридцать лет
Спит, как мертвец, он, саваном одет,
Готовясь к жизни бесконечной...
Я с умилением и горестью сердечной
Смотрел на этот одр унынья и борьбы.
Но старец спит в нем только летом;
Теперь в гробу суровом этом
Хранятся овощи, картофель и грибы.

10 декабря

День знаменательный, и как бы я его
Мог описать, когда бы был поэтом!
По приказанью старца моего
Поехал я рубить дрова с рассветом

В сосновый бор. Я помню, в первый раз
Я проезжал его, томим тяжелой думой;
Октябрьский серый вечер гас,
И лес казался мне могилою угрюмой:
Так был тогда он мрачен и уныл!
Теперь блеснул он мне красою небывалой.
В восторге, как ребенок малый,
Я вежды широко раскрыл.
Покрыта парчевы́м блестящим одеяньем,
Стояла предо мной гигантская сосна;
Кругом глубокая такая тишина,
Что нарушать ее боялся я дыханьем.
Деревья стройные, как небеса светлы,
Вели, казалось, в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные, пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздья винограда.
И долго я стоял без мыслей и без слов...
Когда же топора впервые звук раздался,
Весь лес заговорил, затопал, засмеялся
Как бы от тысячи невидимых шагов.
А щеки мне щипал мороз сердитый,
И я рубил, рубил, один в глуши лесной...
К полудню возвратился я домой
Усталый, инеем покрытый.
О, никогда, мои друзья,
Так не был весел и доволен я
На ваших сходках монотонных
И на цинических пирах,
На ваших раутах игриво-похоронных,
На ваших скучных пикниках!

12 декабря

Неверие мое меня томит и мучит,
Я слепо верить не могу.
Пусть разум веры враг и нас лукаво учит,
Но нехотя внимаю я врагу.
Увы, заблудшая овца я в божьем стаде...
Наш ризничий — известный Варлаам —
Читал сегодня проповедь об аде.
Подробно, радостно, как будто видел сам,
Описывал, что делается там:
И стоны грешников, молящих о пощаде,

И совести, и глаз, и рук, и ног
Разнообразные страданья...
Я заглушить в душе не мог негодованья.
Ужели правосудный бог
За краткий миг грехопаденья
Нас мукой вечною казнит?
И вечером побрел я в скит,
Чтоб эти мысли и сомненья
Поведать старцу. Старец Михаил
Отчасти только мне сомненья разрешил.
Он мне сказал, что, верно, с колыбели
Во мне все мысли грешные живут,
Что я смердящий пес и дьявольский сосуд...
Да, помыслы мои успеха не имели!

20 декабря

Увы, меня открыли! Пишет брат,
Что всюду о моем побеге говорят,
Что все смеются до упаду,
Что басней города я стал, к стыду друзей,
И просит прекратить скорей
Мою, как говорит он, «ескападу».
Я басня города! Не всё ли мне равно?
В далекой, ранней юности, бывало,
Боялся я того, что может быть смешно,
Но это чувство скоро миновало.
Теперь, когда с людьми все связи порваны,
Как сами мне они и жалки, и смешны!
Мне дела нет до мненья света,
Но мнение одно хотел бы я узнать...
Что говорит *она*? Впервые слово это
Я заношу в заветную тетрадь...
Ее не на́звал я... но что-то
Кольнуло сердце, как ножом.
Ужель ничем, ничем: ни трудною работой,
Ни долгою молитвой, ни постом
Из сердца вырвать не придется
Воспоминаний роковых?
Оно, как прежде, ими бьется,
Они и в снах, и в помыслах моих,
Смешно же лгать перед самим собою...
Но этих помыслов я старцу не открою!

24 декабря

Восторженный канон Дамаскина́
У всенощной сегодня пели,
И умилением душа была полна,
И чудные слова мне душу разогрели.
«Владыка в древности чудесно спас народ,
Он волны осушил морские...»
О, верю, верю, он и в наши дни придет
И чудеса свершит другие.
О боже! не народ — последний из людей
Зовет тебя, тоскою смертной полный...
В моей душе бушуют также волны
Воспоминаний и страстей.
О, осуши же их своей могучей дланью!
Как солнцем освети греховных мыслей тьму...
О, снизойди к ничтожному созданью!
О, помоги неверью моему!

31 декабря

На монастырской башне полночь бьет,
И в бездну падает тяжелый, грустный год.
Я с ним простился тихо, хладнокровно,
Один в своем углу: всё спит в монастыре.
У нас и службы нет церковной,
Здесь Новый год встречают в сентябре.
В миру, бывало, я, в гостиной шумной стоя,
Вел тихий разговор с судьбой наедине.
Молил я счастия, — теперь молю покоя...
Чего еще желать, к чему стремиться мне?
А год тому назад... Мы были вместе с нею,
Как будущее нам казалося светло,
Как сердце жгла она улыбкою своею,
Как платье белое к ней шло!

11 января

Сегодня сценою печальной
Весь монастырь взволнован был.
Есть по́слушник у нас, по имени Кирилл.
Пришел он из Сибири дальной
Еще весной и все привлек сердца
Своею кротостью и верой без предела.
Он сын единственный богатого купца,

Но верой пламенной душа его горела
От первых детских лет. Таил он мысль свою,
И вот однажды бросил дом, семью,
Оставивши письмо, что на служенье богу
Уходит он. Отец и мать
Чуть не сошли с ума; потом его искать
Отправились в безвестную дорогу.
Семь месяцев, влача томительные дни,
По всем монастырям скиталися они.
Вчера с надеждою последней
Приехали сюда, не зная ничего,
И нынче вдруг за раннею обедней
Увидели Кирюшу своего...

Вся братия стояла у собора,
Кирилл молчал, не поднимая взора.
Отец — осанистый, седой как лунь старик —
Степенно начал речь, но стольких впечатлений
Не вынесла душа: он головой поник
И стал пред сыном на колени.
Он заклинал его Христом
Вернуться снова в отчий дом,
Он говорил, как жизнь ему постыла...
«На что богатства мне? Кому их передать?
Кирюша, воротись! Возьмет меня могила —
Опять придешь сюда: тебе недолго ждать!»
Игумен отвечал красноречиво, ясно,
Что это благодать, а не напасть,
Что горевать отцу напрасно,
Что сын его избрал благую часть,
Что он грехи отцовские замолит,
Что тяжело идти от света в тьму,
Что, впрочем, он его остаться не неволит:
«Пускай решает сам по сердцу своему!»
А мать молчала. Робкими глазами
Смотрела то на сына, то на храм,
И зарыдала вдруг, припав к его ногам,
И таял белый снег под жгучими слезами.
Кирилл бледнел, бледнел; в душе его опять,
Казалось, перелом какой-то совершался,
Не выдержал и он: обняв отца и мать,
Заплакал горько... но остался.

Так наша жизнь идет: везде борьба, разлад...
Кого ж ты осудил, о правосудный боже?
И правы старики, и сын не виноват,
И долгу своему игумен верен тоже...
Как разрешить вопрос? Что радость для одних,
Другим — причина для страданья...
Решать я не могу задач таких...
Но только матери рыданья
Сильней всего звучат в ушах моих!

2 февраля

Второе февраля... О, вечер роковой,
В который всё ушло: моя свобода,
И гордость сердца, и покой...
Бог знает почему — тому назад три года —
Забрел я к ней. Она была больна,
Но приняла меня. До этих пор мы в свете
Встречались часто с ней, и встречи эти
Меня порой лишали сна
И жгли тревогою минутной,
Как бы предчувствием далеким... но пока
В душе то чувство жило смутно,
Как подо льдом живет бурливая река.
Она была больна, ее лицо горело,
И в лихорадочном огне
С такой решимостью, с такой отвагой смелой
Глубокий взор ее скользил по мне!
От белой лампы свет ложился так приветно;
Часы летели. Мы вдвоем,
Шутя, смеясь, болтали обо всем,
И тихий вечер канул незаметно.
А в сердце, как девятый вал,
Могучей страсти пыл и рос и поднимался,
Всё поняла *она,* но я не понимал...
Не помню, как я с ней расстался,
Как вышел я в тумане на крыльцо...
Когда ж немая ночь пахнула мне в лицо,
Я понял, что меня влечет неудержимо
К ее ногам... и в сладком забытьи
Вернулся я домой... о, мимо, мимо,
Воспоминания мои!

7 февраля

Зачем былого пыл тревожный
Ворвался вихрем в жизнь мою
И разбудил неосторожно
В груди дремавшую змею?
Она опять вонзила в сердце жало,
По старым ранам вьется и ползет,
И мучит, мучит, как бывало,
И мне молиться не дает.
А завтра пост. Дрожа от страха,
Впервые исповедь монаха
Я должен богу принести...
Пошли же, господи, мне силу на пути,
Дай мне источник слез и чистые восторги,
Вручи мне крепкое копье,
Которым, как святой Георгий,
Я б раздавил прошедшее мое!

9 февраля

(Из великого канона)

Помощник, покровитель мой!
Явился он ко мне, и я от мук избавлен,
Он бог мой, славно он прославлен,
И вознесу его я скорбною душой.

С чего начну свои оплакивать деянья,
Какое положу начало для рыданья
О грешном, пройденном пути?
Но, милосердый, ты меня прости!

Душа несчастная! Как Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачем, зачем, коснувшись древа,
Вкусила ты безумного плода?

Адам достойно изгнан был из рая
За то, что заповедь одну не сохранил;
А я какую кару заслужил,
Твои веленья вечно нарушая?

От юности моей погрязнул я в страстях,
Богатство растерял, как жалкий расточитель,
Но не отринь меня, поверженного в прах,
Хоть при конце спаси меня, спаситель!

Весь язвами и ранами покрыт,
Страдаю я невыносимо;
Увидевши меня, прошел священник мимо
И отвернулся набожный левит...

Но ты, извлекший мир из тьмы могильной,
О, сжалься надо мной! — мой близится конец...
Как сына блудного прими меня, отец!
Спаси, спаси меня, всесильный!

13 февраля

Труды говения я твердо перенес,
Господь послал мне много теплых слез
И покаянья искреннее слово...
Но нынче — в день причастия святого, —
Когда к часам я шел в собор,
Передо мною женщина входила...
Я задрожал, как лист, вся кровь во мне застыла,
О, боже мой! *она*... Упорный, долгий взор
Ее заставил оглянуться.
Нет, обманулся я. Как мог я обмануться?
И сходства не было: ее походка, рост —
И только... Но с тех пор я исповедь и пост —
Всё позабыл, молиться я не смею,
Покинула меня святая благодать,
Я снова полон только ею,
О ней лишь я могу и думать и писать!
Два месяца безоблачного счастья!
Пусть невозвратно канули они,
Но как не вспомянуть в печальный день ненастья
Про теплые, про солнечные дни?
Потом пошли язвительные споры,
Пошел обидный, мелочный разлад,
Обманов горьких длинный ряд,
Ничем не вызванные ссоры...
В угоду ей я стал рабом,

Я поборол в себе и ревность, и желанья;
Безропотно сносил, когда с моим врагом
Она спешила на свиданье.
Но этим я не мог ее смягчить...
С каким рассчитанным стараньем
Умела мне она всю душу истомить
То жестким словом, то молчаньем!
И часто я хотел ей в сердце заглянуть;
В недоуменьи молчаливом
Смотрел я на нее, надеясь что-нибудь
Прочесть в лице ее красивом.
Но я не узнавал в безжалостных чертах
Черты, что были мне так дороги и милы;
Они в меня вселяли только страх...
Два года я терпел и мучился в цепях,
Но наконец терпеть не стало силы...
Я убежал...
Мне монастырь святой
Казался пристанью надежной,
Расстаться надо мне и с этою мечтой!
Напрасно переплыл я океан безбрежный,
Напрасно мой челнок от грозных спасся волн, —
На камни острые наткнулся он нежданно,
И хлынула вода, и тонет бедный челн
В виду земли обетованной.

10 марта

Как медленно проходит день за днем,
Как в одиночестве моем
Мне ночи кажутся и долги и унылы!
Всю душу рассказать хотелось бы порой,
Но иноки безмолвны, как могилы...
Как будто чувствуют они, что я *чужой,*
И от меня невольно сторонятся...
Игумен, ризничий боятся,
Что я уйду из их монастыря,
И часто мне читают поученья,
О нуждах братии охотно говоря;
Но речи их звучат без убежденья.
А духовник мой, старец Михаил,
На днях в своем гробу навеки опочил.

Готовясь отойти к неведомому миру,
Он долго говорил о вере, о кресте,
И пел чуть слышным голосом стихиру:
«Не осуди меня, Христе!»
Потом, заметя наше огорченье,
Он нам сказал: «Не страшен смертный час!
Чего вы плачете? То глупость плачет в вас,
Не смерть увижу я, но воскресенье!»
Когда ж в последний раз он стал благословлять,
Какой-то радостью чудесной, неземною
Светился взор его. Да, с верою такою
Легко и жить, и умирать!

3 апреля

Христос воскрес! Природа воскресает,
Бегут, шумят весенние ручьи,
И теплый ветерок и нежит и ласкает
Глаза усталые мои.
Сегодня к старцу Михаилу
Пошел я в скит на свежую могилу.
Чудесный вечер был. Из церкви надо мной
Неслось пасхальное, торжественное пенье,
И пахло ладаном, разрытою землей,
И всё так звало жить, сулило воскресенье!
О, боже! думал я, зачем томлюсь я тут?
Мне тридцать лет, совсем здоров я телом,
И наслаждение, и труд
Могли бы быть еще моим уделом,
А между тем я жалкий труп душой,
Мне места в мире нет. Давно ли
Я полной жизнью жил и гордо жаждал воли,
Надеялся на счастье и покой?
От тех надежд и тени не осталось,
И призрак юности исчез...
А в церкви громко раздавалось:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

2 мая

«Она была твоя!» — шептал мне вечер мая,
Дразнила долго песня соловья,
Теперь он замолчал, и эта ночь немая
Мне шепчет вновь: «Она была твоя!»

Как листья тополей в сияньи серебристом,
Мерцает прошлое, погибшее давно;
О нем мне говорят и звезды в небе чистом,
И запах резеды, ворвавшийся в окно.
И некуда бежать, и мучит ночь немая,
Рисуя милые, знакомые черты...
О незабвенная, о вечно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мне: где же ты?
Вот видишь: без тебя мне жить невыносимо,
Я изнемог, я выбился из сил;
Обиды, горе, зло — я всё забыл, простил,
Одна любовь во мне горит неугасимо!
Дай подышать с тобой мне воздухом одним,
Откликнись, отзовись, явись хоть на мгновенье,
А там пускай опять хоть годы заточенья
С могильным холодом своим!

4 мая

Две ночи страшные один в тоске безгласной,
Не зная отдыха, ни сна,
Я просидел у этого окна.
И третья ночь прошла, чуть брезжит день ненастный,
По небу тучи серые ползут.
Сейчас ударит колокол соборный,
По всем дорожкам сада там и тут
Монахи медленно в своей одежде черной,
Как привидения, идут.
И я туда пойду, попробую забыться,
Попробую унять бушующую страсть,
К ногам спасителя упасть
И долго плакать и молиться!

28 мая

О ты, который мне и жизнь, и разум дал,
Которого я с детства чтил душою
И милосердым называл!
В немом отчаяньи стою я пред тобою.
Все наши помыслы и чувства от тебя,
Мы дышим, движемся, твоей покорны власти...
Зачем же ты караешь нас за страсти,
Зачем же мы так мучимся, любя?

И, если от греха нам убежать случится,
Он гонится за нами по пятам,
В убогой келье грезою гнездится,
Мечтой врывается в твой храм.
Вот я пришел к тебе, измученный, усталый,
Всю веру детских лет в душе своей храня...
Но ты услышал ли призыв мой запоздалый,
Как сына блудного ты принял ли меня?
О нет! в дыму кадил, при звуках песнопенья,
Молиться я не мог, и образ роковой
Преследовал, томил, смеялся надо мной...
Теперь я не прошу ни счастья, ни забвенья,
Нет у меня ни сил, ни слез...
Пошли мне смерть, пошли мне смерть скорее!
Чтоб мой язык, в безумьи цепенея,
Тебе хулы не произнес;
Чтоб дикий стон последней муки
Не заглушил молитвенный псалом;
Чтоб на себя не наложил я руки
Перед твоим безмолвным алтарем!

25 сентября

Как на старинного, покинутого друга
Смотрю я на тебя, забытая тетрадь!
Четыре месяца в томлении недуга
Не мог тебе я душу поверять.
За дерзкие слова, за ропот мой греховный
Господь достойно покарал меня:
Раз летом иноки на паперти церковной
Меня нашли с восходом дня
И в келью принесли. Я помню, что сначала
Болезнь меня безжалостно терзала.
То гвоздь несносный, муча по ночам,
В моем мозгу пылавшем шевелился,
То мне казалось, что какой-то храм
С колоннами ко мне на грудь валился,
И горем я, и жаждой был томим.
Потом утихла боль, прошли порывы горя,
И я безгласен, недвижим
Лежал на дне неведомого моря.
Среди туманной, вечной мглы
Я видел только волн движенье,

И были волны те так мягки и теплы,
Так нежило меня прикосновенье
Их тонких струй. Особенно одна
Была хорошая, горячая волна.
Я ждал ее. Я часто издалёка
Следил, как шла она высокою стеной,
И разбивалась надо мной,
И в кровь мою вливалася глубоко.
Нередко пробуждался я от сна,
И жутко было мне, и ночь была черна;
Тогда, невольным страхом полный,
Спешил я вновь забыться сном,
И снова я лежал на дне морском,
И снова вкруг меня катились волны, волны...
Однажды я проснулся, и ясней
Во мне явилося сознанье,
Что я еще живу среди людей
И обречен на прежнее страданье.
Какой тоской заныла грудь,
Как показался мне ужасен мир холодный,
И жадным взором я искал чего-нибудь,
Чтоб прекратить мой век бесплодный...
Вдруг образ матери передо мной предстал,
Давно забытый образ. В колыбели
Меня, казалось, чьи-то руки грели,
И чей-то голос тихо напевал:

«Дитя мое, с тех пор как в гробе тесном
Навек меня зарыли под землей,
Моя душа, живя в краю небесном,
Незримая, везде была с тобой.

Слепая ль страсть твой разум омрачала,
Обида ли терзала в тишине,
Я знала всё, я всё тебе прощала,
Я плакала с тобой наедине.

Когда ж к тебе толпой неслися грезы
И мир дремал, в раздумье погружен,
Я с глаз твоих свевала молча слезы
И тихо улыбалася сквозь сон.

И в этот час одна я видеть смела,
Как сердце разрывается твое...
Но я сама любила и терпела,
Сама жила, — терпи, дитя мое!»

И я терплю и вяну. Дни, недели
Гурьбою скучной пролетели.

Умру ли я, иль нет, — мне всё равно.
Желанья тонут в мертвенном покое,
И равнодушие тупое
В груди осталося одно.

20 октября

Сейчас меня игумен посетил
И объявил мне с видом снисхожденья,
Что я болезнью грех свой искупил
И рясофорного достоин постриженья,
Что если я произнесу обет,
Мне в мир возврата больше нет.
Он дал мне две недели срока,
Чтоб укрепиться телом и умом,
Чтобы молитвой и постом
Очиститься от скверны и порока.
Не зная, что сказать, в тоске потупя взор,
Я молча выслушал нежданный приговор,
И, настоятеля приняв благословенье,
Шатаясь, проводил до сада я его...
В саду всё было пусто и мертво,
Всё было прах и разрушенье.
Лежал везде туман густою пеленой.
Я долго взором, полным муки,
Смотрел на тополь бедный мой.
Как бы молящие, беспомощные руки,
Он к небу ветви голые простер,
И листья желтые всю землю покрывали —
Симво́л забвенья и печали,
Рукою смерти вытканный ковер!

6 ноября

Последний день свободы, колебанья
Уж занялся над тусклою землей,

В последний раз любви воспоминанья
Насмешливо прощаются со мной.

А завтра я дрожащими устами
Произнесу монашества обет.
Я в божий храм, сияющий огнями,
Войду босой и рубищем одет.

И над душой, как в гробе мирно спящей,
Волной неслышной время протечет,
И к смерти той, суровой, настоящей,
Не будет мне заметен переход.

По темной, узкой лестнице шагая,
С трудом спускался я... Но близок день:
Я встрепенусь и, посох свой роняя,
Сойду одну последнюю ступень.

Засни же, сердце! Молодости милой
Не поминай! Окончена борьба...
О господи, теперь прости, помилуй
Мятежного, безумного раба!

В тот же день вечером

Она меня зовет! Как с неба гром нежданный
Среди холодного и пасмурного дня,
Пять строк ее письма упали на меня...
Что это? Бред иль сон несбыточный и странный?
    Пять строк всего... но сотни умных книг
Сказали б меньше мне. В груди воскресла сила,
И радость страшная, безумная на миг
    Всего меня зажгла и охватила!
О да, безумец я! Что ждет меня? Позор!
    Не в силах я обдумывать решенья:
Ей жизнь моя нужна, к чему же размышленья?
    Когда уйдет вся братия в собор,
        Я накануне постриженья
        Отсюда убегу, как вор,
Погоню слышащий, дрожащий под ударом...
А завтра иноки начнут меня судить,

И будет важно им игумен говорить:
«Да, вы его чуждалися недаром!
Как хищный волк он вторгся к нам,
В обитель праведную божью;
Своей кощунственною ложью
Он осквернил господний храм!»
Нет, верьте: не лгала душа моя больная,
Я оставляю здесь правдивый мой дневник,
И, может быть, хотя мой грех велик,
Меня простите вы, его читая.
А там что ждет меня? Собранье палачей,
Ненужные слова, невольные ошибки,
Врагов коварные улыбки
И шутки плоские друзей.
Довольно неудач и прежде рок суровый
Мне сеял на пути: смешон я в их глазах;
Теперь у них предлог насмешки новый:
Я — неудавшийся монах!
А ты, что скажешь ты, родная, дорогая?
Ты засмеешься ли, заплачешь надо мной,
Или, по-прежнему, терзая,
Окутаешь себя корою ледяной?
Быть может, вспомнишь ты о счастье позабытом,
И жалость робким, трепетным лучом
Проснется в сердце молодом...
Нет, в этом сердце, для меня закрытом,
Не шевельнется ничего...
Но жизнь моя нужна, разгадка в этом слове —
Возьми ж ее с последней каплей крови,
С последним стоном сердца моего!
Как вольный мученик иду я на мученье,
Тернистый путь не здесь, а там:
Там ждет меня иное отреченье,
Там ждет меня иной, бездушный храм!
Прощай же, тихая, смиренная обитель!
По миру странствуя, тоскуя и любя,
Преступный твой беглец, твой мимолетный житель
Не раз благословит, как родину, тебя!
Прощай, убогая, оплаканная келья,
Где год тому назад с надеждою такой
Справлял я праздник новоселья,
Где думал отдохнуть усталою душой!

Хотелось бы сказать еще мне много, много
Того, что душу жгло сомненьем и тревогой,
Что в этот вечно памятный мне год
Обдумал я в тиши уединенья...
Но некогда писать, мне дороги мгновенья:
Скорее в путь! *Она* меня зовет!

1883

«ОГЛАШЕННИ, ИЗЫДИТЕ!»

В пустыне мыкаясь, скиталец бесприютный
Однажды вечером увидел светлый храм.
Огни горели там, курился фимиам,
И пенье слышалось... Надеждою минутной
В нем оживился дух. — Давно уж он блуждал,
Иссохло сердце в нем, изныла грудь с дороги;
Колючим тернием истерзанные ноги
И дождь давно не освежал.
Что в долгих странствиях на сердце накипело,
О чем он мыслил, что любил —
Всё странник в жаркую молитву перелил
И в храм вступил походкою несмелой.
Но тут кругом раздался крик:
«Кто этот новый гость? Зачем в обитель бога
Пришлец незнаемый проник?
Здесь места нет ему, долой его с порога!» —
И был из храма изгнан он,
Проклятьями, как громом, поражен.
И вот пред ним опять безрадостно и ровно
Дорога стелется... Уж поздно. День погас.
А он? Он всё стоит у паперти церковной,
Чтобы на божий храм взглянуть в последний раз.
Не ждет он от него пощады, ни прощенья,
К земле бессильная склонилась голова,
И, весь дрожа под гнетом оскорбленья,
Он слушает, исполненный смущенья,
Его клянущие слова.

1883

ПАМЯТИ НЕПТУНА[1]

В часы бессонницы, под тяжким гнетом горя,
Я вспомнил о тебе, возница верный мой,
Нептуном прозванный за сходство с богом моря...
Двенадцать целых лет, в мороз, и в дождь, и в зной,
Ты всё меня возил, усталости не зная,
И ночи целые, покуда жизнь я жег,
Нередко ждал меня, на козлах засыпая...
Ты думал ли о чем? Про это знает бог,
Но по чертам твоим не мог я догадаться,
Ты всё молчал, молчал и, помню, только раз
Сквозь зубы проворчал, не поднимая глаз:
«Что убиваетесь? Не нужно убиваться...»
Зачем же в эту ночь, чрез много, много лет,
Мне вспомнился простой, нехитрый твой совет
И снова я ему обрадован как другу?

Томился часто ты по родине своей,
И «на побывку» ты отправился в Калугу,
Но побыл там, увы! недолго: десять дней.
Лета ли подошли, недугом ли сраженный,
Внучат и сыновей толпою окруженный,
Переселился ты в иной, безвестный свет.
Хоть лучшим миром он зовется безрассудно,
Но в том, по-моему, еще заслуги нет:
Быть лучше нашего ему весьма не трудно.
Мир праху твоему, покой твоим костям.
Земля толпы людской теплее и приветней.
Но жаль, что, изменив привычке многолетней,
Ты не отвез меня туда, где скрылся сам.

1883

ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Мне всё равно, что я лежу больной,
Что чай мой горек, как микстура,
Что голова в огне, что пульс неровен мой,
Что сорок градусов моя температура!

[1] Кучер Василий.

Болезни не страшат меня...
Но признаюсь: меня жестоко
Пугают два несносных дня,
Что проведу от вас далеко.
Я так безумно рад, что я теперь люблю,
Что я дышать могу лишь вами!
Как часто я впиваюсь в вас глазами
И взор ваш каждый раз с волнением ловлю!
Воспоминаньями я полон дорогими,
И хочет отгадать послушная мечта,
Где вы теперь, и с кем, и мыслями какими
Головка ваша занята...
Немая ночь мне не дает ответа,
И только чудится мне в пламенном бреду,
Что с вами об руку иду
Я посреди завистливого света,
Что вы моя, навек моя,
Что я карать могу врагов неправых,
Что страх вселять имею право я
В завистниц ваших глупых, но лукавых...
Когда ж очнуся я средь мертвой тишины —
Как голова горит, как грудь полна страданья!
И хуже всех болезней мне сознанье,
Что те мечты мечтами быть должны.

9 января 1884

ПЕВИЦА

С хозяйкой под руку, спокойно, величаво
Она идет к роялю. Всё молчит,
И смотрит на нее с улыбкою лукавой
Девиц и дам завистливый синклит.
Она красавица, по приговору света
Давно ей этот титул дан;
Глубокие глаза ее полны привета,
И строен, и высок ее цветущий стан.
Она запела... как-то тихо, вяло,
И к музыканту обращенный взор
Изобразил немой укор,—
Она не в голосе, всем это ясно стало...
Но вот минута робости прошла,

Вот голос дрогнул от волненья,
И словно буря вдохновенья
Ее на крыльях унесла.
И песня полилась, широкая, как море:
То страсть нам слышалась, кипящая в крови,
То робкие мольбы, разбитой жизни горе,
То жгучая тоска отринутой любви...
О, как могла понять так верно сердца муки
Она, красавица, беспечная на взгляд?
Откуда эти тающие звуки,
Что зá душу хватают и щемят?

И вспомнилася мне другая зала,
Большая, темная... Дрожащим огоньком
В углу горел камин, одна свеча мерцала,
И у рояля были мы вдвоем.
Она сидела бледная, больная,
Рассеянно вперя куда-то взор,
По клавишам рукой перебирая...
Невесел был наш разговор:
«Меня не удивят ни злоба, ни измена, —
Она сказала голосом глухим, —
Увы, я так привыкла к ним!»
И, словно вырвавшись из плена,
Две крупные слезы скатились по щекам. —
А мне хотелося упасть к ее ногам,
И думал я в тоске глубокой:
Зачем так создан свет, что зло царит одно,
Зачем, зачем страдать осуждено
Всё то, что так прекрасно и высоко?
Мечты мои прервал рукоплесканий гром.
Вскочило всё, заволновалось,
И впечатление глубоким мне казалось!
Мгновение прошло — и вновь звучит кругом,
С обычной пустотой и пошлостью своею,
Речей салонных гул; спокойна и светла
Она сидит у чайного стола;
Банальный фимиам мужчины жгут пред нею,
И сладкие ей речи говорит
Девиц и дам сияющий синклит.

Май 1884

ПОЗДНЕЕ МЩЕНИЕ

Она не может спать. Назойливая, злая
Тоска ее грызет. Пылает голова,
И душит мрак ее, и давит тишь ночная...
Знакомый голос, ей по сердцу ударяя,
Лепечет страшные, безумные слова:

«Когда, потупив взор, походкою усталой
Сегодня тихо шла за гробом ты моим,
Ты думала, что всё меж нами миновало...
Но в комнату твою вошел я, как бывало,
И снова мы с тобой о прошлом говорим.

Ты помнишь, сколько раз ты верность мне сулила,
А я тебя молил о правде лишь одной?
Но ложью ты мне жизнь как ядом отравила,
Все тайны прошлого сказала мне могила,
И вся душа твоя открыта предо мной.

Я всё тебе прощал: обманы, оскорбленья,
Я только для тебя хотел дышать и жить...
Ты предала меня врагам без сожаленья...
И вот теперь она пришла, минута мщенья,
Теперь я си́лен тем, что не могу простить.

Я си́лен потому, что труп не шевельнется,
Не запылает взор от блеска красоты,
Что сердце, полное тобою, уж не бьется,
Что в мой свинцовый гроб твой голос не ворвется,
Что нет в нем воздуха, которым дышишь ты!

Я буду мстить тебе. Когда, вернувшись с бала,
Ты, сбросив свой наряд, останешься одна,
В невольном забытьи задремлешь ты сначала,
Но в комнату твою войду я, как бывало,
И ночь твоя пройдет тревожно и без сна.

И всё, забытое среди дневного гула,
Тогда припомнишь ты: и день тот роковой,
Когда безжалостно меня ты обманула,
И тот, когда меня так грубо оттолкнула,
И тот, когда так зло смеялась надо мной!

Я мщу тебе за то, что жил я пресмыкаясь,
В безвыходной тоске дары небес губя,
За то, что я погиб, словам твоим вверяясь;
За то, что, чуя смерть и с жизнью расставаясь,
Я проклял эту жизнь, и душу, и тебя!!.»

Июль 1884

* * *

Письмо у ней в руках. Прелестная головка
Склонилася над ним; одна в ночной тиши,
И мысль меня страшит, что, может быть, неловко
И грустно ей читать тот стон моей души...

О, только б ей прожить счастливой и любимой,
Не даром вввериться пленительным мечтам...
И помыслы мои всю ночь неудержимо,
Как волны Волхова, текут к ее ногам...

21 сентября 1884

* * *

Два сердца любящих и чающих ответа
Случайно встретились в пустыне черствой света,
Но долго робостью томилися они.
И вечной суетой наполненные дни,
И светской черни суд, без смысла, без пощады,
Им клали на пути тяжелые преграды;
И, словно нехотя, в тиши полей пустых
С рыданьем вырвалась святая тайна их.
С тех пор помчались дни, как сон волшебный,
странный,
Преграды рушились, и близок день желанный,
Когда прекрасный сон не будет больше сном...

И ночи целые я думаю о нем,
Об этом близком дне... В тумане ожиданья
Грядущего еще не ясны очертанья,
И страстно допросить хочу я у судьбы:

Грозят ли им часы сомнений и борьбы,
Иль ждет их долгое, безоблачное счастье?
Душа моя полна тревоги и участья;
Порою злая мысль, подкравшись в тишине,
Змеиным языком нашептывает мне:
«Как ты смешон с твоим участием глубоким!
Умрешь ты, как и жил, скитальцем одиноким,
Ведь это счастие чужое, не твое!»
Горька мне эта мысль, но я гоню ее
И радуюсь тому, что счастие чужое
Мне счастья моего милей, дороже вдвое!

8 декабря 1884

* * *

О, будьте счастливы! Без жалоб, без упрека,
Без вопля ревности пустой
Я с вами расстаюсь... Пускай один, далеко
Я буду жить с безумною тоской,
С горячими, хоть поздними мольбами
Перед потухшим алтарем.
О, будьте счастливы, — я лишний между вами,
О, будьте счастливы вдвоем!

Но я б хотел — прости мое желанье, —
Чтобы назло слепой судьбе
Порою в светлый миг свиданья
Мой образ виделся тебе;
Чтоб в тихом уголке иль средь тревоги бальной
Смутил тебя мой стих печальный,
Как иногда при блеске фонарей
Смущает поезд погребальный
На свадьбу едущих гостей.

Декабрь 1884

ПЕШЕХОД

Без волненья, без тревоги
Он по жизненной дороге
Всё шагает день и ночь,

И тоски, его гнетущей,
Сердце медленно грызущей,
Он не в силах превозмочь.

Те, что знали, что любили,
Спят давно в сырой могиле;
Средь неведомых равнин
Разбрелися остальные —
Жизни спутники былые...
Он один, совсем один.

Равнодушный и бесстрастный
Он встречает день прекрасный,
Солнце только жжет его;
Злая буря-непогода
Не пугает пешехода,
И не ждет он ничего.

Мимо храма он проходит
И с кладбища глаз не сводит,
Смотрит с жадною тоской...
Там окончится мученье,
Там прощенье, примиренье,
Там забвенье, там покой!

Но, увы! не наступает
Миг желанный... Он шагает
День и ночь, тоской томим...
Даже смерть его забыла,
Даже вовремя могила
Не открылась перед ним!

Февраль 1885

ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь:
Я никогда Вам не писал,
Я и теперь не заслужу похвал,
Но Вы за правду не сердитесь!

Письмо мое — упрек. От берегов Невы
Один приятель пишет мне, что Вы
Свое письмо распространили в свете.
Скажите — для чего? Ужели толки эти
О том, что было так давно
На дне души погребено,
Вам кажутся уместны и приличны?
На вечере одном был ужин симпатичный,
Там неизвестный мне толстяк
Читал его на память, кое-как...
И все потешилися вволю
Над Вашим пламенным письмом!..
Потом обоих нас подвергнули контролю
(Чему способствовал отчасти самый дом).
Две милые, пленительные дамы
Хотели знать, кто я таков, притом
Каким отвечу я письмом,
И все подробности интимной нашей драмы.
Прошу Вас довести до сведения их,
Что я — бездушный эгоист, пожалуй,
Но, в сущности, простой и добрый малый,
Что много глупостей наделал я больших
Из одного минутного порыва...
А что касается до нашего разрыва —
Его хотели Вы. Иначе, видит бог,
Я был бы и теперь у Ваших милых ног.

P. S.

Прости мне тон письма небрежный:
Его я начал в шуме дня.
Теперь всё спит кругом, чарующий и нежный
Твой образ кротко смотрит на меня!
О, брось твой душный свет, забудь былое горе,
Приди, приди ко мне, прими былую власть!
Здесь море ждет тебя, широкое, как страсть,
И страсть, широкая, как море.
Ты здесь найдешь опять всё счастье прежних лет,
И ласки, и любовь, и даже то страданье,
Которое порой гнетет существованье,
Но без которого вся жизнь — бессвязный бред.

8 ноября 1885

* * *

Как пловец утомленный, без веры, без сил,
Я о береге жадно мечтал и молил;
Но мне берег несносен, тяжел мне покой,
Словно полог свинцовый висит надо мной...
Уноси ж меня снова, безумный мой челн,
В необъятную ширь расходившихся волн!
Не страшат меня тучи, ни буря, ни гром...
Только б изредка всё утихало кругом,
И чуть слышный, приветливый говор волны
Навевал мне на душу волшебные сны,
И в победной красе, выходя из-за туч,
Согревал меня солнца ласкающий луч!

1885

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

О, не гони меня, — твердит она, вздыхая, —
Не проклинай докучный мой приход,
Еще не раз душа твоя больная
Меня, быть может, призовет!
Я только тень... зачем же против тени
Старинную враждующую рать
Упреков, жалоб и сомнений
С невольной злобой вызывать?
Я только тень, я призрак без названья,
Мой жертвенник упал, огонь на нем погас,
Но есть меж нами связь; та связь — твои страданья:
Они навек соединили нас.
Ты можешь позабыть и ласки, и объятья,
И речи нежные, и тихий блеск очей,
Но не забудешь жгучие проклятья,
Смущавшие покой твоих ночей.
И верь мне: чем сильней росло твое волненье,
Чем больше ты страдал, без пользы жизнь губя,
Тем ближе чуял ты мое прикосновенье,
Тем явственней звучал мой голос для тебя.
Благодари меня за всё: за пыл мечтаний,
За счастье и обман, за солнце и грозу,
За каждый вопль разбитых упований,

За каждую пролитую слезу;
И если, жизнью смят, в томлении недуга,
Меня ты призовешь, к тебе явлюсь я вновь,
Я, лучших дней твоих забытая подруга,
Я, старая и верная любовь!

<1886>

ПАМЯТИ ПРОШЛОГО

Не стучись ко мне в ночь бессонную,
Не буди любовь схороненную,
Мне твой образ чужд и язык твой нем,
Я в гробу лежу, я затих совсем.
Мысли ясные мглой окутались,
Нити жизни все перепутались,
И не знаю я, кто играет мной,
Кто мне верный друг, кто мне враг лихой.

С злой усмешкою, с речью горькою
Ты приснилась мне перед зорькою...
Не смотри ты так, подожди хоть дня,
Я в гробу лежу, обмани меня...
Ведь умершим лгут, ведь удел живых —
Ряд измен, обид, оскорблений злых...
А едва умрем, — на прощание
Нам надгробное шлют рыдание,
Возглашают нам память вечную,
Обещают жизнь... бесконечную!

<1886>

ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ

Вы говорите, доктор, что исход
Сомнителен? Ну что ж, господня воля!
Уж мне пошел пятидесятый год,
Довольно я жила. Вот только бедный Коля
Меня смущает: слишком пылкий нрав,
Идеям новым предан он так страстно,
Мне трудно спорить с ним; он, может быть, и прав;
Боюсь, что жизнь свою загубит он напрасно.
О, если б мне дожить до радостного дня,

Когда он кончит курс и выберет дорогу.
Мне хлороформ не нужно: слава богу,
Привыкла к мукам я... А около меня
Портреты всех детей поставьте, доктор милый,
Пока могу смотреть, хочу я видеть их.
Поверьте: в лицах дорогих
Я больше почерпну терпения и силы!..
Вы видите: вон там, на той стене,
В дубовой рамке Коля, в черной — Митя...
Вы помните, когда он умер в дифтерите
Здесь, на моих руках, вы всё твердили мне,
Что заражусь я непременно тоже.
Не заразилась я, прошло тринадцать лет...
Что вытерпела я болезней, горя... боже!
Вы, доктор, знаете... А где же Саша? Нет!
Тут он с своей женой... Бог с нею!
Снимите тот портрет, в мундире, подле вас;
Невольно духом я слабею,
Как только встречу взгляд ее холодных глаз;
Всё Сашу мучит в ней: бесцельное кокетство,
Характер адский, дикая вражда
К семейству нашему... Вы знали Сашу с детства,
Не жаловался он ребенком никогда,
А тут, в последний раз, — но это между нами —
Он начал говорить мне о жене,
Потом вдруг замолчал, упал на грудь ко мне
И плакал детскими, бессильными слезами...
Я людям всё теперь простить должна,
Но каюсь: этих слез я не простила...
А прежде как она любила,
Каким казалась ангелом она!..
Вот Оля с детками. За этих, умирая,
Спокойна я. Наташа, ангел мой!
Уставила в меня глазенки, как живая,
И хочет выскочить из рамки золотой.
Мне больно шевельнуть рукой. Перекрестите
Хоть вы меня... Смешно вам, старый атеист,
Что ж делать, бог простит! Вот так... Да отворите
Окно. Как воздух свеж и чист!
Как быстро тучки белые несутся
По неразгаданным, далеким небесам...
Да, вот еще: к моим похоронам,

Конечно, дети соберутся.
Скажите им, что, умирая, мать
Благословила их и любит, но ни слова,
Что я так мучилась... Зачем их огорчать!
Ну, доктор, а теперь начните — я готова!..

Июль 1886

СТАРОСТЬ

Бредет в глухом лесу усталый пешеход
И слышит: кто-то там, далёко, за кустами,
Неровными и робкими шагами
За ним, как вор подкравшийся, ползет.
Заныло сердце в нем, и он остановился.
«Не враг ли тайный гонится за мной?
Нет, мне почудилось: то, верно, лист сухой,
Цепляяся за ветви, повалился
Иль заяц пробежал...» Кругом не видно зги,
Он продолжает путь знакомою тропою.
Но вот всё явственней он слышит за собою
Всё те же робкие, неровные шаги.
И только рассвело, он видит: близко, рядом
Идет старуха-нищая с клюкой,
Окинула его пытливым взглядом
И говорит: «Скиталец бедный мой!
Ужель своей походкою усталой
Ты от меня надеялся уйти?
На тяжком жизненном пути
Исколесил ты верст немало.
Ведь скоро, гордость затая,
Искать начнешь ты спутника иль крова...
Я старость, я пришла без зова,
Подруга новая твоя!
На прежних ты роптал, ты проклинал измену...
О, я не изменю, щедра я и добра:
Я на глаза очки тебе надену,
В усы и бороду подсыплю серебра;
Смешной румянец щек твоих я смою,
Чело почтенными морщинами покрою,
Всё изменю в тебе: улыбку, поступь, взгляд...
Чтоб не скучал ты в праздности со мною,

К тебе болезней целый ряд
Привью заботливой рукою.
Тебя в ненастные, сомнительные дни
Я шарфом обвяжу, подам тебе калоши...
А зубы, волосы... На что тебе они?
Тебя избавлю я от этой лишней ноши.
Но есть могучий дар, он только мне знаком:
Я опыт дам тебе, в нем истина и знанье!
Всю жизнь ты их искал и сердцем и умом
И воздвигал на них причудливое зданье.
В нем, правда, было много красоты,
Но зданье это так непрочно!
Я объясню тебе, как ошибался ты;
Я докажу умно и точно,
Что дружбою всю жизнь ты называл расчет,
Любовью — крови глупое волненье,
Наукою — бессвязных мыслей сброд,
Свободою — залог порабощенья,
А славой — болтунов изменчивое мненье
И клеветы предательский почет...»
— «Старуха, замолчи, остановись, довольно!
(Несчастный молит пешеход.)
Недаром сердце сжалося так больно,
Когда я издали почуял твой приход!
На что мне опыт твой? Я от твоей науки
Отрекся б с ужасом и в прежние года.
Покончи разом всё: бери лопату в руки,
Могилу вырой мне, столкни меня туда...
Не хочешь? — Так уйди! Душа еще богата
Воспоминанием... надеждами полна,
И, если дань тебе нужна,
Пожалуй, уноси с собою без возврата
Здоровье, крепость сил, румянец прежних дней,
Но веру в жизнь оставь, оставь мне увлеченье,
Дай мне пожить хотя еще мгновенье
В святых обманах юности моей!»
Увы, не отогнать докучную старуху!
Без устали она всё движется вперед,
То шепчет и язвит, к его склонившись уху,
То за руку его хватает и ведет.
И привыкает он к старухе понемногу:
Не сердит уж его пустая болтовня,

И, если про давно пройденную дорогу
Она заговорит, глумяся и дразня,
Он чувствует в душе одну тупую скуку,
Безропотно бредет за спутницей своей
И, вяло слушая поток ее речей,
Сам опирается на немощную руку.

Июль 1886

* * *

Проложен жизни путь бесплодными степями,
И глушь, и мрак... ни хаты, ни куста...
Спит сердце; скованы цепями
И разум, и уста,
И даль пред нами
Пуста.

И вдруг покажется не так тяжка дорога,
Захочется и петь, и мыслить вновь.
На небе звезд горит так много,
Так бурно льется кровь...
Мечты, тревога,
Любовь!

О, где же те мечты? Где радости, печали,
Светившие нам ярко столько лет?
От их огней в туманной дали
Чуть виден слабый свет...
И те пропали...
Их нет.

<1888>

ИЗ БУМАГ ПРОКУРОРА

Классически я жизнь окончу тут.
Я номер взял в гостинице, известной
Тем, что она излюбленный приют
Людей, как я, которым в мире тесно;
Слегка поужинал, спросил
Бутылку хересу, бумаги и чернил
И разбудить себя велел часу в девятом.

Следя прилежно за собой,
Я в зеркало взглянул. В лице, слегка помятом
Бессонными ночами и тоской,
Следов не видно лихорадки.
Револьвер осмотрел я: всё в порядке...
Теперь пора мне приступить к письму.
Так принято: пред смертью на прощанье
Всегда строчат кому-нибудь посланье...
И я писать готов, не знаю лишь кому.

Писать родным...зачем? Нежданное наследство
Утешит скоро их в утрате дорогой.
Писать товарищам, друзьям, любимым с детства...
Да где они? Нас жизненной волной
Судьба давно навеки разделила,
И будет им, как я, чужда моя могила...
Вот если написать кому-нибудь из них —
Из светских болтунов, приятелей моих, —
О, боже мой, какую я услугу
Им оказать бы мог! Приятель с тем письмом
Перебегать начнет из дома в дом
И расточать хвалы исчезнувшему другу...
Про мой конец он выдумает сам
Какой-нибудь роман в игривом роде
И, забавляя им от скуки мрущих дам,
Неделю целую, пожалуй, будет в моде.
Есть у меня знакомый прокурор
С болезненным лицом и умными глазами...
Случайность странная: нередко между нами
Самоубийц касался разговор.
Он этим делом занят специально;
Чуть где-нибудь случилася беда,
Уж он сейчас бежит туда
С своей улыбкою печальной
И всё исследует: как, что и почему.
С научной целью напишу ему
О собственном конце отчет подробный...
В статистику его пошлю мой вклад загробный!

«Любезный прокурор, вам интересно знать,
Зачем я кончил жизнь так неприлично?
Сказать по правде, я логично

Вам правоту свою не мог бы доказать,
Но снисхождения достоин я. Когда бы
Вы поручились мне, что я умру...
Ну хоть, положим, завтра ввечеру,
От воспаленья или острой жабы,
Я б терпеливо ждал. Но я совсем здоров
И вовсе не смотрю в могилу;
Могу еще прожить я множество годов,
А жизнь переносить мне больше не под силу,
И, как бы я ее ни жег и ни ломал,
Боюсь: не сузится мой пищевой канал
И не расширится аорта...
А потому я смерть избрал иного сорта.

Я жил, как многие, как все почти живут
Из круга нашего, — я жил для наслажденья;
Работника здоровый, бодрый труд
Мне незнаком был с самого рожденья.
Но с отроческих лет я начал в жизнь вникать,
В людские действия, их цели и причины,
И стерлась детской веры благодать,
Как бледной краски след с неконченной картины.
Когда ж при свете разума и книг
Мне в даль веков пришлося углубиться,
Я человечество столь гордое постиг,
Но не постиг того, чем так ему гордиться?

Близ солнца, на одной из маленьких планет
Живет двуногий зверь некрупного сложенья,
Живет сравнительно еще немного лет
И думает, что он венец творенья;
Что все сокровища еще безвестных стран
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него горят небесные светила,
Что для него ревет в час бури океан.
И борется зверек с судьбой насколько можно,
Хлопочет день и ночь о счастии своем,
С расчетом на века устраивает дом...
Но ветер на него пахнул неосторожно —
И нет его... пропал и след...
И, умирая, он не знает,
Зачем явился он на свет,

Я жилъ какъ многие, какъ все почти живутъ
Изъ круга нашего, я жилъ для наслажденья
Работника здоровый, бодрый трудъ
Мнѣ незнакомъ былъ съ самого рожденья.
Но ~~съ дѣтства ранняго~~ съ отроческихъ лѣтъ я началъ въ жизнь вникать,
Въ людския дѣйствия, ихъ цѣли и причины,
И ~~разъ~~ смотрѣлъ [illegible] благодать.
~~И [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible]~~
Какъ бѣдному крестьянину слѣдъ [illegible] съ непрочной картины
~~[illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]~~ ....
Когда жъ при свѣтѣ разума и книгъ
Мнѣ въ даль вѣковъ пришлось углубиться,

К чему он жил, куда он исчезает.
При этой краткости житейского пути,
В таком убожестве неведенья, бессилья
Должны бы спутники соединить усилья
И дружно общий крест нести...
Нет, люди — эти бедные микробы —
Друг с другом борются, полны
Нелепой зависти и злобы.
Им слезы ближнего нужны,
Чтоб жизнью наслаждаться вдвое,
Им больше горя нет, как счастие чужое!
Властители, рабы, народы, племена —
Все дышат лишь враждой, и все стоят на страже...
Куда ни посмотри, везде одна и та же
Упорная, безумная война!
Невыносимо жить!
Я вижу: с нетерпеньем
Послание мое вы прочитали вновь,
И прокурорский взор туманится сомненьем...
«Нет, это всё не то, тут, верно, есть любовь...»
Так режиссер в молчаньи строгом
За ролью новичка следит из-за кулис...
«Ищите женщину» — ведь это ваш девиз?
Вы правы, вы нашли. А я — клянуся богом, —
Я не искал ее. Нежданная, она
Явилась предо мной, и так же, как начало,
Негадан был конец... Но вам сознанья мало,
Вам исповедь подробная нужна.
Хотите имя знать? Хотите номер дома,
Иль цвет ее волос? Не всё ли вам равно?
Поверьте мне: она вам незнакома
И наш угрюмый край покинула давно.

О, где теперь она? В какой стране далекой
Красуется ее спокойное чело?
Где ты, мой грозный бич, каравший так жестоко,
Где ты, мой светлый луч, ласкавший так тепло?

Давно потух огонь, давно угасли страсти,
Как сон, пропали дни страданий и тревог...
Но выйти из твоей неотразимой власти,
Но позабыть тебя я всё-таки не мог!

И если б ты сюда вошла в мой час последний,
Как прежде гордая, без речи о любви,
И прошептала мне: «Оставь пустые бредни,
Забудем прошлое, я так хочу, живи!» —

О, даже и теперь я счастия слезами
Ответил бы на зов души твоей родной
И, как послушный раб, опять, гремя цепями,
Не зная сам куда, побрел бы за тобой...

Но нет, ты не войдешь. Из мрака ледяного
В меня не брызнет свет от взора твоего,
И звуки голоса, когда-то дорогого,
Не вырвут, не спасут, не скажут ничего.

Однако я вдался в лиризм... Некстати!
Смешно элегию писать перед концом...
А впрочем, я пишу не для печати,
И лучше кончить дни стихом,
Чем жизни подводить печальные итоги...
Да, если б вспомнил я обид бесцельных ряд
И тайной клеветы всегда могучий яд,
Все дни, прожитые в мучительной тревоге,
Все ночи, проведенные в слезах,
Всё то, чем я обязан людям-братьям, —
Я разразился бы на жизнь таким проклятьем,
Что содрогнуться б мог создатель в небесах!
Но я не так воспитан; уваженье
Привык иметь к предметам я святым
И, не ропща на провиденье,
Почтительно склоняюся пред ним.

В какую рубрику меня вы поместите?
Кто виноват? Любовь, наука или сплин?
Но если б не нашли разумных вы причин,
То всё же моего поступка не сочтите
За легкомысленный порыв.
Я даже помню день, когда, весь мир забыв,
Читал и жег я строки дорогие
И мысль покончить жизнь явилась мне впервые.
Тогда во мне самом всё было сожжено,

Разбито, попрано... И, смутная сначала,
Та мысль в больное сердце, как зерно
На почву благодарную, упала.
Она таилася на самом дне души,
Под грудой тлеющего пепла;
Среди тяжелых дум она в ночной тиши
Сознательно сложилась и окрепла...
О, посмотрите же кругом!
Не я один ищу спасения в покое, —
В эпоху общего унынья мы живем.
Какое-то поветрие больное —
Зараза нравственной чумы —
Над нами носится, и ловит, и тревожит
Порабощенные умы.
И в этой самой комнате, быть может,
Такие же, как я, изгнанники земли
Последние часы раздумья провели.
Их лица бледные, дрожа от смертной муки,
Мелькают предо мной в зловещей тишине,
Окровавленные, блуждающие руки
Они из недр земли протягивают мне...
Они преступники. Они без позволенья
Ушли в безвестный путь из пристани земной...
Но обвинять ли их? Винить ли жизни строй,
Бессмысленный и злой, не знающий прощенья?
Как опытный и сведущий юрист,
Все степени вины обсудите вы здраво.
Вот застрелился гимназист,
Не выдержав экзамена... Он, право,
Не меньше виноват. С платформы под вагон
Прыгнул седой банкир, сыгравший неудачно;
Повесился бедняк затем, что жил невзрачно,
Что жизни благами не пользовался он...
О, эти блага жизни... С наслажденьем
Я б отдал их за жизнь лишений и труда...
Но только б мне забыть прожитые года,
Но только бы я мог смотреть не с отвращеньем,
А с теплой верой детских дней
На лица злобные людей.

Не думайте, чтоб я, судя их строго,
Себя считал умней и лучше много,

Чтоб я несчастный мой конец
Другим хотел поставить в образец.
Я не ряжуся в мантию героя,
И верьте, что мучительно весь век
Я презирал себя. Что я такое?
Я просто жалкий, слабый человек
И, может быть, слегка больной — душевно.
Вам это лучше знать. Вы часто, ежедневно
Субъектов видите таких;
Сравните, что у вас написано о них,
И, к сведенью приняв науки указанья,
Постановите приговор.
Прощайте же, любезный прокурор...
Жаль, не могу сказать вам: до свиданья».

Письмо окончено, и выпита до дна
Бутылка скверного вина.
Я отворил окно. На улицы пустые
Громадой черною смотрели облака.
Осенний ветер дул, и капли дождевые
Лениво падали, как слезы старика.
Потухли фонари. Казалось, поневоле
Веселый город наш в холодной мгле уснул
И замер вдалеке последних дрожек гул.
Так час прошел, иль два, а может быть и боле...
Не знаю. Вдруг в безмолвии ночном
Отчетливо, протяжно и тоскливо
Раздался дальний свист локомотива...
О, этот звук давно уж мне знаком!
В часы бессонницы до бешенства, до злости,
Бывало, он терзал меня,
Напоминая близость дня...
Кто с этим поездом к нам едет? Что за гости?
Рабочие, конечно, бедный люд...
Из дальних деревень они сюда везут
Здоровье, бодрость, силы молодые,
И всё оставят здесь...
Поля мои родные!
И я, увы! не в добрый час
Для призраков пустых когда-то бросил вас.
Мне кажется, что там, в далеком старом доме,

Я мог бы жить еще...
Июльский день затих.
Избавившись от всех трудов дневных,
Я вышел в радостной истоме
На покривившийся балкон.
Перед балконом старый клен
Раскинул ветви, ярко зеленея,
И пышных лип широкая аллея
Ведет в заглохший сад. В вечерней тишине
Не шелохнется лист, цветы блестят росою,
И запах сена с песней удалою
Из-за реки доносятся ко мне.
Вот легкий шум шагов. Вдали, платком махая,
Идет ко мне жена... О нет, не та — другая:
Простая, кроткая, и дети жмутся к ней...
Детей побольше, маленьких детей!
За липы спрятался последний луч заката,
Тепла немая ночь. Вот ужин, а потом
Беседа тихая, Бетховена соната,
Прогулка пó саду вдвоем,
И крепкий сон до нового рассвета...
И так, вдали от суетного света,
Летели б дни и годы без числа...
О, боже мой! Стучат... Ужели ночь прошла?
Да, тусклый, мокрый день сурово
Глядит в окно. Что ж, разве отворить?
Попробовать еще по-новому пожить?
Нет, тяжело! Увидеть снова
Толпу противных лиц со злобою в глазах.
И уши длинные на плоских головах,
И этот наглый взгляд, предательский и лживый...
Услышать снова хор фальшивый
Тупых, затверженных речей...
Нет, ни за что! Опять стучат... Скорей!
Пусть мой последний стих, как я, бобыль ненужный,
Останется без рифмы...

Октябрь 1888

К. Д. НИЛОВУ

Ты нас покидаешь, пловец беспокойный,
Для дальней Камчатки, для Африки знойной...

Но нашему ты не завидуй покою:
Увы! над несчастной, померкшей страною

Склонилось так много тревоги и горя,
Что верная пристань — в бушующем море!

Там волны и звезды, — вверяйся их власти...
Здесь бури страшнее: здесь люди и страсти.

1880-е годы

* * *

О, не сердись за то, что в час тревожной муки
Проклятья, жалобы лепечет мой язык:
То жизнью прошлою навеянные звуки,
То сдавленной души неудержимый крик.

Ты слушаешь меня — и стынет злое горе,
Ты тихо скажешь: «Верь» — и верю я, любя...
Вся жизнь моя в твоем глубоком, кротком взоре,
Я всё могу проклясть, но только не тебя.

Дрожат листы берез от холода ночного...
Но им ли сетовать на яркий солнца луч,
Когда, рассеяв тьму, он с неба голубого
Теплом их обольет, прекрасен и могуч?

1880-е годы

* *

«Прощай!» — твержу тебе с невольными слезами,
Ты говоришь: разлука недолга...
Но видишь ли: ручей пробился между нами,
Поток сердит и круты берега.

Прощай. Мой путь уныл. Кругом нависли тучи.
Ручей уже растет и речкой побежит.
Чем дальше я пойду, тем берег будет круче,
И скоро голос мой к тебе не долетит.

Тогда забуду ль я о днях, когда-то милых,
Забуду ль всё, что, верно, помнишь ты,
Иль с горечью пойму, что я забыть не в силах,
И в бездну брошусь с высоты?

1880-е годы

СУМАСШЕДШИЙ

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно,
Но это всё равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю.
Как вам моя понравилась столица?
Вы из далеких стран? А впрочем, ваши лица
Напоминают мне знакомые черты,
Как будто я встречал, имен еще не зная,
Вас где-то, там, давно...
Ах, Маша, это ты?
О милая моя, родная, дорогая!
Ну, обними меня, как счастлив я, как рад!
И Коля... здравствуй, милый брат!
Вы не поверите, как хорошо мне с вами,
Как мне легко теперь! Но что с тобой, Мари?
Как ты осунулась... страдаешь всё глазами?
Садись ко мне поближе, говори,
Что наша Оля? Всё растет? Здорова?
О, господи! Что дал бы я, чтоб снова
Расцеловать ее, прижать к моей груди...
Ты приведешь ее?.. Нет, нет, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнает,
Как, помнишь, было раз... А ты теперь о чем
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцом

Я стал совсем, и доктор уверяет,
Что это легкий рецидив,
Что скоро всё пройдет, что нужно лишь терпенье...
О да, я терпелив, я очень терпелив,
Но всё-таки... за что? В чем наше преступленье?..
Что дед мой болен был, что болен был отец,
Что этим призраком меня пугали с детства, —
Так что ж из этого? Я мог же, наконец,
Не получить проклятого наследства!..
Так много лет прошло, и жили мы с тобой
Так дружно, хорошо, и всё нам улыбалось...
Как это началось? Да, летом, в сильный зной,
Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...

. .

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их сбирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, — кричит, — василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут всё выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?

Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

Однако что же вы сидите предо мной?
Как смеете смотреть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но всё же я король, и я расправлюсь с вами!
Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме!
Для этого меня безумным вы признали...
Так я вам докажу, что я в своем уме:
Ты мне жена, а ты — ты брат ее... Что, взяли?
Я справедлив, но строг. Ты будешь казнена.
Что, не понравилось? Бледнеешь от боязни?
Что делать, милая, недаром вся страна
Давно уж требует твоей позорной казни!
Но, впрочем, может быть, смягчу я приговор
И благости пример подам родному краю.
Я не за казни, нет, все эти казни — вздор.
Я взвешу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди, кто-нибудь!
Гони их в шею всех, мне надо
Быть одному... Вперед же не забудь:
Сюда никто не входит без доклада.

<1890>

НА БАЛЕ

Ум, красота, благородное сердце и сила, —
Всю свою щедрость судьба на него расточила.

Но отчего же в толпе он глядит так угрюмо?
В светлых очах его спряталась черная дума.

Мог бы расправить орел свои юные крылья,
Счастье, успехи пришли бы к нему без усилья,

Но у колонны один он стоит недвижимо.
Блеск, суета — всё бесследно проносится мимо.

Раннее горе коснулось души его чуткой...
И позабыть невозможно, и вспомнить так жутко!

Годы прошли, но под гнетом былого виденья
Блекнут пред ним мимолетные жизни явленья...

Пусть позолотой мишурною свет его манит,
Жизни, как людям, он верить не хочет, не станет!

1 ноября 1892

* * *

Опять пишу тебе, но этих горьких строк
Читать не будешь ты... Нас жизненный поток
Навеки разлучил. Чужие мы отныне,
И скорбный голос мой теряется в пустыне.
Но я тебе пишу затем, что я привык
Всё поверять тебе, что шепчет мой язык
Без цели, нехотя, твои былые речи,
Что я считаю жизнь от нашей первой встречи,
Что милый образ твой мне каждый день милей,
Что нет покоя мне без бурь минувших дней,
Что муки ревности и ссор безумных муки
Мне счастьем кажутся пред ужасом разлуки.

1892

* * *

Всё, чем я жил, в чем ждал отрады,
Слова развеяли твои...
Так снег последний без пощады
Уносят вешние ручьи...

И целый день, с насмешкой злою,
Другие речи заглушив,
Они носились надо мною,
Как неотвязчивый мотив.

Один я. Длится ночь немая.
Покоя нет душе моей...
О, как томит меня, пугая,
Холодный мрак грядущих дней!
Ты не согреешь этот холод,
Ты не осве́тишь эту тьму...
Твои слова, как тяжкий молот,
Стучат по сердцу моему.

1892

* * *

Перед судом толпы коварной и кичливой
С поникшей головой меня увидишь ты
И суетных похвал услышишь лепет лживый,
Пропитанный враждой и ядом клеветы.
Но твой безмолвный взор, доверчивый и милый,
На помощь мне придет с участием живым...

Так гибнущий пловец, уже теряя силы,
Всё смотрит на маяк, горящий перед ним.
Свети же, мой маяк! Пусть буря, завывая,
Качает бедный челн, пусть высится волна,
Пускай вокруг меня и мрак, и ночь глухая...
Ты светишь, мой маяк, — мне гибель не страшна!

1893

* * *

Вот тебе старые песни поэта —
Я их слагал в молодые года,
Долго таил от бездушного света,
И, не найдя в нем живого ответа,
Смолкли они навсегда.

Зреет в душе моей песня иная...
Как ни гони ее, как ни таи, —
Песня та вырвется, громко рыдая,
Стоном безумной любви заглушая
    Старые песни мои.

1893 (?)

ОРФЕЙ И ПАЯЦ

Слушать предсмертные песни Орфея друзья собралися.
Нагло бранясь и крича, вдруг показался паяц.
Тотчас же шумной толпой убежали друзья за паяцем...
Грустно на камне один песню окончил Орфей.

К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Во тьме исчезнувших веков,
В борьбе с безжалостной природой
Ты родилась под звук оков
И в мир повеяла свободой.
Ты людям счастье в дар несла,
Забвенье рабства и печали, —
Богини светлого чела
В тебе безумцы не признали.
Ты им внушала только страх,
Твои советы их томили;
Тебя сжигали на кострах,
Тебя на плаху волочили, —
Но голос твой звучал, как медь,
Из мрака тюрьм, из груды пепла...
Ты не хотела умереть,
Ты в истязаниях окрепла!
Прошли века; устав в борьбе,
Тебя кляня и ненавидя,
Враги воздвигли храм тебе,
Твое могущество увидя!

Страдал ли человек с тех пор,
Иль кровь лилася по-пустому,
Тебе всё ставили в укор,
Хоть ты учила их другому!
Ты дожила до наших дней...
Но так ли надо жить богине?
В когтях невежд и палачей
Ты изнываешь и доныне.
Твои неверные жрецы
Тебя бесчестят всенародно,
Со злом бессильные бойцы
Друг с другом борются бесплодно.
Останови же их! Пора
Им протянуть друг другу руки
Во имя чести и добра,
Во имя света и науки...
Но всё напрасно! Голос твой
Уже не слышен в общем гаме,
И гул от брани площадной
Один звучит в пустынном храме,
И так же тупо, как и встарь,
Отжившим вторя поколеньям,
На твой поруганный алтарь
Глядит толпа с недоуменьем.

* * *

Ты говоришь: моя душа — загадка,
Моей тоски причина не ясна;
Ко мне нежданно, словно лихорадка,
По временам является она.

Загадки нет. И счастье, и страданье,
И ночь, и день — всё, всё тобой полно,
И без тебя мое существованье
Мне кажется бесцветно и смешно.

Когда тебе грозит болезнь иль горе,
Когда укор безжалостный и злой
Читаю я в твоем холодном взоре, —
Я падаю смущенною душой.

Но скажешь ты мне ласковое слово —
И горе всё куда-то унесло...
Ты — грозный бич, карающий сурово,
Ты — светлый луч, ласкающий тепло.

* * *

К ней в пустую гостиную голубь влетел
Темно-сизый, махая крылами.
Уже близилась осень, и лес пожелтел
За пустыми, нагими полями.

И казалось, что в день этот, темный, сырой,
Гость нежданный явился с приветом,
Что пахнуло опять позабытой весной
И горячим исчезнувшим летом.

Шумно жить без любви ей досталось в удел.
Сердце пусто, дом полон гостями...
Но в заснувшую душу к ней голубь влетел
Темно-сизый, махая крылами.

Озарится ль в душе то, что было темно,
От нежданного яркого света,
Или вылетит голубь, тоскуя, в окно,
На призыв не дождавшись ответа?

* * *

Когда, в объятиях продажных замирая,
Потушишь ты огонь, пылающий в крови, —
Как устыдишься ты невольных слов любви,
Что ночь тебе подсказывала злая!
И целый день потом ты бродишь сам не свой,
Тебя гнетет воспоминанье это,
И жизнь, как день осенний без просвета,
Такою кажется бесцветной и пустой!
Но верь мне: близок час! Неслышными шагами,

Не званная, любовь войдет в твой тихий дом,
Наполнит дни твои блаженством и слезами
И сделает тебя героем и... рабом.
Тебя не устрашат ни гнет судьбы суровой,
Ни цепи тяжкие, ни пошлый суд людей...
И ты отдашь всю жизнь за ласковое слово,
За милый, добрый взгляд задумчивых очей!

БЕССОННИЦА

Проходят часы за часами
Несносной, враждебной толпой...
На помощь с тоской и слезами
Зову я твой образ родной!

Я всё, что в душе накипело,
Забуду, — но только взгляни
Доверчиво, ясно и смело,
Как прежде, в счастливые дни!

Твой образ глядит из тумана;
Увы! заслонен он другим —
Тем демоном лжи и обмана,
Мучителем старым моим!

Проходят часы за часами...
Тускнеет и гаснет твой взор,
Шипит и растет между нами
Обидный, безумный раздор...

Вот утра лучи шевельнулись...
Я в том же тупом забытьи...
Совсем от меня отвернулись
Потухшие очи твои.

ПЕРО

Несясь дорогою большою,
Перо гусиное в сторонке вижу я,
И вот уж странною мечтою
Душа наполнилась моя.
Скажи, давно ли гусь тобою любовался,
Увидя образ свой в серебряных волнах,
Или когда пред самкой красовался
И чувства выражал ей в пламенных словах?
Потом, когда на кухню гусь попался
И повар там его искусно общипал,
На чью ты долю, друг, достался,
И кто тебя дорогой потерял?
Помещик ли тобой свои расходы
В тетрадку ветхую писал
И вечерком, любуяся природой,
В зубах тобою ковырял?
А может быть, помещик, светских правил,
Сам погружен в важнейшие дела,
Приказчику именье предоставил:
Скажи, всегда ль рука его лгала?
Чиновник ли в порыве вдохновенья
По десяти листов тобою в день марал
И в сладкий миг отдохновенья
Тебя в зубах с достоинством держал?
Но если же плешивая Фемида
Уж до советника дошла,

Ты отдыхал, мой друг: больная Немезида
Тебя только для подписи брала.
В руках Фиглярина ль в сей пасмурной юдоли
Ты лавочку в Гороховой хвалил
И под ярмом хозяйской воли,
Как меч Суворова, ты Гоголя разил?
Твой хвост откушен, друг: как рифм найти не зная,
Писака ли тебя с досадою изгрыз,
Иль крыса белая, под старость отдыхая,
Не кинула ль тебя на долю черных крыс?
Иль, может быть, душевные беседы
Поэт векам передавал тобой:
Отечества ли пел он громкие победы
Иль подличал пред старшими порой;
Элегии ль унылые напевы,
Или сонета звук, иль нежный мадригал
Любви прелестной юной девы,
Как дар великий, посвящал;
Иль с чудною могущественной лирой
Он за века минувшие летал;
Или карал людей он едкою сатирой
И колкой эпиграммой обличал?..
И, может быть, людьми гонимый
За обличенье их страстей,
И в самом бедствии ничем не победимый,
Он бросил здесь тебя с проклятьем на людей.

26 июля 1854

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЯНИНА

Дайте мне наряд суровый,
Дайте му́рмолку мою,
Пред скамьею стол дубовый,
Деревянную скамью.
Дайте с луком буженины,
Псов ужасных на цепях
Да лубочные картины
На некрашеных стенах.

Дайте мне большую полку
Всевозможных древних книг,
Голубую одноколку,
Челядинцев верховых.
Пусть увижу в доме новом
Золотую старину
Да в кокошнике парчовом
Белобрысую жену.

Чтоб подруга дорогая
Всё сидела бы одна,
Полотенце вышивая
У закрытого окна,
А на пир с лицом смиренным
Выходила бы она
И огромный кубок с пенным
Выпивала бы до дна...

5 июля 1855

ГЕНИЙ ПОЭТА

П. И. Ч<айковско>му

Чудный гений! В тьму пучин
Бросил стих свой исполин...
Шею вывернув Пегасу,
Музу вздевши на аркан,
В тропы лбом, пятой к Парнасу,
Мощный скачет великан.

14 ноября 1855

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Денек веселый! С давних пор
Обычай есть патриархальный
У нас: и лгать, и всякий вздор
Сегодня всем пороть нахально,
Хоть ложь-то, впрочем, привилась
Так хорошо к нам в самом деле,

Что каждый день в году у нас
Отчасти — первое апреля.

Но вот N.N., приятель мой,
Он вечно лжет и мрачен вечно;
Не мудрено: его порой
Бранят за то... Теперь беспечно
Смеется, шутит... Как понять?
А! понимаю: пустомеля
Всем безопасно может врать:
Сегодня первое апреля.

Приносят мне письмо. Его
Я чуть не рву от нетерпенья.
Оно от друга моего.
Однако что за удивленье!
В нем столько чувства, даже честь
Во всем: и в мыслях и на деле.
Смотрю на надпись: так и есть!
Читаю: первое апреля.

— Откуда вы, друзья мои?
Чайковский? — «Я сидел у Лего».
— А ты, Селецкий? — «У Морни...»
— А Эртель? — «У Кобылы пегой...»
— А Каратаев? — «Дома был...»
— А Галкин? — «Прямо от Бореля...»
— Как, что за чушь? Ах, я забыл,
Ведь нынче первое апреля.

Знакомых встретите... на вас
Все смотрят с подозреньем тоже.
«Скажите мне, который час?» —
Вдруг спросят как-то злей и строже.
— Такой-то. — «Ах, неправда, нет:
Вы с нами пошутить хотели...»
Что ж, нынче шутит целый свет:
Сегодня первое апреля.

А я теперь, наоборот,
Способен даже больше верить:

Сегодня всякий, правда, лжет,
Зато не нужно лицемерить...
Сегодня можно говорить
Всю правду, метко в друга целя,
Потом всё в шутку обратить:
«Сегодня первое апреля».

Сегодня мне скажите вы,
Что не берут в России взяток,
Что город есть скверней Москвы,
Что в «Пчелке» мало опечаток,
Что в свете мало дураков...
Вполне достигнете вы цели,
Всему поверить я готов:
Сегодня первое апреля.

5 апреля 1857

П. ЧАЙКОВСКОМУ

Послание

Нет, над письмом твоим напрасно я сижу,
Тебя напрасно проклинаю,
Увы! там адреса нигде не нахожу,
Куда писать тебе, не знаю.
Не посылать же мне «чрез Феба на Парнас»...
Во-первых, имени такого,
Как Феб иль Аполлон, и в святцах нет у нас
(Нельзя ж святым считать Попова),
А во-вторых, Парнас высок, и на него
Кривые ноги почтальона
Пути не обретут, как не обрел его
Наш критик Пухты и Платона...
Что делать? Не пишу. А много б твой «поэт»
Порассказал тебе невольно:
Как потерял он вдруг и деньги и билет,
Попавши в град первопрестольный;
Как из Москвы, трясясь, в телеге он скакал
С певцом любви, певцом Украйны,
Как сей певец ему секретно поверял
Давно известные всем тайны.

Как он, измученный, боялся каждый миг
Внезапной смерти от удара,
Как, наконец, пешком торжественно достиг
Полей роскошных Павлодара;
Как он ничем еще не занялся пока
И в мирной лени — слава богу! —
Энциклопедию, стихи обоих «К» —
Всё забывает понемногу;
Но как друзей своих, наперекор судьбе,
Он помнит вечно, и тоскует,
За макаронами мечтает о тебе,
А за «безе» тебя целует,
Как, разорвав вчера тетрадь стихов своих,
Он крикнул, точно Дон-Диего:
Спаси его, господь, от пакостей таких,
Как ты спасал его от Лего!

. . . .

5 июля 1857

ПАРОДИЯ

Боже, в каком я теперь упоении
С «Вестником Русским» в руках!
Что за прелестные стихотворения,
Ах!

Там Данилевский и А. П. таинственный,
Майков — наш флюгер-поэт,
Лучше же всех несравненный, единственный —
Фет.

Много бессмыслиц прочтешь патетических,
Множество фраз посреди,
Много и рифм, а картин поэтических
Жди!

18 февраля 1858

РУССКОЙ ГЕТЕРЕ

В изящной Греции гетеры молодые
С толпою мудрецов сидели до зари,
Гипотезы судили мировые
И розами венчали алтари...
Тот век давно прошел... К богам исчезла вера,
Чудесный мир забыт... И ты, моя гетера,
Твой нрав веселый не таков:
К лицу тебе твоя пастушеская шляпа,
И изо всех языческих богов
Ты любишь — одного Приапа.

18 января 1859

ОЖИДАНИЕ

(Подражание Ламартину)

В час тихий вечера, над озером зеркальным,
Я ждал, уединясь в раздумии печальном,
И долго я смотрел при шелесте древес
На ясную лазурь темнеющих небес.
Кругом передо мной широкий дол тянулся;
Так тихо было всё, что лист не шевельнулся;
Носился ветерок над спящею водой,
И небо чистое висело надо мной.
Я ждал, я ждал, я ждал — никто не появлялся,
Один лишь голос мой пустынно раздавался,
И дума грустная запала в ум тогда:
Зачем и для чего я приходил сюда?
Никто не назначал мне тайного свиданья,
Ждать было некого... К чему же ожиданье?
. . . .
Я в мире одинок, и мне волнует кровь
Раздумье тихое скорее, чем любовь.
Но всё-таки я ждал... Я ждал, чтоб ночь глухая
На землю спала бы, кругом благоухая,
Чтоб опрокинулся весь этот свод небес
В пучину озера, при шелесте древес.
Потом, припомнив все печали и утраты,

Я тихо арию пропел из «Травиаты»
И шагом медленным понес к себе домой
Измученную грудь, убитую тоской...

. .

<1860>

ВЕЛИКОСВЕТСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В АЛЬБОМ

Е. Е. А.

Вчера на чудном, светлом бале,
От вальса быстрого устав,
Вы, невзначай и задрожав,
Свою перчатку разорвали.
И я подумал: «О, мой бог!..
(А на душе так было сладко)
Я был бы счастлив, если б мог
Быть той разорванной перчаткой!»

КАРОЛИНЕ КАРЛОВНЕ ПАВЛОВОЙ

По прочтении ее поэмы «Кадриль»

Я прочитал, я прочитал,
Я перечитывал три раза
И наизусть припоминал
Страницы вашего рассказа.
Какие рифмы, что за стиль!
Восторга слез я лил немало,
И сердце страстно танцевало
Под ваш пленительный кадриль.
Теперь в душе одно желанье:
О, если б где-нибудь в собраньи
Или на бале встретить вас,
Всю окруженную цветами, —
И провести в беседе с вами
Хотя один ничтожный час;
О ходе русского прогресса

Тираду длинную сказать...
О Пушкине потолковать...
И после... с вами, поэтесса,
Одну кадриль протанцевать!

1860

ЭЛЕГИЯ

Посвящается г. О. Дютшу,
автору оперы «Кроатка, или Соперница»

Я видел, видел их... Исполненный вниманья,
Я слушал юношей, и жен, и стариков,
А вкруг меня неслись свистки, рукоплесканья
И гул несвязных голосов.
Но что ж! Ни Лазарев, то яростный, то нежный,
Ни даже пламенный Серов
Не вызвали б моей элегии мятежной
И гармонических стихов.
Я молча бы прошел пред их гремящей славой...
Но в утро то мой юный ум
Пленял иной художник величавый,
Иной властитель наших дум.
То был великий Дютш, по музыке приятной
Всем гениям возвышенный собрат;
Происхождением — германец, вероятно,
Душою — истинный кроат.
Но боже, боже мой! как шатко всё земное!
Как гений глубоко способен упадать!
Он позабыл сердец сочувствие святое,
Он Лазарева стал лукаво порицать.
И вдруг — от ужаса перо мое немеет! —
Маэстро закричал, взглянувши на него:
«„Соперница" твоя соперниц не имеет,
Уж хуже нету ничего!»
Смутился Дютш. Смутилося собранье,
Услышав эти словеса,
И громче прежнего неслись рукоплесканья
И завывали голоса.

Между декабрем 1860 и апрелем 1861

КРАСНОМУ ЯБЛОЧКУ ЧЕРВОТОЧИНКА НЕ В УКОР

Пословица в одном действии, в стихах

Подражание великосветским комедиям-пословицам русского театра

Граф, 30 л.
Графиня, 20 л.
Князь, 22 л.
Слуга, 40 л.

Театр представляет богато убранную гостиную.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня
(одна)

Как скучно быть одной...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и слуга (входя).

Слуга

К вам князь.

Графиня

Проси скорее...

ЯВЛЕНИЕ 3

Князь, за ним слуга.

Князь

Войти ли мне, иль нет, пленительная фея?
Мне сердце всё твердит: любовь в ее груди,
А опыт говорит: уйди, уйди, уйди!

Слуга уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Графиня и князь.

Графиня

Я не ждала вас, князь...

Князь

А я... я жду ответа!
Для вас я пренебрег родными, мненьем света,
Свободой, деньгами, кредитом у Дюссо...
Для вас, для вас одной я, словом, бросил всё...
Я думаю, всегда для дамы это лестно...

Графиня

Вы попрекаете, и очень неуместно.

Князь

Я попрекаю, я? Пусть вас накажет бог!
Подумать даже я подобного не мог.
Но слушайте: когда с небес ударят грозы
И землю обольют живительным дождем,
Земля с отчаяньем глотает эти слезы,
И стонет, и дрожит в безмолвии немом.
Но вот умчался гром, и солнце уж над нами
Сияет весело весенними лучами,
Всё радуется здесь, красуется, цветет,
А дождь, вина всему, уж больше не идет!
Мне часто в голову приходит то сравненье:
Любовь есть солнце, да! Она наш верный вождь;
Я — вся земля, я — всё цветущее творенье,
А вы — вы дождь!
К чему же поведет бесплодная гордыня?
Вот что я нынче вам хотел сказать, графиня.

Графиня

Я долго слушала вас, вовсе не сердясь...
Теперь уж ваш черед меня послушать, князь.

Князь

Я превращаюсь в слух... Клянуся Аполлоном,
Я рад бы сделаться на этот миг шпионом.

Графиня

(небрежно)

И выгодно б для вас остаться им, я чай?

(Переменив тон и становясь в позу.)

Случалось ли когда вам, просто, невзначай,
Остановить на том досужее вниманье:
Какое женщине дается воспитанье?
С пеленок связана, не понята никем,
Она доверчиво в мужчинах зрит эдем,
Когда ж приблизится коварный искуситель,
Ей прямо говорит: «Подальше не хотите ль»,
И, всеми брошена, палимая стыдом,
Она прощает всё и молится о нем...
Теперь скажите мне по совести признанье:
Какое женщине дается воспитанье?

Князь

Графиня, вы меня заставили краснеть...
Ну, можно ль лучше вас на вещи все смотреть?
На память мне пришел один куплет французской,
Импровизация княгини Чернопузской...

Графиня

Импровизация тогда лишь хороша,
Когда в ней есть и ум, и чувство, и душа.

Князь

А кстати, где ваш муж?

Графиня

Он в клубе.

Князь

Неужели?

(Целуя руку ей.)

И он оставил вас для этой мелкой цели?

(Становясь на колени.)

Он вас покинул, вас? Ваш муж, ей-богу, глуп!

ЯВЛЕНИЕ 5

Граф
(показываясь в дверях)

Я здесь, я слышал всё, я не поехал в клуб!

Князь
(в сторону)

Некстати же я стал пред нею на колени!

Графиня
(в сторону)

Предвижу много я кровавых объяснений!

Граф
(язвительно)

Достойный ловелас! Извольте выйти вон!

Князь
(спокойно)

Мое почтенье, граф! Графине мой поклон!
(Изящно кланяется и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Графиня и граф.

Граф

Ну что, довольны вы моей судьбой печальной?
По счастью, я для вас не изверг театральный:
Не стану проклинать, не стану убивать,
А просто вам скажу, что мне на вас плевать!
Не стану выставлять я ваших черных пятен,
И дым отечества мне сладок и приятен,
Но прыгать я готов на сажень от земли,
Когда подумаю, кого вы предпочли...

Графиня

Подумайте ж и вы — скажу вам в оправданье —
Какое женщине дается воспитанье?
С пеленок связана...

Граф

(подсказывая с иронией)

Не понята никем...

Графиня

(не понимая иронии)

Она доверчиво в мужчинах зрит эдем...

Граф

Довольно! Это я давно на память знаю
И «Сын отечества» читать предпочитаю!

(Иронически кланяется и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Графиня

(одна)

Как скучно быть одной...

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Слуга

(входя на цыпочках)

Да, погляжу в окно:
Лизету милую к себе я жду давно...
Однако надо мне подумать в ожиданьи:
Какое женщине дается воспитанье?

Задумывается. Занавес медленно опускается. Картина.

<1862>

К ПОРТРЕТУ И. В. ВЕРНАДСКОГО

Приличней похвалы ему нельзя сказать:
Мать дочери велит статьи его читать.

<1862>

К ПОРТРЕТУ А. Н. СЕРОВА

О музыке судя лет сорок вкось и вкривь,
Над Ростиславом он отпраздновал победу.
Сначала выпустил Юдифь,
Потом — Рогнеду.

Из музыканта он вдруг педагогом стал,
Но в педагогии покрылся вечным срамом.
Плохое воспитанье дал
Он этим дамам:

Одна Владимира хотела уморить,
Другая пьяного прельстила Олоферна,
И обе так привыкли выть,
Что даже скверно.

24 августа 1869

СОВЕТ МОЛОДОМУ КОМПОЗИТОРУ

По поводу оперы Серова «Не так живи, как хочется»

Чтоб в музыке упрочиться,
О юный неофит,
Не так пиши, как хочется,
А как Серов велит!

29 ноября 1869

* * *

Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлéтами, Лирами, Кентами,
Над царями и над президентами,
Над морями и над континентами,
Не якшайтеся там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами.
А как кончите курс эминентами
И на службу пойдете с патентами —
Не глядите на службе доцентами
И не брезгайте, дети, презентами!

Окружайте себя контрагентами,
Говорите всегда комплиментами,
У начальников будьте клиентами,
Утешайте их жен инструментами,
Угощайте старух пепермснтами —
Воздадут вам за это с процентами:
Обошьют вам мундир позументами,
Грудь украсят звезда́ми и лентами!..
А когда доктора с орнаме́нтами
Назовут вас, увы, пациентами
И уморят вас медикаментами...
Отпоет архиерей вас с регентами,
Хоронить понесут с ассистентами,
Обеспечат детей ваших рентами
(Чтоб им в опере быть абонентами)
И прикроют ваш прах монументами.

1860-е годы

ЯПОНСКИЙ РОМАНС

Наша мать Япония,
Словно Македония
Древняя, цветет.
Мужеством, смирением
И долготерпением
Славен наш народ.

В целой Средней Азии
Славятся Аспазии
Нашей стороны...
В Индии и далее,
Даже и в Австралии
Всеми почтены.

Где большой рукав реки
Нила — гордость Африки, —
Наш гремит талант.
И его в Америке
Часто до истерики
Прославляет Грант,

А Европа бедная
Пьет, от страха бледная,
Наш же желтый чай.
Даже мандаринами,
Будто апельсинами,
Лакомится, чай.

Наша мать Япония,
Словно Македония
Древняя, цветет.
Воинство несметное,
С виду незаметное,
Край наш стережет.

До Торжка и Старицы
Славны наши старицы —
Жизнию святой,
Жены — сладострастием,
Вдовы — беспристрастием,
Девы — красотой.

Но не вечно счастие —
В светлый миг ненастия
Надо ожидать:
Весть пришла ужасная,
И страна несчастная
Мается опять.

Дремлющие воины
Вновь обеспокоены,
Морщатся от дел:
Все пришли в смятение,
Всех без исключения
Ужас одолел:

Всё добро микадино
В сундуки укладено,
И микадо сам
К идолам из олова
Гнет покорно голову,
Курит фимиам.

Что ж все так смутилися,
Переполошилися
В нашей стороне?
— Генерала Сколкова,
Капитана Волкова...
Ждут в Сахалине.

1860-е годы

В. А. ВИЛЛАМОВУ

Ответ на послание

Напрасно дружеским обухом
Меня ты думаешь поднять...
Ну, можно ли с подобным брюхом
Стихи без устали писать?
Мне жить приятней неизвестным,
Я свой покой ценю как рай...
Не называй меня небесным
И у земли не отнимай!

Апрель 1870

В. А. ЖЕДРИНСКОМУ

С тобой размеры изучая,
Я думал, каждому из нас
Судьба назначена иная:
Ты ярко блещешь, я угас.

Твои за жизнь напрасны страхи;
Пускайся крепче и бодрей,
То развернись, как амфибрахий,
То вдруг сожмися, как хорей.

Мои же дни темны и тихи.
В своей застрявши скорлупе,
И я плетуся, как пиррихий,
К чужой примазавшись стопе.

1871

ПО ПОВОДУ НАЗНАЧЕНИЯ М. Н. ЛОНГИНОВА УПРАВЛЯЮЩИМ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Ниспослан некий вождь на пишущую братью,
Быв губернатором немного лет в Орле...
Актера я знавал... Он тоже был Варле...
Но управлять ему не довелось печатью.

1871

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ ПЕТРА ПЕРВОГО

Двести лет тому назад
Соизволил царь родиться...
Раз, приехавши в Карлсбад,
Вздумал шпруделя напиться.
Двадцать восемь кружек в ряд
В глотку царственную влились...
Вот как русские лечились
Двести лет тому назад.

Много натворив чудес,
Он процарствовал счастливо...
«Борода не curgemäss [1]», —
Раз решил за кружкой пива.
С треском бороды летят...
Пытки, казни... Все в смятеньи!..
Так вводилось просвещенье
Двести лет тому назад!

А сегодня в храм святой,
Незлопамятны, смиренны,
Валят русские толпой
И, коленопреклоненны,
Все в слезах, благодарят
Вседержителя благого,
Что послал царя такого
Двести лет тому назад.

30 мая 1872

---

[1] Не по-придворному (нем.). — *Ред.*

ЗЛОПАМЯТНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

Петр Первый не любил попов. Построив Питер,
Он патриарха сократил...
Чрез двести лет ему Кустодиев пресвитер
Своею речью всё отмстил.

30 мая 1872

МОЛИТВА БОЛЬНЫХ

От взора твоего пусть киснет шоколад,
Пусть меркнет день, пусть околеет пудель,
Мы молим об одном — не езди ты в Карлсбад,
Боимся убо мы, чтоб не иссякнул шпрудель.

Май или июнь 1872

* * *

«Жизнь пережить — не поле перейти!»
Да, правда: жизнь скучна и каждый день скучнее;
Но грустно до того сознания дойти,
Что поле перейти мне все-таки труднее!

1874

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Антракт. В театре тишина,
Ни вызовов, ни гула,
Вся зала в сон погружена,
И часть певцов заснула.
Вот я зачем спешил домой,
Покинув Рим счастливый!
На что тут годен голос мой:
Одни речитативы!
Но петь в отчизне долг велит...
О Шашина родная!
Какое сердце не дрожит,
Тебя воспоминая!

Хвала вам, чада новых лет,
Родной страны Орфеи,
Что мните через менуэт
Распространять идеи!
Кого я вижу? Это ты ль,
О муж великий, Стасов,
Постигший византийский стиль,
Знаток иконостасов?
Ты — музыкальный генерал,
Муж слова и совета,
Но сам отнюдь не сочинял...
Хвала тебе за это!

Ты, Ко́рсаков, в ведомостях
Прославленный маэстро,
Ты впрямь Садко: во всех садках
Начальник ты оркестра![1]
Ты, Мусоргский, посредством нот
Расскажешь всё на свете:
Как петли шьют, как гриб растет,
Как в детской плачут дети.
Ты Годунова доконал —
И поделом злодею!
Зачем младенца умерщвлял?
Винить тебя не смею!

Но кто сей Цезарь, сей Кюи?
Он стал фельетонистом,
Он мечет грозные статьи
На радость гимназистам.
Он, как Ратклиф, наводит страх,
Ничто ему Бетховен,
И даже престарелый Бах
Бывал пред ним виновен.
И к русским мало в нем любви:
О, сколько им побитых!
Зачем, Эдвардс, твой меч в крови
Сограждан знаменитых?

---

[1] Намек на то, что Корсаков был назначен начальником всех морских оркестров.

Ты, Афанасьев, молодец,
И Кашперов наш «грозный...»
И Фитингоф, Мазепы льстец, —
Вам дань хвалы серьезной!
О Сантис, ты попал впросак:
Здесь опера не чудо,
В страну, где действовал Ермак,
Тебе б уйти не худо!
О Бородин, тебя страна
Внесла в свои скрижали:
Недаром день Бородина
Мы тризной поминали!

О Рубинштеин! Ты подчас
Задать способен жару:
Боюсь, твой Демон сгубит нас,
Как уж сгубил Тамару!
Не голос будет наш страдать,
А больше поясница:[1]
Легко ль по воздуху летать?
Ведь баритон не птица!
Но ты века переживешь,
Враги твои — дубины;
Нам это доказал Ларош,
Создатель «Кармозины»!

И ты, Чайковский! Говорят,
Что оперу ты ставишь,
В которой вовсе невпопад
Нас в кузне петь заставишь!
Погибнет в ней певца талант,
Оглохнем мы от гула:
Добро б «кузнечик-музыкант»,
А то — «Кузнец Вакула»!
Не обездоль нас, Петр Ильич,
Ведь нас прогонят взашей:
Дохода нет у нас «опричь»
Того, что в глотке нашей!

---

[1] При постановке «Демона» говорили, что А. Г. Рубинштейн хотел, чтобы Демон всё время летал на воздухе.

Пока же, други, исполать
Воскликнем дружно снова,
И снова будем мирно спать
Под звуки «Годунова».
Один ты бодрствуешь за всех,
Наш капитан-исправник,
По темпу немец, родом чех,
Душою росс — Направник!
Подвластны все тебе, герой:
Контральто, бас, сопрано,
Смычок, рожок, труба, гобой.
Ура! Опоковано!

1875

ДИЛЕТАНТ

Была пора: что было честно,
Талантливо в родном краю,
Сходилось дружески и тесно
В литературную семью;
Назваться автором решался
Тогда не всякий спекулянт...
И как смешон для всех казался
Уединенный дилетант!

Потом пришла пора иная:
Россия встала ото сна,
Литература молодая
Ей оставалася верна:
Добру, отчизне, мыслям чистым
Служил писателя талант,
И перед смелым публицистом
Краснел ненужный дилетант!

Но всё непрочно в нашем веке...
С тех пор как в номере любом
Я мог прочесть о Льве Камбеке
И не прочесть о Льве Толстом,
Я перестал седлать Пегаса —
Милей мне скромный Россинант!

Что мне до русского Парнаса?
Я — неизвестный дилетант!

Я родился́ в семье дворянской
(Чем буду мучиться по гроб),
Моя фамилья не Вифанский,
Отец мой не был протопоп...
О хриях, жупеле и пекле
Не испишу я фолиант,
Меня под праздники не се́кли...
Что ж делать мне, я дилетант!

Я нахожу, и в том виновен,
Что Пушкин не был идиот,
Что выше сапогов Бетховен
И что искусство не умрет,
Чту имена (не знаю, кстати ль),
Как например Шекспир и Дант...
Ну, так какой же я писатель?
Я дилетант, я дилетант!..

На площадях перед народом
Я в пьяном виде не лежал,
Стрижом, лукошком, бутербродом
Своих противников не звал;
Болезнью, брюхом или носом
Их не корил, как пасквилянт,
И не входил о них с доносом...
Я дилетант, я дилетант!..

В грехе покаюся сугубом
(Хоть не легко сознаться в том):
Знаком я с графом Соллогубом
И с князем Вяземским знаком!..
Не подражая нравам скифов,
Белье меняю, хоть не франт...
Мне не родня Гиероглифов...
Я дилетант, я дилетант!..

Я не ищу похвал текущих
И не гонюсь за славой дня,

И Лонгинов веков грядущих
Пропустит, может быть, меня.
Зато и в списке негодяев
Не поместит меня педант:
Я не Булгарин, не Минаев...
Я, слава богу, дилетант!..

Начало 1870-х годов

ЭПИГРАММА

Тимашев мне — ni froid, ni chaud,[1]
Я в ум его не верю слепо:
Он, правда, *лепит* хорошо,
Но министерствует *нелепо.*

1870-е годы

К НАЗНАЧЕНИЮ В. К. ПЛЕВЕ

Знать, в господнем гневе
Суждено быть тако:
В Петербурге — Плеве,
А в Москве — Плевако!

Между 1881 и 1884

НАДПИСЬ НА СВОЕМ ПОРТРЕТЕ

Взглянув на этот отощавший профиль,
Ты можешь с гордостью сказать:
«Недаром я водил его гулять
И отнимал за завтраком картофель».

22 марта 1884

---

[1] Ни холодно ни жарко (франц.). — *Ред.*

ПОСЛАНИЕ

ГРАФУ А. Н. ГРАББЕ ВО ВРЕМЯ ЕГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ НА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ЯХТЕ „ТАМАРА“

Княжна Тамара, дочь Гудала,
Лишившись рано жениха,
Простой монахинею стала,
Но не спаслася от греха.
К ней по причине неизвестной
Явился демон — враг небес —
И пред грузинкою прелестной
Рассыпался как мелкий бес.
Она боролась, уступая,
И пала, выбившись из сил...
За это ангел двери рая
Пред ней любезно растворил.

Не такова твоя «Тамара»:
С запасом воли и труда
Она вокруг земного шара
Идет бесстрастна и горда;
Живет средь бурь, среди тумана
И, русской чести верный страж,
Несет чрез бездны океана
Свой симпатичный экипаж.
Британский демон злобой черной
Не нанесет ущерба ей
И речью льстивой и притворной
Не усыпит ее очей.
Ей рай отчизны часто снится,
И в этот рай — душой светла —
Она по праву возвратится
И непорочна, и цела.

12 декабря 1890

П. ЧАЙКОВСКОМУ

К отъезду музыканта-друга
Мой стих минорный тон берет,
И нашей старой дружбы фуга,
Всё развиваяся, растет...

Мы увертюру жизни бурной
Сыграли вместе до конца,
Грядущей славы марш бравурный
Нам рано волновал сердца;

В свои мы верили таланты,
Делились массой чувств, идей...
И был ты вроде доминанты
В аккордах юности моей.

Увы, та песня отзвучала,
Иным я звукам отдался,
Я детонировал немало
И с диссонансами сжился;

Давно без счастья и без дела
Дары небес я растерял,
Мне жизнь, как гамма, надоела,
И близок, близок мой финал...

Но ты — когда для жизни вечной
Меня зароют под землей, —
Ты в нотах памяти сердечной
Не ставь бекара предо мной.

1893 (?)

СТИХОТВОРЕНИЯ
1853—1858 годов

К РОДИНЕ

Далёко от тебя, о родина святая,
Уж целый год я жил в краях страны чужой
И часто о тебе грустил, воспоминая
Покой и счастие, минувшее с тобой.
И вот в стране зимы, болот, снегов глубоких,
Где, так же одинок, и я печалью жил,
Я сохранил в душе остаток чувств высоких,
К тебе всю прежнюю любовь я сохранил.
    Теперь опять увижусь я с тобою,
    В моей груди вновь запылает кровь,
        Я примирюсь с своей судьбою,
    И явится мне вдохновенье вновь!
    Уж близко, близко... Всё смотрю я вдаль,
    С волнением чего-то ожидаю
    И с каждою тропинкой вспоминаю
То радость смутную, то тихую печаль.
И вспоминаю я свои былые годы,
    Как мирно здесь и счастливо я жил,
Как улыбался я всем красотам природы
        И в дебрях с эхом говорил.
    Уж скоро, скоро... Лошади бегут,
    Ямщик летит, вполголос напевая,
        И через несколько минут
Увижу я тебя, о родина святая!

15 июня 1853

ЦВЕТОК

Река бежит, река шумит,
Гордясь волною серебристой,
И над волной, блестя красой,
    Плывет цветок душистый.
«Зачем, цветок, тебя увлек
    Поток волны красою?
Взгляни, уж мгла везде легла
    Над пышною рекою;
Вот и луна, осенена
    Таинственным мерцаньем,
Над бездной вод средь звезд плывет
    С трепещущим сияньем...
Прогонит день ночную тень,
    От сна воспрянут люди,
И станет мать детей ласкать
    У жаркой, сонной груди,
И божий мир, как счастья пир,
    Предстанет пред тобою...
А ты летишь и не томишь
    Себя кручиной злою,
Что, может быть, тебе уж жить
    Недолго остается
И что с волной цветок иной
    Беспечен понесется!»
Река шумит и быстро мчит
    Цветок наш за собою,
И, как во сне, припав к волне,
    Он плачет над волною.

29 июня 1854

ДВА ПОЭТА

Блажен, блажен поэт, который цепи света
На прелесть дум и чувств свободных не менял:
Ему высокое название поэта
Дарит толпа с венком восторженных похвал.
И золото бежит к избраннику фортуны
За гимн невежеству, порокам и страстям.

Но холодно звучат тогда поэта струны,
Над жертвою его нечистый фимиам...
И, насладившися богатством и чинами,
Заснет он наконец навеки средь могил,
И слава кончится похвальными стихами
Того, кто сам толпу бессмысленно хвалил.

Но если он поймет свое предназначенье,
И станет с лирою он мыслить и страдать,
И дивной силою святого вдохновенья
Порок смеющийся стихом начнет карать, —
То пусть не ждет себе сердечного привета
Толпы бессмысленной, холодной и глухой...
И горько потечет земная жизнь поэта,
Но не погаснет огнь в курильнице святой.
Умрет... И кое-где проснутся сожаленья...
Но только внук, греха не видя за собой,
Смеясь над предками, с улыбкою презренья,
Почтит могучий стих холодной похвалой...

Июль 1854

СТАРАЯ ДОРОГА

Я еду. На́ небе высоко
Плывет уж бледная луна,
И от селенья недалеко
Дорога старая видна.
И по дороге неизбитой
Звонки проезжих не гудят,
И лишь таинственно ракиты
По сторонам ее стоят,
И из-за них глядят уныло
Уж полусгнившие столбы
Да одинокая могила
Без упованья и мольбы.
И крест святынею своею
Могилы той не сторожит,
Лишь, наклонившися над нею,
Угрюмо шепчет ряд ракит.
И есть в окрестности преданье,

Что на могиле страшной той
Пресек свое существованье
Один страдалец молодой.
Однажды в ночь сюда пришел он
И имя бога не призвал,
Но, адских мук и страсти полон,
Он в грудь вонзил себе кинжал.
И неотпетая могила
Дана преступника костям.
В ней песня слышалась уныло,
И тень являлась по ночам.
Всегда с боязнью и тревогой
Крестьянин мимо проходил, —
И скоро новую дорогу
Труд человека проложил...

10 августа 1854

ПЕРВЫЙ СНЕГ

О снега первого нежданное явленье,
Приветствую тебя в моем уединеньи!
Уединенье? Да! Среди толпы людей
Я так же одинок, как ландыш, из полей
Родных отторженный суровою рукою;
Среди прекрасных роз поник он головою,
И в рощу мирную из мраморных палат
Его желания свободные летят.
Приветствую тебя! Неведомою силой
Ты в смутной памяти былое оживило,
Мечтанья прошлых дней той юности златой,
Как утро зимнее, прекрасной и живой!
Картин знакомый ряд встает передо мною:
Я вижу небеса, подернутые мглою,
И скатерть снежную на сглаженных полях,
И крыши белые, и иней на дровах;
Вдали чернеет лес. С сиянием Авроры
По окнам разослал мороз свои узоры;
Там, за деревьями, роскошно и светло
Блестит замерзлых вод прозрачное стекло;
Там курится дымок над кровлями овинов...

В соседней комнате я слышу треск каминов,
К ним истопник бредет и шум своих шагов
Разносит за собой с тяжелой ношей дров.
С какою радостью живой, нелицемерной,
Бывало, я встречал тебя, предвестник верный
Зимы... Как я любил и сон ее снегов,
И длинную семью прекрасных вечеров!
Как часто, вкруг стола собравшися семьею,
Мы проводили их в беседах меж собою,
И ласки нежные иль звонкий смех порой
Сменяли чтение обычной чередой.
Я помню длинный зал, вечернею порою
Его перебегал я детскою стопою,
И часто пред окном, как будто бы сквозь сон,
Я становился вдруг, испуган, поражен,
А прелесть дивная морозной, зимней ночи
Манила и звала встревоженные очи...
Светила чудные сияли в вышине
И, улыбаяся, смотрели в душу мне;
Чистейшим серебром поля вдали сияли,
Леса пустынные недвижимо стояли;
Всё спало... Лишь мороз под окнами трещал...
И жутко было мне, и к няне я бежал.
Я помню комнатку... Пред образом горела
Лампада тусклая; старушка там сидела...
И сладок был мне звук ее речей простых,
Любовью дышащих... увы! не слышу их
Среди надутых фраз да слов бездушных ныне:
Уж третью зиму я встречаю на чужбине,
Далеко от нее, от родины святой,
Не с шумной радостью, но с хладною тоской,
И сердце сжалося... но в холоде страданий
Ты возбудил во мне толпу воспоминаний,
Ты годы юности внезапно оживил,
И я тебя в душе за то благословил...
О, взвейся, легкий снег, над родиною дальной!
Чтоб поселянин мог, природы сын печальный,
Скорей плоды трудов по зимнему пути
За плату скудную в продажу отвезти!

11 октября 1854

ЭПАМИНОНД

Когда на лаврах Мантинеи
Герой Эллады умирал
И сонм друзей, держа трофеи,
Страдальца ложе окружал, —
Мгновенный огнь одушевленья
Взор потухавший озарил.
И так, со взором убежденья,
Он окружавшим говорил:
«Друзья, не плачьте надо мною!
Недолговечен наш удел;
Блажен, кто жизни суетою
Еще измерить не успел,
Но кто за честь отчизны милой
Ее вовеки не щадил,
Разил врага, — и над могилой
Его незлобливо простил!
Да, я умру, и прах мой тленный
Пустынный вихорь разнесет,
Но счастье родины священной
Красою новой зацветет!»
Умолк... Друзья еще внимали...
И видел месяц золотой,
Как, наклонившися, рыдали
Они над урной роковой.
Но слава имени героя
Его потомству предала,
И этой славы, взятой с боя,
И смерть сама не отняла.

Пронзен ядром в пылу сраженья,
Корнилов мертв в гробу лежит...
Но всей Руси благословенье
И в мир иной за ним летит.
Еще при грозном Наварине
Он украшеньем флота был;
Поборник правды и святыни,
Врагов отечества громил,
И Севастополь величавый
Надежней стен оберегал...
Но смерть поспорила со славой,

И верный сын России пал,
За славу, честь родного края,
Как древний Грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая,
Он имя родины призвал.
Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин, вспомнил бога,
Как верноподданный — царя.
О, пусть же ангел светозарный
Твою могилу осенит
И гимн России благодарной
На ней немолчно зазвучит!

26 октября 1854

ЗИМОЙ

Зима. Пахну́л в лицо мне воздух чистый...
Уж сумерки повисли над землей,
Трещит мороз, и пылью серебристой
Ложится снег на гладкой мостовой.
Порой фонарь огнистой полосою
Мелькнет... Да звон на небе прогудит...
Неугомонною толпою
Народ по улицам спешит.

И грустно мне!
И мысль моя далеко,
И вижу я отчизны край родной:
Угрюмый лес задумался глубоко,
И звезды мирно шепчутся с землей,
Лучи луны на инее трепещут,
И мерзлый пар летает от земли,
А в окнах светятся и блещут
Гостеприимные огни.

6 января 1855

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

В Аравии знойной поныне живет
Усопшего Межде счастливый народ,
И мудры их старцы, и жены прекрасны,
И юношей сонмы гяурам ужасны,
Но как затмеваются звезды луной,
Так всех затмевал их Набек молодой.

Прекрасен он был, и могуч, и богат.
В степях Аравийских верблюдов и стад
Имел он в избытке, отраду Востока,
Но краше всех благ и даров от пророка
Его кобылица гнедая была —
Из пламени ада литая стрела.

Чтоб ей удивляться, из западных стран
К нему притекали толпы мусульман,
Язычник и рыцарь в железе и стали.
Поэты ей сладкие песни слагали,
И славный певец аравийских могил
Набеку такие слова говорил:

«Ты, солнца светлейший, богат не один,
Таких же, как ты, я богатств властелин;
От выси Синая до стен Абушера
Победой прославлено имя Дагера.
И, море святое увидя со скал,
На лиру певца я меч променял.

И вот я узрел кобылицу твою.
Я к ней пристрастился... и, раб твой, молю —
Отдай мне ее и минуты покою,
На что мне богатства? Они пред тобою...
Возьми их себе и владей ими век!»
Молчаньем суровым ответил Набек.

Вот едет Набек по равнинам пустынь
Аравии знойной... И видит: пред ним
Склоняется старец в одежде убогой:
«Аллах тебе в помощь и милость от бога,

Набек милосердный». — «Ты знаешь меня?»
— «Твоей не узнать кобылицы нельзя».

— «Ты беден?» — «Богатство меня не манит,
А голод терзает и жажда томит
В пустыне бесследной, три дня и три ночи
Не ведали сна утомленные очи,
Из этой пустыни исторгни меня».
И слышит: «Садися ко мне на коня».

— «И рад бы, о путник, да сил уже нет, —
Был дряхлого нищего слабый ответ. —
Но ты мне поможешь, во имя пророка!»
Слезает Набек во мгновение ока,
И нищий, поддержан могучей рукой,
Свободен, сидит уж на шее крутой.

И старца внезапно меняется вид,
Он с юной отвагой коня горячит.
И конь, распустивши широкую гриву,
В пустыне понесся, веселый, игривый;
Блеснули на солнце, исчезли в пыли!
Лишь имя Дагера звучало вдали!

Набек, пораженный как громом, стоит,
Не видит, не слышит и, мрачен, молчит,
Везде пред очами его кобылица,
А солнце пустыню палит без границы,
А весь он осыпан песком золотым,
А груды червонцев лежат перед ним.

3 февраля 1855

ГОЛГОФА

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников сын божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух отцу. — И тьма объяла землю,
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...

И дрогнула земля; разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явилися живыми...

А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Всё ждало истины...
И скоро от востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах бога сил
Сияет на кресте голгофский искупитель!

17 апреля 1855

МАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Месяц вешний, ты ли это?
Ты, предвестник близкий лета,
Месяц песен соловья?
Май ли, жалуясь украдкой,
Ревматизмом, лихорадкой
В лазарете встретил я?

Скучно! Вечер темный длится —
Словно зимний! Печь дымится,
Крупный дождь в окно стучит;
Все попрятались от стужи,

Только слышно, как чрез лужи
Сонный ванька дребезжит.

А в краю, где протекали
Без забот и без печали
Первой юности года,
Потухает луч заката
И зажглась во тьме богато
Ночи мирная звезда.

Вдоль околицы мелькая,
Поселян толпа густая
С поля тянется домой;
Зеленеет пышно нива,
И под липою стыдливо
Зреет ландыш молодой.

27 мая 1855

УЖЕНЬЕ

Над водою склонялися липы густые,
Отражались в воде небеса голубые,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В величавой красе колебала река.

И так тихо кругом... Обаяния полны,
С берегами крутыми шептались волны,
Говорливо журча... И меж них, одинок,
Под лучами заката блестел поплавок.

Вот он дрогнул слегка, и опять предо мною
Неподвижно и прямо стоит над водою,
Вот опять в глубину невредимо скользит
Под немолчный и радостный смех нереид.

А в душе пролетает за думою дума...
О, как сладко вдали от житейского шума
Предаваться мечтам, их лелеять душой
И, природу любя, жить с ней жизнью одной.

Я мечтаю о многом, о детстве счастливом,
И вдруг вижу себя я ребенком игривым,
И, как прежде бывало, уж мыслию я
Обегаю дубравы, сады и поля.

Я мечтаю о том, когда слово науки
Заменило природы мне сладкие звуки...
И о многом, о чем так отрадно мечтать
И чего невозможно в словах рассказать.

А всё тихо кругом... Обаяния полны,
С крутизнами зелеными шепчутся волны,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В красоте величавой колеблет река.

29 июня 1855

ПРЕДЧУВСТВИЕ

А. П. Апухтиной

Не знаю почему, но сердце замирает,
Не знаю почему, но вся душа дрожит,
Но сон очей моих усталых не смыкает,
Но ум мучительно над сердцем тяготит.

Я к ложу жаркому приникнул головою,
И, кажется, всю жизнь я выплакать готов...
И быстро предо мной проходят чередою
Все дрязги мелкие всех прожитых годов.

Я вспоминаю всё: надежды и сомненья,
Былые радости и горе прежних дней,
И в памяти моей, как черные виденья,
Мелькают образы знакомые людей...

А мысль о будущем, как червь, меня снедает,
Немого ужаса душа моя полна,
И тьма меня томит, и давит, и смущает,
И не дождаться мне обманчивого сна.

1 июля 1855

ВЕЧЕР

Окно отворено... Последний луч заката
Потух... Широкий путь лежит передо мной:
Вдали виднеются рассыпанные хаты;
Акации сплелись над спящею водой;
Всё стихло в глубине разросшегося сада...
Порой по небесам зарница пробежит;
Протяжный звук рогов скликает с поля стадо
И в чутком воздухе далеко дребезжит.
Яснее видит ум, свободней грудь трепещет,
И сердце полное сомненья гонит прочь...
О, скоро ли луна во тьме небес заблещет
И трепетно сойдет пленительная ночь!..

15 июля 1855

ОБЛАКА

Н. П. Барышникову

Сверкает солнце жгучее,
В саду ни ветерка,
А пó небу летучие
Проходят облака.
Я в час полудня знойного,
В томящий мертвый час
Волненья беспокойного
Люблю смотреть на вас.
Но в зное те ж холодные,
Без цели и следа,
Несетесь вы, свободные,
Неведомо куда.
Всё небо облетаете...
То хмуритесь порой,
То весело играете
На тверди голубой.
А в вечера росистые,
Когда с закатом дня
Лилово-золотистые
Глядите на меня!
Вы цепью изумрудною

Носяся в вышине,
Какие думы чудные
Нашептывали мне!..
А ночью при сиянии
Чарующей луны
Стоите в обаянии,
Кругом озарены;
Когда всё сном объятое
Попряталось в тени,
Вы, светлые, крылатые,
Мелькаете одни!

3 августа 1855

ОТЪЕЗД

Осенний ветер так уныло
В полях свистал,
Когда края отчизны милой
Я покидал.

Смотрели грустно сосны, ели
И небеса.
И как-то пасмурно шумели
Кругом леса.

И застилал туман чужую
Черту земли,
И кони на гору крутую
Едва везли.

26 августа 1855

НЯНЯ

Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей;
Как найдет кручина злая,
Не отплачешься от ней.
Посмотри-ка, я лампадку
Пред иконою зажгла,

Оглянись: в углу кроватка
И богата и светла.

Оглянись же: перед нами
Сладко спит младенец твой
С темно-синими глазами,
С светло-русой головой.
Не боится темной ночи:
Безмятежен сон его;
Смотрят ангельские очи
Прямо с неба на него.

Вот когда с него была ты,
От родимого села
В барский дом из дымной хаты
Я кормилицей вошла.
Всё на свете я забыла!
Изо всех одну любя,
И ласкала, и кормила,
И голубила тебя.

Подросла, моя родная...
С чистой, пламенной душой,
А красавица такая,
Что и не было другой.
Ни кручины, ни печали —
Как ребенок весела...
Женихи к тебе езжали:
За богатого пошла.

С тех-то пор веселья дума
И на ум к тебе нейдет;
Целый день сидишь угрюмо,
Ночи плачешь напролет.
Дорогая, золотая,
Не кручинься, не жалей...
Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

Глянь, как теплится лампадка
Пред иконой, посмотри,

Как наш ангел дремлет сладко
От зари и до зари.
Над постелькою рыдая,
Сна младенца не разбей...
Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

13 ноября 1855

ШАРМАНЩИК

Темно и пасмурно... По улице пустой
Шарманщик, сгорбленный под гнетом тяжкой ноши,
Едва, едва бредет с поникшей головой...
И тонут, и скользят в грязи его калоши...
Кругом так скучно: серый небосклон,
Дома, покрытые туманной пеленою...
И песней жалобной, младенчески-простою
Шарманщик в забытье невольно погружен.
О чем он думает с улыбкою печальной?
Он видит, может быть, края отчизны дальной,
И солнце жгучее, и тишь своих морей,
И небо синее Италии своей...
Он видит вечный Рим. — Там в рубище торговка
Сидит на площади, печальна и бледна;
Склонилася на грудь кудрявая головка,
Усталости томительной полна...
С ней рядом девочка... На Север, одиноки,
И день и ночь они глядят
И ждут его, шарманщика, назад
С мешками золота и с почестью высокой...
Природу чудную он видит: перед ним,
Лучами вешними взлелеян и храним,
Цветет зеленый мирт и желтый померанец...
Ветвями длинными сплелися кущи роз...
Под тихий говор сладких грез
Забылся бедный чужестранец!
Он видит уж себя среди своих полей...
Он слышит ласковых речей
Давно не слышанные звуки...
О нет, не их он слышит...
Крик босых ребят

Преследует шарманщика; горят
Окостеневшие и трепетные руки...
И мочит дождь его, и холодно ему,
И весь он изнемог под гнетом тяжкой ноши,
И, как назло владельцу своему,
И тонут, и скользят в грязи его калоши.

. .

26 ноября 1855

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей.
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей.
Точно волшёбством каким-то объятый,
Воздух недвижим ночной...

Город прославленный, город богатый,
Я не прельщуся тобой.
Пусть твоя ночь в непробудном молчаньи
И хороша и светла, —
Ты затаил в себе много страданья,
Много пороков и зла.
Пусть на тебя с высоты недоступной
Звезды приветно глядят,
Только и видят они твой преступный,
Твой закоснелый разврат.

В пышном чертоге, облитые светом,
Залы огнями горят.
Вот и невеста: роскошным букетом
Скрашен небрежный наряд,
Кудри волнами бегут золотые...
С ней поседелый жених;
Как-то неловко глядят молодые,
Холодом веет от них.

Плачет несчастная жертва расчета,
Плачет... Но как же ей быть?
Надо долги попечителя-мота
Этим замужством покрыть...
В грустном раздумье стоит, замирая,
Темных предчувствий полна...
Ей не на радость ты, ночь золотая!
Небо, и свет, и луна
Ей напевают печальные чувства...

Зимнего снега бледней,
Мается труженик бедный искусства
В комнатке грязной своей.
Болен, бедняк, исказило мученье
Юности светлой черты.
Он, не питая свое вдохновенье,
Не согревая мечты,
Смотрит на небо в волнении жадном,
Ищет луны золотой...
Нет! Он прощается с сном безотрадным,
С жизнью своей молодой.

Всё околдовано, всё онемело!
А в переулке глухом,
Снегом скрипя, пробирается смело
Рослый мужик с топором.
Грозен и зол его вид одичалый...
Он притаился и ждет:
Вот на пирушке ночной запоздалый
Мимо пройдет пешеход...
Он не на деньги блестящие жаден,
Не на богатство; как зверь,
Голоден он и, как зверь, беспощаден...
Что ему люди теперь?
Он не послушает их увещаний,
Не побоится угроз...

Боже мой! Сколько незримых страданий!
Сколько невидимых слез!
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей;

Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей;
Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.

13 января 1856

К СЛАВЯНОФИЛАМ

О чем шумите вы, квасные патриоты?
К чему ваш бедный труд и жалкие заботы?
Ведь ваши возгласы России не смутят.
И так ей дорого достался этот клад
Славянских доблестей... И, варварства остаток,
Над нею тяготит татарский отпечаток:
Невежеством, как тьмой, кругом обложена,
Рассвета пышного напрасно ждет она,
И бедные рабы в надежде доли новой
По-прежнему влачат тяжелые оковы...
Вам мало этого, хотите больше вы:
Чтоб снова у ворот ликующей Москвы
Явился белый царь, и грозный, и правдивый,
Могучий властелин, отец чадолюбивый...
А безглагольные любимцы перед ним,
Опричники, неслись по улицам пустым...
Чтоб в Думе поп воссел писать свои решенья,
Чтоб чернокнижием звалося просвещенье,
И родины краса, боярин молодой,
Дрался́, бесчинствовал, кичился пред женой,
А в тереме царя, пред образом закона
Валяясь и кряхтя, лизал подножье трона.

25 января 1856

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Зимний воздух сжат дремотой...
В темной зале всё молчит;
За обычною работой
Няня старая сидит.

Вот зевнула, засыпает,
Что-то под нос бормоча..
И печально догорает
Одинокая свеча.

Подле няни на подушке
Позабытое дитя
То глядит в лицо старушке,
Взором радостно блестя,
То, кудрявою головкой
Наклонившись над столом,
Боязливо и неловко
Озирается кругом.

Недалёко за стеною
И веселие, и смех,
Но — с задумчивой душою
Мальчик прячется от всех.
Не боится, как другие,
Этой мертвой тишины...
И глаза его большие
На окно обращены.

Ризой белою, пушистой
Ели искрятся светло;
Блещет тканью серебристой
Льдом одетое стекло;
Сторона лесов далеких
Снегом вся занесена,
И глядит с небес высоких
Круглолицая луна.

А ребенок невеселый
К няне жмется и дрожит...
В зале маятник тяжелый
Утомительно стучит.
Няня спицами качает,
Что-то по́д нос бормоча...
И едва, едва мерцает
Нагоревшая свеча...

26 февраля 1856

ЖИЗНЬ

К. П. Апухтиной

Песня туманная, песня далекая,
И бесконечная, и заунывная,
Доля печальная, жизнь одинокая,
Слез и страдания цепь непрерывная...

Грустным аккордом она начинается...
В звуках аккорда, простого и длинного,
Слышу я, вопль из души вырывается,
Вопль за утратою детства невинного.

Далее звуков раскаты широкие —
Юного сердца мечты благородные:
Вера, терпения чувства высокие,
Страсти живые, желанья свободные.

Что же находим мы? В чувствах — страдания,
В страсти — мученья залог бесконечного,
В людях — обман... А мечты и желания?
Боже мой! Много ли в них долговечного?

Старость подходит часами невольными,
Тише и тише аккорды печальные...
Ждем, чтоб над нами, в гробу безглагольными,
Звуки кругом раздались погребальные...

После... Но если и есть за могилою
Песни иные, живые, веселые,
Жаль нам допеть нашу песню унылую,
Трудно нам сбросить оковы тяжелые!..

29 февраля 1856

ШАРМАНКА

М. А. Апухтиной

Я иду через площадь... Звездáми
Не усыпано небо впотьмах...
Только слякоть да грязь пред глазами,
А шарманки мотивы в ушах.

И откуда те звуки, не знаю,
Но, под них забываться любя,
Всё прошедшее я вспоминаю
И ребенком вновь вижу себя.

В долгий вечер, бывало, зимою
У рояли я сонный сижу.
Ты играешь, а я за тобою
Неотвязчивым взором слежу.

То исчезнут из глаз твои руки,
То по клавишам явятся вдруг,
И чудесные, стройные звуки
Так ласкают и нежат мой слух.

А потом я рукою нетвердой
Повторяю урок в тишине,
И приятней живого аккорда
Твой же голос слышится мне.

Вот он тише звучит и слабее,
Вот пропал он в пространстве пустом...
А шарманка всё громче, звучнее,
Всё болезненней ноет кругом.

Вспоминаю я пору иную
И вот вижу: в столице, зимой,
И с колоннами залу большую,
И оркестр у подмосток большой.

Его речи, живой, музыкальной,
Так отрадно, мечтая, внимать,
То веселой, то томно-печальной,
И со мною твой образ опять.

И какие бы думе мятежной
Ни напомнил названья язык,
Всё мне слышится голос твой нежный,
Всё мне видится ясный твой лик.

Может быть, и теперь пред роялью,
Как и прежде, бывало, сидишь,
И с спокойною, тихой печалью
На далекое поле глядишь.

Может быть, ты с невольной слезою
Вспоминаешь теперь обо мне?
И ты видишь: с постылой душою,
В незнакомой, чужой стороне

Я иду через площадь... Мечтами
Сердце полно о радостных днях...
Только слякоть да грязь пред глазами,
И шарманки мотивы в ушах.

25 марта 1856

НА НЕВЕ ВЕЧЕРОМ

Плывем. Ни шороха. Ни звука. Тишина.
Нестройный шум толпы всё дальше замирает,
И зданий и дерев немая сторона
Из глаз тихонько ускользает.

Плывем. Уж заревом полнеба облегло;
Багровые струи сверкают перед нами;
Качаяся, скользит покорное весло
Над полусонными водами...

И сердце просится в неведомую даль,
В душе проносятся неясные мечтанья,
И радость томная, и светлая печаль,
И непонятные желанья.

И так мне хорошо, и так душа полна,
Что взор с смущением невольным замечает,
Как зданий и дерев другая сторона
Всё ближе, ближе подступает.

30 мая 1856

ДОРО́ГОЙ

П. И. Чайковскому

Едешь, едешь в гору, в гору...
    Солнце так и жжет;
Ни души! Навстречу взору
    Только пыль встает.

Вон, мечты мои волнуя,
    Будто столб вдали...
Но уж цифры не могу я
    Различить в пыли.

И томит меня дремо́ю,
    Жарко в голове...
Точно, помнишь, мы с тобою
    Едем по Неве.

Всё замолкло. Не колышет
    Сонная волна...
Сердце жадно волей дышит,
    Негой грудь полна,

И под мерное качанье
    Блещущей ладьи
Мы молчим, тая дыханье
    В сладком забытьи...

Но тряска́ моя телега,
    И далек мой путь,
А до мирного ночлега
    Не могу заснуть.

И опять всё в гору, в гору
    Едешь, — и опять
Те ж поля являют взору
    Ту ж пустую гладь.

15 июня 1856

ОЖИДАНИЕ ГРОЗЫ

Н. Д. Карпову

Ночь близка... На небе черном
Серых туч ползет громада;
Всё молчит в лесу нагорном,
В глубине пустого сада.

Тьмой и сном объяты воды...
Душен воздух... Вечер длится...
В этом отдыхе природы
Что-то грозное таится.

Ночь настанет. Черной тучей
Пыль поднимется сильнее,
Липы с силою могучей
Зашатаются в аллее.

Дождь закапает над нами
И, сбираясь понемногу,
Хлынет мутными ручьями
На пылящую дорогу.

Неба пасмурные своды
Ярким светом озарятся:
Забушуют эти воды,
Блеском неба загорятся,

И, пока с краев до края
Будут пламенем объяты,
Загудят, не умолкая,
Грома тяжкие раскаты.

16 июля 1856

ОСЕННЯЯ ПРИМЕТА

Всюду грустная примета:
В серых тучах небеса;
Отцветающего лета
Равнодушная краса;

Утром холод, днем туманы,
Шум несносный желобов;
В час заката — блик багряный
Отшумевших облаков;

Ночью бури завыванье,
Иль под кровом тишины
Одинокие мечтанья,
Очарованные сны;
В поле ветер на просторе,
Крик ворон издалека,
Дома — скука, в сердце — горе,
Тайный холод и тоска.

Пору осени унылой
Сердце с трепетом зовет:
Вы мне близки, вы мне милы,
Дни осенних непогод;
Вечер сумрачный и длинный,
Мрак томительный ночей...
Увядай, мой сад пустынный,
Осыпайся поскорей.

16 августа 1856

ОТРЫВОК

(Из А. Мюссе)

Что так усиленно сердце больное
Бьется, и просит, и жаждет покоя?
Чем я взволнован, испуган в ночи?
Стукнула дверь, застонав и заноя,
Гаснущей лампы блеснули лучи...
Боже мой! Дух мне в груди захватило!
Кто-то зовет меня, шепчет уныло...
Кто-то вошел... Моя келья пуста,
Нет никого, это полночь пробило...
О, одиночество, о, нищета!

2 сентября 1856

НОЧЬ

*К****

Замолкли, путаясь, пустые звуки дня,
Один я наконец, всё спит кругом меня;
Всё будто замерло... Но я не сплю: мне больно
За день, в бездействии утраченный невольно.
От лампы бледный свет, бродящий по стенам,
Враждебным кажется испуганным очам;
Часы так глухо бьют, и с каждым их ударом
Я чую новый миг, прожитый мною даром.
И в грезах пламенных меж призраков иных
Я вижу образ твой, созданье дум моих;
Уж сердце чуткое бежит к нему пугливо...
Но он так холоден к печали молчаливой,
И так безрадостен, и так неуловим,
Что содрогаюсь я и трепещу пред ним...

Но утро близится... Тусклей огня мерцанье,
Тусклей в моей душе горят воспоминанья...
Хоть на мгновение обманчивый покой
Коснется вежд моих... А завтра, ангел мой,
Опять в часы труда, в часы дневного бденья,
Ты мне предстанешь вдруг, как грозное виденье.
Томясь, увижу я средь мелкой суеты
Осмеянную грусть, разбитые мечты
И чувство светлое, как небо в час рассвета,
Заглохшее впотьмах без слов и без ответа!..
И скучный день пройдет бесплодно... И опять
В мучительной тоске я буду ночи ждать,
Чтобы хоть язвами любви неутолимой
Я любоваться мог, один, никем не зримый...

20 октября 1856

БОЖИЙ МИР

В. Н. Юферову

Как на божий мир, премудрый и прекрасный,
Я взгляну прилежней думой беспристрастной,

Точно будто тщетно плача и тоскуя,
У дороги пыльной в знойный день стою я...

Тянется дорога полосою длинной,
Тянется до моря... Всё на ней пустынно!

Нет кругом деревьев, лишь одни кривые
Высятся печально вехи верстовые;

И по той дороге вдаль неутомимо
Идут пешеходы мимо всё да мимо.

Что у них за лица? С невеселой думой
Смотрят исподлобья злобно и угрюмо;

Те без рук, другие глухи, а иные
Идут спотыкаясь, точно как слепые.

Тесно им всем вместе, ни один не может
Своротить с дороги — всех перетревожит...

Разве что телега пробежит порою,
Бледных трупов ряд оставя за собою...

Мрут они... Телега бедняков сдавила —
Что ж! Не в первый раз ведь слабых давит сила;

И телеге тоже ведь не меньше горя:
Только поскорее добежит до моря...

И опять всё смолкнет... И всё мимо, мимо
Идут пешеходы вдаль неутомимо,

Идут без ночлега, идут в полдень знойный,
С пылью поднимая гул шагов нестройный.

Где ж конец дороги?
За верстой последней,
Омывая берег у скалы соседней,

Под лучами солнца, в блеске с небом споря,
Плещется и бьется золотое море.

Вод его не видя, шуму их не внемля,
Бедные ступают прямо как на землю;

Воды, расступаясь, путников, как братьев,
Тихо принимают в мертвые объятья,

И они всё так же злобно и угрюмо
Исчезают в море без следа и шума.

Говорят, что в море, в этой бездне чудной,
Взыщется сторицей путь их многотрудный,

Что за каждый шаг их по дороге пыльной
Там вознагражденье пышно и обильно!

Говорят... А море в красоте небесной
Также нам незримо, также неизвестно,

А мы видим только вехи верстовые —
Прожитые даром годы молодые,

Да друг друга видим — пешеходов темных, —
Тружеников вечных, странников бездомных,

Видим жизнь пустую, путь прямой и дальний,
Пыльную дорогу — божий мир печальный...

15 ноября 1856

ПОСЛЕ БАЛА

Уж к утру близилось... Унынье превозмочь
На шумном празднике не мог я и тоскливо
Оставил скучный пир. Как день, сияла ночь.
Через Неву домой я ехал торопливо.

Всё было так мертво́ и тихо на реке.
Казались небеса спокойствием объяты;
Облитые луной, белели вдалеке
Угрюмые дворцы, заснувшие палаты;

И скрип моих саней один звучал кругом,
Но музыке иной внимал я слухом жадным:
То тихий стон ее в безмолвии ночном
Мне душу потрясал каким-то сном отрадным.

И чудилося мне: под тканью золотой,
При ярком говоре толпы немых видений,
В неведомой красе носились предо мной
Такие светлые, сияющие тени...

То вдруг какой-то страх и чувство пустоты
Сжимали грудь мою... Сменяя призрак ложный,
Другие чередой являлися мечты,
Другой носился бред, и странный и тревожный.

Пустыней белою тот пир казался мне;
Тоска моя росла, росла, как стон разлуки...
И как-то жалобно дрожали в тишине
Напева бального отрывочные звуки.

4 января 1857

* * *

Напрасно в час печали непонятной
Я говорю порой,
Что разлюбил навек и безвозвратно
Несчастный призрак твой,
Что скоро всё пройдет, как сновиденье...
Но отчего ж пока
Меня томят и прежнее волненье,
И робость, и тоска?
Зачем везде, одной мечтой томимый,
Я слышу в шуме дня,
Как тот же он, живой, неотразимый,
Преследует меня?
Настанет ночь. Едва в мечтаньях странных
Начну я засыпать,
Над миром грез и образов туманных
Он носится опять.

Проснусь ли я, припомню ль сон мятежный,
Он тут: глаза блестят;
Таким огнем, такою лаской нежной
Горит могучий взгляд...
Он шепчет мне: «Забудь твои сомненья!»
Я слышу звуки слов...
И весь дрожу, и снова все мученья
Переносить готов.

18 марта 1857

22 МАРТА 1857 ГОДА

Н. И. М<артыно>ву

О, боже мой! Зачем средь шума и движенья,
Среди толпы веселой и живой
Я вдруг почувствовал невольное смущенье,
Исполнился внезапною тоской?
При звуках музыки, под звуки жизни шумной,
При возгласах ликующих друзей
Картины грустные любви моей безумной
Предстали мне полнее и живей.
Я бодро вновь терплю, что в страсти безнадежной
Уж выстрадал, чего уж больше нет,
Я снова лепечу слова молитвы нежной,
Я слышу вопль — и слышу смех в ответ.
Я вижу в темноте сверкающие очи,
Я чувствую, как снова жгут они...
Я вижу все в слезах проплаканные ночи,
Все в праздности утраченные дни!
И в будущее я смотрю мечтой несмелой...
Как страшно мне, как всё печально в нем!
Вот пир окончится... и в зале опустелой
Потухнет свет... И ночь пройдет. Потом,
Смеясь, разъедутся, как в праздники, бывало,
Товарищи досугов годовых;
Останется у всех в душе о нас так мало,
Забудется так много у иных...
Но я... забуду ли прожитые печали,
То, что уж мной оплакано давно?
Нет, в сердце любящем, как в этой полной зале,
Всё станет вновь и пусто и темно.

И этих тайных слез, и этой горькой муки,
И этой страшной мертвой пустоты
Не заглушат вовек ни шумной жизни звуки,
Ни юных лет веселые мечты.

22 марта 1857

РУССКИЕ ПЕСНИ

Как сроднились вы со мною,
Песни родины моей,
Как внемлю я вам порою,
Если вечером с полей
Вы доноситесь, живые,
И в безмолвии ночном
Мне созвучья дорогие
Долго слышатся потом.

Не могучий дар свободы,
Не монахи-мудрецы, —
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы.
Но в тяжелые годины
Весь народ, до траты сил,
Весь — певец своей кручины —
Вас в крови своей носил.

И как много в этих звуках
Непонятного слилось!
Что за удаль в самых муках,
Сколько в смехе тайных слез!
Вечным рабством бедной девы,
Вечной бедностью мужей
Дышат грустные напевы
Недосказанных речей...

Что за речи, за герои!
То — бог весть какой поры —
Молодецкие разбои,
Богатырские пиры;

То Москва, татарин злобный,
Володимир, князь святой...
То, журчанью вод подобный,
Плач княгини молодой.

Годы идут чередою...
Песни нашей старины
Тем же рабством и тоскою,
Той же жалобой полны;
А подчас всё так же вольно
Славят солнышко-царя,
Да свой Киев богомольный,
Да Илью богатыря.

1 июля 1857

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О, помнишь ли, давно, — еще детьми мы были —
На шумном вечере мы встретились с тобой.
Но этот шум и блеск нас нехотя томили,
Мы вышли на балкон. Мы мало говорили,
Нас ночь объяла вдруг отрадной тишиной.

Сквозь стекла виделось нам бледных свеч мерцанье,
Из комнат слышался нестройный гул речей;
А в небе виделось горячих звезд сверканье,
Из сада слышалось деревьев колыханье,
Над ближней рощей пел влюбленный соловей.

Я на тебя смотрел. Я чувство молодое
Любовию тогда назвать еще не смел...
Но я взволнован был в торжественном покое,
Но я дышавшее безмолвие ночное
Прервать ни голосом, ни вздохом не хотел.

Чему-то тайному разгадки неизбежной
Я с первым звуком ждал... Мгновение прошло.
И вдруг я зарыдал, проникнут грустью нежной,
А в глубине души светло и безмятежно
Такое полное веселие цвело.

8 июля 1857

УСПОКОЕНИЕ

Я видел труп ее безгласный!..
Я на темневшие черты —
Следы минувшей красоты —
Смотрел и долго и напрасно!
А с поля говор долетал,
Народ толпился в длинной зале,
Дьячок, крестясь, псалтырь читал,
У гроба женщины рыдали,
И, с бледным отблеском свечи
В окне сливаясь незаметно,
Кругом вечерние лучи
Ложились мягко и приветно.

И я, смущенный, в сад пошел...
(Тоска и страх меня томили.)
Но сад всё так же мирно цвел,
Густые липы те же были,
Всё так же синего пруда
Струи блестели в синей дали,
Всё так же птицы иногда
Над темной рощей распевали.
И ветер, тихо пролетев,
Скользил по елям заостренным,
Звенящий иволги напев
Сливая с плачем отдаленным.

23 июля 1857

СЕРЕНАДА ШУБЕРТА

Ночь уносит голос страстный,
Близок день труда...
О, не медли, друг прекрасный,
О, приди сюда!

Здесь свежо росы дыханье,
Звучен плеск ручья,
Здесь так полны обаянья
Песни соловья!

И так внятны в этом пеньи,
В этот час любви,
Все рыданья, все мученья,
Все мольбы мои!

11 сентября 1857

* * *

Я знал его, любви прекрасный сон,
С неясными мечтами вдохновенья...
Как плеск струи, был тих вначале он,
Как майский день, светлы его виденья.
Но чем быстрей сгущался мрак ночной,
Чем дальше вглубь виденья проникали,
Тем всё бледней неслись они толпой,
И образы другие их сменяли.

Я знал его, любви тяжелый бред,
С неясными порывами страданья,
Со всей горячностью незрелых лет,
Со всей борьбой ревнивого терзанья...
Я изнывал. Томителен и жгуч,
Он с тьмою рос и нестерпимо длился...
Но день пришел, и первый солнца луч
Рассеял мрак. И призрак ночи скрылся.

Когда ж теперь с невольною тоской,
Чрез много дней томим воспоминаньем,
Я на тебя гляжу, о ангел мой,
И трепещу несбыточным желаньем,—
Тогда, поверь, далекий страсти гул
Меня страшит, я счастием не грежу:
Мне кажется, что сладко я заснул
И что сейчас мучительно забрежу.

Сентябрь 1857

КОМЕТА

(Из Беранже)

Бог шлет на нас ужасную комету,
Мы участи своей не избежим.
Я чувствую, конец подходит свету;
Все компасы исчезнут вместе с ним.
С пирушки прочь вы, пившие без меры,
Не многим был по вкусу этот пир, —
На исповедь скорее, лицемеры!
Довольно с нас: состарелся наш мир.

Да, бедный шар, тебе борьбы отважной
Не выдержать; настал последний час:
Как спущенный с веревки змей бумажный
Ты полетишь, качаясь и крутясь.
Перед тобой безвестная дорога...
Лети туда, в безоблачный эфир...
Погаснет он — светил еще так много!
Довольно с нас: состарелся наш мир...

О, мало ли опошленных стремлений,
Прозваньями украшенных глупцов,
Грабительств, войн, обманов, заблуждений
Рабов-царей и подданных рабов?
О, мало ль мы от будущего ждали,
Лелеяли наш мелочный кумир...
Нет, слишком много желчи и печали.
Довольно с нас: состарелся наш мир.

А молодежь твердит мне: «Всё в движеньи,
Всё под шумок гнилые цепи рвет,
И светит газ, и зреет просвещенье,
И по морю летает пароход...
Вот подожди, раз двадцать минет лето —
На мрак ночной повеет дня зефир...»
— Я тридцать лет, друзья, всё жду рассвета!
Довольно с нас: состарелся наш мир.

Была пора: во мне любовь кипела,
В груди кипел запас горячих сил..,

Не покидать счастливого предела
Тогда я землю пламенно молил!
Но я отцвел; краса бежит поэта;
Навек умолк веселых песен клир...
Иди ж скорей, нещадная комета. —
Довольно с нас — состарелся наш мир.

2 декабря 1857

В ТЕАТРЕ

Часто, наскучив игрой бесталанною,
　　Я забываюсь в толпе,
Разные мысли, несвязные, странные,
　　Бродят тогда в голове.
Тихо мне шепчет мечта неотлучная:
　　Вот наша жизнь пред тобой,
Та же комедия, длинная, скучная,
　　Разве что автор другой.
А ведь сначала, полны ожидания,
　　Входим мы... Пламень в груди...
Много порывов, и слез, и желания,
　　Много надежд впереди.
Но чуть ступили на сцену мы новую —
　　Пламень мгновенно погас:
Глупо лепечем мы роль бестолковую,
　　Холодно слушают нас.
Если ж среди болтовни утомительной
　　В ком-нибудь вырвется стон
И зазвучит обо всем, что мучительно
　　В сердце подслушает он, —
Тут-то захлопают!.. Рукоплескания,
　　Крики... Минута пройдет...
Мощное слово любви и страдания
　　Так же бесплодно замрет.
Тянутся, тянутся сцены тяжелые,
　　Стынут, черствея, сердца,
Мы пропускаем уж сцены веселые,
　　Ждем терпеливо конца.
Занавесь спущена... Лавры завидные,
　　Может гордиться артист;

Слышно порой сожаленье обидное,
Чаще зевота и свист.
Вот и разъехались... Толки безвредные
Кончены... Говор затих,
Мы-то куда ж теперь денемся, бедные,
Гаеры жалкие их!
В длинном гробу, как на дроги наемные,
Ляжем, — и в путь без сумы
Прямо домой через улицы темные
Тихо потащимся мы.
Выедем зá город... Поле широкое...
Камни, деревья, кресты...
Снизу чернеет нам яма глубокая,
Звезды глядят с высоты...
Тут мы и станем... И связанных странников
Только бы сдать поскорей —
В грязный чулан нас запрут, как изгнанников
С родины милой своей.
Долго ли нас там продержат — не сказано,
Что там — не знает никто,
Да и нам знать-то того не приказано,
Знает хозяин про то.

28 декабря 1857

РАССВЕТ

Видали ль вы рассвета час
За ночью темной и ненастной?
Давно уж буря пронеслась,
Давно уж смолкнул гул ужасный,
Но всё кругом еще хранит
Тяжелый след грозы нестройной,
Всё ждет чего-то и молчит!..
Всё полно мысли беспокойной.

Но вот у тучи роковой
Вдруг прояснился угол белый;
Вот за далекою горой
С востока что-то заалело;
Вон там повыше брызнул свет.

Он вновь исчезнет ли за тучей
Иль станет славный и могучий
Среди небес?..
Ответа нет...

Но звук пастушеской свирели
Уж слышен в тишине полей,
И воздух кажется теплей,
И птички ранние запели.
Туманы, сдвинувшись сперва,
Несутся, ветром вдаль гонимы.

Теперь таков наш край родимый,
Теперь Россия такова.

6 января 1858

К ПРОПАВШИМ ПИСЬМАМ

Как по товарищу недавней нищеты
Друзья терзаются живые,
Так плачу я о вас, заветные листы,
Воспоминанья дорогие!..
Бывало, утомясь страдать и проклинать,
Томим бесцельною тревогой,
Я с напряжением прочитывал опять
Убогих тайн запас убогий.
В одних я уловлял участья краткий миг,
В других какой-то смех притворный,
И всё благословлял, и всё в мечтах моих
Хранил я долго и упорно.
Но больше всех одно мне памятно... Оно
Кругом исписано всё было,
Наместо подписи — чернильное пятно,
Как бы стыдяся, имя скрыло;
Так много было в нем раскаянья и слез,
Так мало слов и фразы шумной,
Что, помню, я и сам тоски не перенес
И зарыдал над ним, безумный.
Кому же нужно ты, нескладное письмо,
Зачем другой тобой владеет?

Кто разберет в тебе страдания клеймо
И оценить тебя сумеет?
Хозяин новый твой не скажет ли, шутя,
Что чувства в авторе глубоки,
Иль просто осмеет, как глупое дитя,
Твои оплаканные строки?..
Найду ли я тебя? Как знать! Пройдут года,
Тебя вернет мне добрый гений...
Но как мы встретимся?.. Что буду я тогда,
Затерянный в глуши сомнений?
Быть может, как рука, писавшая тебя,
Ты станешь чуждо мне с годами,
А может быть, опять, страдая и любя,
Я оболью тебя слезами!..
Бог весть! Но та рука еще живет; на ней,
Когда-то теплой и любимой,
Всей страсти, всей тоски, всей муки прежних дней
Хранится след неизгладимый.
А ты?.. Твой след пропал... Один в тиши ночной
С пустой шкатулкою сижу я,
Сгоревшая свеча дрожит передо мной,
И сердце замерло, тоскуя.

25 января 1858

Е. А. Х‹востовой›

Экспромт

Добры к поэтам молодым,
Вы каждым опытом моим
Велели мне делиться с вами;
Но я боюсь... Иной поэт,
Чудесным пламенем согрет,
Вас пел могучими стихами.

Вы были молоды тогда,
Для вдохновенного труда
Ему любовь была награда.
Вы отцвели — поэт угас,
Но он поклялся помнить вас
И в небесах, и в муках ада.

Я верю клятве роковой,
Я вам дрожащею рукой
Пишу свои стихотворенья
И как несмелый ученик
У вас хотя б на этот миг
Прошу *его* благословенья.

1 февраля 1858

МОЕ ОПРАВДАНИЕ

Не осуждай меня холодной думой,
Не говори, что только тот страдал,
Кто в нищете влачил свой век угрюмый,
Кто жизни яд до капли выпивал.

А тот, кого едва не с колыбели
Тяжелое сомнение гнетет,
Кто пред собой не видит ясной цели
И день за днем безрадостно живет;

Кто навсегда утратил веру в счастье,
Томясь, молил отрады у людей
И не нашел желанного участья,
И потерял изменчивых друзей;

Чей скорбный стон, стесненный горький шепот
В тиши ночей мучительно звучал...
Ужели в том таиться должен ропот?
Ужели тот, о, боже! не страдал!

12 марта 1858

В ВАГОНЕ

Спите, соседи мои!
Я не засну, я считаю украдкой
Старые язвы свои...
Вам же ведь спится спокойно и сладко,
Спите, соседи мои!

Что за сомненье в груди!
Боже, куда и зачем я поеду?
Есть ли хоть цель впереди?
Разве чтоб быть изголовьем соседу...
Спите, соседи мои!

Что за тревоги в крови!
А, ты опять тут, былое страданье,
Вечная жажда любви...
О, удалитесь, засните, желанья...
Спите, мученья мои!

Но уж тусклей огоньки
Блещут за стеклами... Ночь убегает,
Сердце болит от тоски,
Тихо глаза мне дремота смыкает...
Спите, соседи мои!

27 марта 1858

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый сборник стихотворений Апухтина (в нем было всего 85 произведений) вышел в 1886 г., спустя более чем 30 лет после того, как в печати появилось его первое стихотворение. В 1891 г. издание было повторено и в 1893 г., незадолго до кончины поэта, пополненное пятью стихотворениями, вышло в третий раз. Если не считать исправления нескольких опечаток и небольших изменений в знаках препинания, тексты стихотворений в этих изданиях не менялись.

В первые три посмертные издания — 1895, 1896, 1898 гг. — постепенно было включено еще свыше ста стихотворений. Издание 1895 г. было подготовлено друзьями поэта В. Н. Герардом и Г. П. Карцовым, при участии К. К. Случевского. Составители сохранили порядок расположения стихотворений прижизненных изданий, а новые публикации поместили в конце. Такой же принцип был принят в издании 1896 г. В издании 1898 г. впервые был применен хронологический порядок расположения произведений, появились некоторые поправки в тексте.

Все последующие дореволюционные издания — 1900, 1905, 1907 и 1912 гг. — были перепечаткой издания 1898 г. Так сложилось традиционное собрание стихотворений Апухтина. Оно послужило основой и для двух небольших сборников Апухтина, вышедших в советское время: в 1938 г. в Малой серии «Библиотеки поэта», со вступительной статьей и примечаниями Вс. Рождественского, и в 1959 г. в Орловском книжном издательстве, со вступительной статьей и примечаниями Л. Афонина.

При подготовке настоящего издания возникла необходимость разыскать и собрать стихотворения Апухтина, напечатанные в периодических изданиях, выяснить источники посмертных публикаций, выявить неопубликованные стихотворения поэта. В этой связи были изучены архивные материалы в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, в отделах рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, материалы, касающиеся Апухтина, в музеях Л. Н. Толстого в Москве и П. И. Чайковского в Клину, в Государственном историческом архиве СССР в Москве и Ленинграде.

Рукописи Апухтина почти не сохранились. Об их судьбе можно только догадываться. Частью они были утеряны (в письме к П. П. Мещерскому от 21 мая <1874> Апухтин упомянул о том, что во время заграничной поездки у него пропал чемодан с рукописями); частью, видимо, поэт их уничтожил так же, как, по свидетельству А. В. Жиркевича («Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 500), он уничтожил свои дневники. В бумагах, опечатанных после смерти Апухтина, как сообщил присяжный поверенный А. В. Гарф в письме к А. В. Жиркевичу от 26 марта 1905 г., рукописей стихотворений Апухтина не было. Но сохранились собрания стихотворений Апухтина в копиях, сделанных при жизни поэта близкими к нему людьми. Апухтин просматривал эти списки, поправлял, дополнял, и мы с полным правом можем считать их авторизованными. В отделе рукописей Пушкинского дома сохранилось два таких собрания: Е. А. Хвостовой и Г. П. Карцова, послужившие основными источниками новых публикаций как для первых посмертных изданий, так и для настоящего сборника.

Списки Хвостовой сохранились в двух тетрадях. Первая из них находится в архиве поэта П. А. Козлова (имя Хвостовой на титульном листе стерто). В ней записано и расположено в основном в хронологической последовательности 66 стихотворений Апухтина 1857—1859 гг. с поправками и приписками поэта. Вторая тетрадь Хвостовой разделена на две части. В первой части переписаны стихотворения Апухтина 1852—1857 гг.; копии этих ранних стихотворений сделаны в 1858 г. по каким-то неизвестным нам источникам. Вторая часть этой тетради полностью и с учетом поправок воспроизводит тетрадь Хвостовой из архива Козлова. В конце второй тетради рукой Апухтина приписаны шесть стихотворений, относящиеся к 1863 г. В этой тетради Хвостовой всего 172 стихотворения.

Собрание Карцова состоит тоже из двух тетрадей. Рукой Карцова, без соблюдения хронологии, только с выделением юмористических произведений, переписано 247 стихотворений. Тетради Карцова заполнялись в 1880-х годах, но в них имеются и более ранние произведения, в том числе некоторые из тех, что есть в тетрадях Хвостовой. В списках Карцова много поправок, дополнений и позднейших приписок Апухтина, а на внутренней стороне обложки первой тетради его рукой написано стихотворение «Г. Карцову» (см. стр. 351). В тетрадях есть также приписки Карцова, его жены А. В. Панаевой-Карцовой, составителей и редакторов посмертных изданий Апухтина (принадлежность этих приписок тому или иному лицу не всегда удается определить с достаточной уверенностью).

Помимо тетрадей Хвостовой и Карцова, автографы и авторизованные списки стихотворений Апухтина обнаружены в собрании принцев Ольденбургских, в дневнике М. И. Чайковского, в письмах Апухтина к П. И. Чайковскому, в архиве А. В. Жиркевича, в фонде А. В. Панаевой-Карцовой, в альбомах и в письмах к разным лицам и в отдельных поступлениях в ранее упомянутые хранилища. В итоге выявлено 176 неопубликованных стихотворений Апухтина.

В свое время было предпринято несколько попыток собрать и издать неизвестные апухтинские стихотворения. Издатели первых посмертных сборников, располагая, по-видимому, бо́льшим, нежели мы, материалом, отнеслись к опубликованию новых стихотворений

Апухтина с осторожностью. Есть сведения о неосуществленных намерениях А. В. Жиркевича в 1910-х годах издать собрание сочинений Апухтина, включающее новые произведения. В Центральном государственном архиве литературы и искусства сохранились (не полностью) корректурные листы подготовленного в 1918 г., но не состоявшегося издания Апухтина с неопубликованными текстами из тетрадей Хвостовой и Карцова. Есть основание полагать, что это издание было составлено поэтом и библиографом П. В. Быковым. В его статье «Литературное наследие Апухтина (Юмористические стихотворения, впервые появляющиеся в печати)» («Нива», 1918, № 30) было опубликовано 16 новых стихотворений. Незадолго до Отечественной войны Ф. Н. Малинин готовил издание стихотворений Апухтина, в том числе и неизвестных, для «Библиотеки поэта». Работа эта, прерванная войной, осталась незавершенной ввиду смерти исследователя. В архиве «Библиотеки поэта» сохранились некоторые материалы Ф. Н. Малинина для этого издания, в том числе его примечания. Судя по этим материалам, Ф. Н. Малинин имел в своем распоряжении автографы и списки стихотворений Апухтина из частных собраний (А. В. Панаевой-Карцовой, В. А. Мазуркевича), а также располагал некоторыми сведениями, которые теперь не представляется возможным проверить. В отдельных случаях в комментариях к настоящему изданию составитель воспользовался данными Ф. Н. Малинина.

При поисках несобранных произведений Апухтина в периодических изданиях, в частности — в сатирических журналах 1860-х годов, возникают вопросы, связанные с установлением авторства. Так, ряд библиографов и мемуаристов (И. Ф. Масанов, Д. Д. Языков, П. В. Быков) указывают на участие молодого Апухтина в «Искре», «Гудке» и «Развлечении», называя псевдонимы: Сысой Сысоев, А. А., А. И. Все произведения, подписанные в «Искре» именем Сысоя Сысоева, есть в тетрадях Хвостовой или Карцова (встречаются они и в других копиях), но ни одного из стихотворений, напечатанных в «Искре» за подписью А. А. или А. И., ни в этих, ни в каких-либо других списках нет. Автором стихотворения «Палашка» («Искра», 1860, № 46, подпись: А. А.) И. Ф. Масанов считал Апухтина; по свидетельству П. А. Ефремова, более надежному, автором «Палашки» является А. Н. Аммосов (см. сборник «Поэты „Искры"», т. 2. «Библиотека поэта», Л., 1955, стр. 983). На основании утверждения П. В. Быкова (Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 117) о том, что Апухтин пародировал в «Искре» А. Н. Майкова, И. Ф. Масанов в «Словаре псевдонимов» приписывает ему стихотворение «Сон в летнюю ночь» («Искра», 1863, № 38, подпись: А. И.), хотя это вовсе не пародия на Майкова. «Сон в летнюю ночь» пародируется в «Искре» в стихотворениях «Сон в зимнюю ночь» (1859, № 45, подпись: А-ъ) и «Сон» (1862, № 11, подпись: А. Ж.), но, согласно тому же «Словарю псевдонимов», авторами их являются А. Н. Андреев и А. К. Жуковский. Таким образом, пока с уверенностью можно назвать один псевдоним Апухтина в «Искре» — Сысой Сысоев. В «Гудке» с такой подписью есть только эпиграмма «К портрету И. В. Вернадского». Что касается других стихотворений в «Гудке» и «Развлечении», подписанных инициалами А. А., то считать их апухтинскими нет достаточных оснований.

Остается нерешенным вопрос об авторстве Апухтина в отношении текстов некоторых романсов, приписываемых ему по традиции. Так, текстов романсов П. И. Чайковского «Он так меня любил...» и «Забыть так скоро...» ни в рукописном, ни в печатном наследии поэта нет. По данным Ф. Н. Малинина, ссылающегося на устный рассказ А. В. Панаевой-Карцовой и имевшийся у нее нотный экземпляр романса «Забыть так скоро...», правленный Апухтиным, стихотворение, положенное в основу романса, было настолько переделано композитором, что вызвало неудовольствие поэта (см. также «Музыкальное наследие Чайковского». М., 1958, стр. 435).

Возникают сомнения по поводу участия Апухтина в коллективном творчестве. В настоящий сборник не включено входившее ранее в издания Апухтина стихотворение «Кумушкам» («Иван Иваныч фан дер Флит...»). По данным мемуаристов, оно принадлежит в основном А. А. Голенищеву-Кутузову; Апухтин, очевидно, прибавил к нему только несколько строк («Наша старина», 1915, № 6, стр. 518 и № 11, стр. 1017).

В настоящее издание, являющееся самым полным собранием поэтических произведений Апухтина, вошло 263 стихотворения, представляющих наибольшую художественную ценность и историко-литературный интерес; 65 из них публикуются впервые. Все произведения расположены в хронологической последовательности. Два цикла, опубликованные в журналах («Деревенские очерки» и «Весенние песни»), из которых Апухтин включил в свои сборники всего три стихотворения, в настоящем издании восстанавливаются полностью. Юношеские стихотворения 1853—1858 гг., как менее зрелые, помещены в конце книги. Переводы, как и в издании 1886 г., печатаются в одном ряду с оригинальными произведениями. В особый раздел выделены юмористические стихотворения.

Тексты стихотворений, опубликованных при жизни автора, даны, как правило, по последней печатной редакции, исключая те случаи, когда есть более поздние списки, правленные автором.

Посмертные публикации, где это возможно, сверены по автографам или авторизованным спискам. При наличии нескольких авторизованных списков предпочтение отдается более позднему.

Ряд трудностей связан с датировкой стихотворений Апухтина. В прижизненных сборниках произведения были напечатаны без дат и расположены произвольно. Только в издании 1898 г. в связи с хронологическим расположением материала все стихотворения получили даты, хотя бы приблизительные. Многие из этих дат ошибочны. Так, стихотворение «Актеры», напечатанное в журнале «Время» в 1861 г., датировано концом 1860-х годов; «А. Н. Островскому», написанное к двадцатипятилетнему юбилею драматурга в 1872 г. и тогда же напечатанное в одном из журнальных обзоров в «Гражданине», датировано 1880-ми годами; так же датируется «Памяти Ф. И. Тютчева», хотя уже в 1876 г. оно было напечатано в сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» и т. п. Однако во многих случаях, за отсутствием других данных, стихотворения и настоящем сборнике датируются по изданию 1898 г. Некоторые даты этого издания удалось проверить. Так обстоит дело с ранними стихотворениями, благодаря аккуратно датированным

спискам Хвостовой. Списки Карцова в отношении датировки источник менее надежный. С бо́льшей уверенностью можно принять в них даты стихотворений 1880-х годов. Даты более ранних произведений проставлены в ряде случаев неверно; иногда они приписаны позднее и часто другой рукой. Даже приписки автора (их не всегда можно с уверенностью выделить) бывают ошибочны, так как сделаны через 20—30 лет после того, как были написаны стихотворения. Иногда приписки Апухтина уточняют не время, а место написания. Данные эти мало помогают выяснению дат, так как биография поэта в подробностях не известна.

Стихотворения датированы, как правило, в соответствии с данными источника, по которому они печатаются в настоящем сборнике. При отсутствии таких данных в примечании указан источник датировки. Случаи расхождения сведений о времени написания стихотворения в различных списках или публикациях, если они не являются бесспорно ошибочными, отмечены в примечаниях. Даты, заключенные в угловые скобки, означают год, не позднее которого (по тем или иным сведениям) написано произведение, в том числе и год первой публикации. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Ссылки на первую публикацию без дальнейшего указания на источник текста означают, что стихотворение не перепечатывалось или при перепечатке не подвергалось изменениям. Авторизованные списки указываются лишь в тех случаях, когда они отличаются от текста стихотворения, печатающегося в настоящем издании, или содержат какие-нибудь дополнительные данные.

Сведения о музыкальных переложениях произведений Апухтина не претендуют на исчерпывающую полноту.

В конце книги приводится список не включенных в нее стихотворений Апухтина.

Составитель выражает признательность И. Г. Ямпольскому за помощь при подготовке настоящего издания.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ДМЧ — Отдел рукописей Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.

Изд. 1886 г. — Стихотворения А. Н. Апухтина. СПб., 1886.

Изд. 1893 г. — Стихотворения А. Н. Апухтина. Изд. 3-е. СПб., 1893.

Изд. 1895 г. — Сочинения А. Н. Апухтина. Изд. 4-е, доп., в двух томах. СПб., 1895. Том 1.

Изд. 1896 г. — Сочинения А. Н. Апухтина. 2-е посмертное, доп. изд. СПб., 1896.

Изд. 1898 г. — Сочинения А. Н. Апухтина. 3-е посмертное, доп. изд. СПб., 1898.

МТ — Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

Разночт. — разночтение.

СпК — список в тетради Г. П. Карцова. Цифра обозначает номер тетради; при отсутствии цифры имеются в виду обе тетради.
СпХ — список в тетради Е. А. Хвостовой. Цифра обозначает номер тетради; при отсутствии цифры имеются в виду обе тетради.
СпЧ — список М. И. Чайковского в его дневнике 1868—1869 гг. (ДМЧ).
Ст. — стих.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДЕРЕВЕНСКИЕ ОЧЕРКИ

Впервые — «Современник», 1859, № 9, стр. 47—55. В изд. 1886 г. вошли только два стихотворения: «Проселок» и «Вчера у окна мы сидели в молчаньи...» (последнее включено в цикл «Из весенних песен»; см. примечание к циклу «Весенние песни», стр. 331). Цикл, за исключением двух оговоренных ниже случаев, печ. по «Современнику».

1. Посвящение. Датируется по СпХ, где имеется приписка: «СПб.». СпК1 — с разночт. Посвящено памяти матери, Марии Андреевны Апухтиной (1821—1859), смерть которой поэт тяжело переживал. Несколько ранее он писал о ней: «Мать моя — урожденная Желябужская — женщина ума замечательного, одаренная теплым симпатичным сердцем и самым тонким изящным вкусом. Ей, сколько мне кажется, обязан я этими порывами сердца высказывать свои ощущения» (из письма к П. А. Валуеву от 14 февраля 1856 г., ПД. Адресат установлен на основании ответного письма Валуева от 21 февраля 1856 г., хранящегося в фонде Апухтина в ЦГАЛИ). Положено на музыку П. Г. Татариновым.

2. В полдень Датируется по СпХ; в первом из них заглавие — рукой Апухтина, во втором — приписка: «Павлодар». СпК2 без заглавия.

3. Проселок. Датируется по СпХ, где текст, близкий к «Современнику», и приписка: «Павлодар». В изд. 1886 г. изъяты ст. 17—18 и 23—24; ст. 25:

Вот навстречу бодро мужичок шагает
ст. 29—31: Там стоят ракиты по порядку чинно,
Тянутся обозы вереницей длинной,
Из столиц идет там всякая новинка...

В СпК1 текст, близкий к изд. 1886 г.

4. Песни. Печ. по СпХ1, правленному Апухтиным. В «Современнике» 4-я строфа изъята цензурой (см. вступ. статью, стр. 21). В СпК2 текст «Современника». В статье Н. Г. Леонтьева «Добролюбов — пародист» (Ученые записки Ленинградского университета, серия филологич. наук, вып. 30, 1957, стр. 120) высказано предположение, что стихотворение Н. А. Добролюбова «Существенность и поэзия» («Современник», 1860, № 5, «Свисток») — пародия на «Песни» Апухтина.

5. Летней розе. Датируется по СпХ, где озаглавлено «Первой розе» и имеются разночт.

6. «Вчера у окна мы сидели в молчаньи...». Датируется по СпХ, где имеется приписка: «Павлодар». В изд. 1886 г. с разночт. В СпК1 текст изд. 1886 г. Положено на музыку И. Добровейн.

7. Грусть девушки. Датируется по СпХ.

8. Сосед. СпК2 озаглавлен «Сосед (В. Е. Спичков)». Датируется по СпХ. Списки с разночт. Не исключено, что стихотворение Н. Грекова «Сосед» («Искра», 1862, № 24, стр. 337) — пародия на «Соседа» Апухтина.

9. Селенье. Печ. по СпХ. В «Современнике» две последние строки 5-й строфы и 7-я строфа изъяты цензурой. В СпК2 текст «Современника».

10. Прощание с деревней. Датируется по СпХ, где имеются разночт. и приписка: «Павлодар».

Расчет («Я так тебя любил, как ты любить не можешь...»). Печ. впервые по СпХ.

«Гремела музыка, горели ярко свечи...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 291. Датируется по СпХ. В СпК2 дата: 1857. Положено на музыку В. С. Муромцевским, П. Перацким.

Memento mori. Впервые — «Современник», 1859, № 11, стр. 222. Печ. по изд. 1895 г., стр. 308, где текст совпадает со СпК2, правленным Апухтиным. Датируется по СпХ; во втором из них приписка: «СПб.». Основные варианты СпХ1:

ст. 5: На пышном ложе ли, на плахе ли, в волнах
ст. 7: Напьются ли попы на тех похоронах

В СпХ2:

ст. 7—8: Поплачут ли они на тех похоронах
Иль одинокого свезут меня в могилу

«Глянь, как тускло и бесплодно...». Печ. впервые по СпК2. Датируется по СпХ; в первом из них приписка: «Перед балом (скверный день)». Написано накануне бала в Царскосельском лицее. См. следующее примечание.

19 октября 1858 года. Впервые — «Современник», 1859, № 11, стр. 221. Датируется по СпХ2, правленному Апухтиным; приписка: «Лицей, во время бала». В СпХ1 и СпК2 ст. 14: «Я слышу смех толпы, я вижу труп кровавый»; в СпХ2: «Ликующая знать хоронит труп кровавый». Написано во время бала в честь годовщины Царскосельского лицея.

Из Ленау («Вечер бурный и дождливый...»). Перевод стихотворения Ленау «Schilflieder, 1» из цикла «Lotte». Впервые — «Современник», 1859, № 11, стр. 223. Датируется по СпХ, где текст с разночт. *Ленау* — псевдоним австрийского поэта-романтика Николауса Нимбша фон Штреленау (1802—1850).

Из Гейне («Меня вы терзали, томили...»). Перевод стихотворения Гейне «Sie haben mich gequälet...» («Buch der Lieder», цикл «Lyrisches Intermezzo»). Впервые — изд. 1895 г., стр. 311. Датируется по СпХ, где текст с разночт.

Из Байрона («Мечтать в полях, взбегать на выси гор...»). Перевод строф XXV и XXVI из 2-й песни «Чайльд Гарольда» Байрона. Впервые — изд. 1896 г., стр. 513. Печ. по СпК2, правленному Апухтиным. Датируется по СпХ, где текст с разночт.

Молодая узница. Перевод стихотворения А. Шенье «La jeune Captive». Впервые — изд. 1886 г., стр. 200. Датируется по СпХ, где текст с разночт. *Шенье* Андре (1762—1794) — французский поэт; обвиненный в участии в контрреволюционном заговоре, был казнен якобинцами. *Филомела* (греч. миф.) — царевна, превращенная в соловья; здесь: соловей.

Из Гейне («Три мудрых царя из полуденных стран...»). Перевод стихотворения Гейне «Die heil'gen drei Könige aus Morgenland...» («Buch der Lieder», цикл «Die Heimkehr»). Печ. впервые по СпК2. Датируется по СпХ, где имеются разночт. и авторская правка. *Вифлеем* — город в Палестине, где, по преданию, родился Христос. *Звезда золотая их с неба вела* и т. д. Согласно евангельской легенде, три волхва (мудреца) с Востока пришли поклониться младенцу Христу; путь в Вифлеем им указывала звезда, плывшая по небу и остановившаяся над тем местом, где находился Христос.

Из Гейне («Я каждую ночь тебя вижу во сне...»). Перевод стихотворения Гейне «All nächtlich im Traume seh' ich dich...» («Buch der Lieder», цикл «Lyrisches Intermezzo»). Печ. впервые по СпХ.

<Н. А. Неведомской>. Впервые — «Русская старина», 1906, № 12, стр. 668, в «Очерках моих воспоминаний» Н. А. Неведом-

ской-Динар. Автограф в альбоме Н. А. Неведомской (ЦГАЛИ). СпК2 с разночт., озаглавлен «Певице (г-же Неведомской)». В своих воспоминаниях Неведомская рассказывает о встречах с И. С. Тургеневым и с Апухтиным; в 1858 г. молодой поэт часто бывал у нее в доме.

Греция. Впервые — «Время», 1861, № 3, стр. 231. СпК1 с разночт. Датируется по СпХ, где ст. 19 читается: «Но идолами великими толпы. . .» *Щербина* Николай Федорович (1821—1869) — поэт школы «чистого искусства», автор антологических стихотворений. *Эрос* (греч. миф.) — бог любви; здесь: любовь. *Хиосский слепец* — Гомер. *Гетера* — см. стр. 359. *Нарцисс* (греч. миф.) — прекрасный юноша, умерший от любви к своему изображению. *Где царь пред статуей любовью пламенел.* Согласно древнегреческому мифу, скульптор Пигмалион, царь Кипра, влюбился в созданную им статую Галатеи. *Леда* (греч. миф.) — дочь царя Этолии; плененный ее красотой Зевс явился к ней в образе лебедя. *Аспазия* (V в. до н. э.) — жена греческого государственного деятеля Перикла, славившаяся красотой и умом. *Ганимед* (греч. миф.) — юноша, за красоту похищенный богами, любимец и виночерпий Зевса.

«Волшебные слова любви и упоенья. . .». Впервые — изд. 1886 г., стр. 149. Автограф в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ). Датируется по СпХ. Положено на музыку С. А. Зыбиной, Н. Кочетовым.

В горькую минуту. Печ. впервые по СпХ.

«Когда так радостно в объятиях твоих. . .». Впервые — изд. 1895 г., стр. 316. Датируется по СпХ, где есть разночт. Положено на музыку В. С. Муромцевским.

«Мне было весело вчера на сцене шумной. . .». Печ. впервые по СпХ. Написано на следующий день после участия Апухтина в любительском спектакле «Что имеем не храним, потерявши плачем» (водевиль С. П. Соловьева). В СпХ2 приведено следующее стихотворение с припиской: «Куплет, сказанный экспромтом по окончании пьесы «Что имеем не храним, потерявши плачем», 18 апреля 1859 г.»:

Для вас так много мы трудились,
И вот в один и тот же час
Мы развелись, и помирились,
И даже плакали для вас.
Нас слишком строго не судите,
Ведь с вами, право, господа,
Хотите ль вы иль не хотите,
Мы разведемся навсегда.

Ряд мемуаристов (А. Ф. Кони, А. А. Стахович и др.) отмечают артистические способности Апухтина. Стахович, вспоминая о превосходном

исполнении Апухтиным роли Фамусова, сообщает, что поэт «прошел многие ступени ролей в «Горе от ума». В первый раз в любительском спектакле он играл лакея Чацкого» (Клочки воспоминаний. М., 1904, стр. 122). Об исполнении роли Молчалина писал и сам Апухтин в 1863 г. в письме к П. П. Мещерскому (ГПБ). В Литературном музее Института русской литературы Академии наук сохранилась фотография Апухтина в роли Фамусова. В 1859 г. поэт принимал участие в литературных вечерах и любительских спектаклях в пользу Литературного фонда.

«Мы на сцене играли с тобой...». Печ. впервые по СпК2. Датируется по СпХ, где текст с разночт.; в первом из списков зачеркнуто заглавие «Н.П.К.», второй список правлен Апухтиным. *Мы на сцене играли с тобой.* См. предыдущее примечание.

«Какое горе ждет меня?..». Печ. впервые по СпК2, правленному Апухтиным. Датируется по СпХ, где текст с разночт. Написано в связи со смертью 23 апреля 1859 г. матери поэта (см. о ней на стр. 326).

«Ни веселья, ни сладких мечтаний...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 58. В СпК2, СпХ и в СпЧ озаглавлено «Матери»; списки с разночт.; после слов «Он на грудь мне всей тяжестью лег» следуют 4 строки, отсутствующие в печатных изданиях:

Ослабели забитые силы,
Тяжело утомленным ногам...
Добреду ли я с ним до могилы
Или с жизнью стряхну его сам...

Датируется по СпХ, где имеется приписка: «Павлодар».

«Когда был я ребенком, родная моя...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 321. Датируется по СпХ, где озаглавлено «На могиле»; приписка: «Село Александровское». На кладбище села Александровского, Болховского уезда, Орловской губернии похоронена мать Апухтина. Положено на музыку Ф. Ю. Бенуа, А. И. Гурович.

«О, боже, как хорош прохладный вечер лета...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 102. СпК2 правлен Апухтиным. Датируется по СпХ, где озаглавлено «В летний вечер»; разночт. и помета: «Павлодар». Автограф ст. 1—16, адресованный Никитиной, в собр. И. В. Помяловского (ГПБ). Положено на музыку Н. Амани, Г. Э. Конюсом, Д. Кайгородовым.

«Безмесячная ночь дышала негой кроткой...». Печ. впервые по СпК2. Датируется по СпХ, где заглавие «Сон» и приписка: «Игино»; во втором из списков посвящение: «Е. В. С—ф—ч», т. е. Е. В. Сафанович, в замужестве Лазаревской, по-видимому дочери В. И. Сафановича, бывшего в 1854—1866 гг. орловским губернатором.

«Я люблю тебя так оттого...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 164. Датируется по СпХ; во втором из них заглавие «Ей же» (т. е. Е. В. Сафанович, см. предыдущее примечание). В конце СпК1 приписано позднее, по-видимому Апухтиным: «M-me Лазаревской, рожд. Е. Сафанович» и дата: Орел, 1859. Положено на музыку А. Н. Шефер.

«Не в первый день весны, цветущей и прохладной...». Печ. впервые по СпК2, где посвящение А. И. Чайковской зачеркнуто. Датируется по СпХ, где имеется приписка: «Дача Галова»; в первом из списков заглавие: «А. И. Ч.», во втором: «Ал. Ил. Чайковской». Чайковская Александра Ильинична (1842—1891) — сестра П. И. Чайковского, в замужестве Давыдова. Лето 1859 г. семья Чайковских проводила на даче Галова под Петербургом.

Маю. Впервые — изд. 1886 г., стр. 179. Датируется по изд. 1898 г.

ВЕСЕННИЕ ПЕСНИ

Впервые — цикл из шести стихотворений — «Русское слово», 1860, № 4, стр. 285—287, с общей датой: 1859. В изд. 1886 г. стихотворение «Весенней ночи сумрак влажный...» было включено Апухтиным в цикл «Из весенних песен», куда вошли также стихотворения: «Вчера у окна мы сидели в молчаньи...», напечатанное в «Современнике» в составе «Деревенских очерков» (см. стр. 61), и стихотворение «Опять весна! Опять какой-то гений...», опубликованное в 1862 г. в журнале «Время». В настоящем издании последнее стихотворение присоединено к циклу «Весенние песни».

1. «О, удались навек, тяжелый дух сомненья...». Датируется по СпХ2, где озаглавлено «Первая весенняя песнь» и имеются разночт.

2. «Опять я очнулся с природой!..». Датируется по СпХ2, где озаглавлено «Вторая весенняя песнь».

3. «Весенней ночи сумрак влажный...». Печ. по изд. 1886 г., стр. 151. Датируется по СпХ, где текст «Русского слова» и приписка: «Павлодар». Положено на музыку А. А. Олениным, И. Добровейн, Г. Л. Катуаром.

4. «Затих утомительный говор людей...». В СпХ озаглавлено «Ночная греза», в СпК2 — «Nocturno». Датируется по СпХ.

5. Пробуждение. Датируется по СпХ, где имеется приписка: «Павлодар».

6. Утешение весны. Датируется по СпХ; во втором из них приписка: «Петербург». СпК2 озаглавлен «Голос весны».

7. «Опять весна! Опять какой-то гений...». Впервые — «Время», 1862, № 6, стр. 305, с заглавием «Весна». Печ. по изд. 1886 г., стр. 152. СпК1 правлен Апухтиным. Во «Времени» между 1-й и 2-й строфой имеются еще 2 строфы:

Но грустно мне! От городского шума
Напрасно я спастись бежал сюда:
И здесь меня гнетет всё та же дума,
И здесь мне злая чудится беда.
Засну ли я — в тиши мне снятся грозы,
В немой тоске томлюсь я наяву...
И падают из глаз усталых слезы
На свежую, немятую траву...

И кажется, чего б еще мне надо?
Здесь люди до́бры, день мой без трудов,
А вечером из дремлющего сада
Ко мне доходит запах от цветов;
А ночью звезды с высоты бездонной
Хранят безмолвно мирный сон полей,
И, не боясь насмешки фельетонной,
Один поет до утра соловей...

Положено на музыку Г. Л. Катуаром.

Памяти Мартынова. Впервые — «Русский мир», 1860, № 73, 21 сентября, с примечанием: «В этом стихотворении автор представляет себе покойного Мартынова в двух ролях: одной — комической, в комедии «Жених из долгового отделения», и другой — трагической, в драме „Гроза"». Время написания определяется датой смерти Мартынова (16 августа) и публикацией стихотворения. *Мартынов* Александр Евстафьевич (1816—1860) — драматический актер. В комедии И. Е. Чернышева «Жених из долгового отделения» Мартынов исполнял роль Ладыжкина, в «Грозе» А. Н. Островского — Тихона. Об увлечении Апухтина талантом Мартынова рассказывает П. В. Быков в книге «Силуэты далекого прошлого». М.—Л., 1930, стр. 211.

Из поэмы «Последний романтик». Впервые — изд. 1886 г., стр. 195. Датируется по СпК1. Других частей поэмы «Последний романтик» или сведений о замысле ее не обнаружено. *Акафист* — род хвалебного церковного песнопения, хвала. «Chanson à boire» была положена на музыку С. Донауровым, М. Данилевской, Н. Шишкиным, бытовала как цыганский романс.

Актеры. Впервые — «Время», 1861, № 12, стр. 410, с посвящением А. Мосолову. Печ. по изд. 1886 г., стр. 93. СпК1 правлен Апухтиным. Стихотворение «В театре» («Часто, наскучив игрой бесталан-

ною...») (см. стр. 313) можно рассматривать как ранний вариант стихотворения «Актеры». По воспоминаниям современников (М. И. Чайковского, А. Ф. Кони и др.), Апухтин был великолепным исполнителем своих произведений; в частности, по свидетельству Кони, он любил читать стихотворение «Актеры».

Современным витиям. Впервые — «Время», 1862, № 2, стр. 524. Печ. по СпК1, правленному Апухтиным. В журнале ст. 1—2:

Посреди безмолвных и послушных,
Посреди доверчивых глупцов

П. В. Быков вспоминает, что Апухтин «очень дорожил этим стихотворением, пояснив, что оно написано в один из самых горьких моментов его юношества, моментов, близких к отчаянию» (Силуэты далекого прошлого. М.—Л., 1930, стр. 118). В фельетоне «Дневник темного человека» («Русское слово», 1862, № 3, стр. 6) Д. Д. Минаев поместил пародию на это стихотворение: «Посреди журнальных погремушек...».

В театре («Покинутый тобой, один в толпе бездушной...»). Печ. впервые по автографу во второй тетради Хвостовой.

Петербургская ночь («Холодна, прозрачна и уныла...»). Печ. впервые по автографу во второй тетради Хвостовой.

Судьба. Впервые — изд. 1886 г., стр. 190, без 4-й строфы, по-видимому изъятой цензурой. Печ. по автографу во второй тетради Хвостовой. Датируется по СпЧ, где имеется посвящение П. И. Чайковскому. В СпК1 4-я строфа вычеркнута. Основная тема Пятой симфонии Бетховена — борьба с судьбой. *Судьба, как грозный часовой* — отзвук стихотворения А. С. Пушкина «Анчар»: «Анчар, как грозный часовой...». Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

Смерть Ахунда. Печ. впервые по СпК2. Автограф во второй тетради Хвостовой с разночт.: вместо ст. 37—40:

А я? Я целый день с тоскою выжидала
Условную звезду;
Я обманула всех, я матери сказала,
Что спать к себе иду,
Я деньги раздала привратницам и слугам...
Почти обнажена,
В безмолвной полночи, чтоб повидаться с другом,
Бежала я одна.

Ахунд — почтенное, уважаемое лицо, подобие священного титула у магометан.

Романс («Помню, в вечер невозвратный...»). Печ. впервые по СпК2. Автограф во второй тетради Хвостовой. Датируется по месту в тетради среди стихов, помеченных 1863 г.

Из поэмы «Село Колотовка». Печ. впервые по СпК1. Других частей или упоминаний о замысле поэмы не обнаружено. Публикуемый отрывок написан, очевидно, в связи с пребыванием Апухтина в родных местах в 1863—1864 гг., во время службы в Орле.

Минуты счастья. Впервые — изд. 1886 г., стр. 144. Черновой автограф — в ЦГАЛИ (фонд Апухтина). Датируется по СпК1. Автоперевод на французский язык — «Où est le bonheur» — изд. 1895 г., стр. 340. Положено на музыку А. С. Аренским, Г. Л. Катуаром, А. Н. Шефером, Н. И. Харито, С. Сорокиным; входило в сборники цыганских романсов.

Пепите. Перевод стихотворения А. Мюссе «A Pèpa». Впервые — изд. 1886 г., стр. 206. Датируется по СпК1, правленному Апухтиным. *Мюссе* Альфред (1810—1857) — французский поэт-романтик, драматург, романист.

Две грезы. Впервые — изд. 1895 г., стр. 345. Датируется по изд. 1898 г.

Астрам. Впервые — изд. 1886 г., стр. 178. В СпК2 зачеркнутая 2-я строфа читается:

Если ж вы любите небо родное,
Если к чему-нибудь вы привязалися, —
Горько за вас мне и жалко вас вдвое...
Лучше б вовек вы с любовью не зналися!

Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку Н. А. Соколовым, К. Ю. Давыдовым, Е. Вильбушевичем, С. М. Блуменфельдом, В. И. Ребиковым.

Гаданье. Впервые — изд. 1886 г., стр. 74. СпК1 правлен Апухтиным. Датируется по изд. 1898 г. В дневнике А. В. Никитенко есть запись о чтении этого стихотворения Апухтиным (см. примечание к стихотворению «Солдатская песня о Севастополе», стр. 337). Положено на музыку А. Васильевым.

Дорожная дума. Впервые — «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 2, в числе шести стихотворений под общим заглавием «Песни былых годов», с разночт. Печ. по изд. 1886 г., стр. 125. Датируется по СпК1. После успеха «Года в монастыре» редакция «Русской мысли» обратилась к Апухтину с просьбой дать стихи для журнала. «Наконец я решил так, — писал Апухтин Г. П. Карцову 10 февраля 1885 г., сообщая об этих переговорах. — Будет общее название «Песни былых годов». В мартовской книжке в эту рубрику войдут:

«Моление о чаше», «Дорожная дума», «Любовь», «В убогом рубище...», «Когда Израиля...» и собственно для Александры Валерьяновны, как она всегда требовала pour la bonne bouche[1] — „Я ее победил“» (фонд Панаевой-Карцовой, ЦГАЛИ). Печатание «Песен былых годов» поэт предполагал продолжить. Во второй тетради Карцова рукой Апухтина под таким же общим заглавием с нумерацией 7—12 выписаны заглавия стихотворений: «В темную ночь, непроглядную...», «Нине», «День ли царит...», «Накануне», «Странствующая мысль», «Памятная ночь». Из-за разрыва с «Русской мыслью» (см. примечание к стихотворению «В убогом рубище, недвижна и мертва...», стр. 341) этот план не был осуществлен.

Ниобея. Впервые — «Русская мысль», 1885, № 2, стр. 369. Печ. по изд. 1886 г., стр. 69. В СпК1 приписка Апухтина: «От Ржева до Твери на пароходе из деревни m-me Есиповой 66 или 67 годах». Датируется на основании данных о пребывании Апухтина в Тверской губернии летом 1867 г. По поводу публикации «Ниобеи» в «Русской мысли» поэт писал Г. П. Карцову 22 февраля 1885 г.: «В оглавлении сказано: заимствовано из «Метаморфоз» Овидия. Это необходимая предосторожность. Если бы не было ничего сказано, меня обвинили бы в том, что я украл у Овидия; если бы было сказано из Овидия, меня обвинили бы, что я неточно перевел» (фонд Панаевой-Карцовой, ЦГАЛИ). Содержанием стихотворения послужил древнегреческий миф о Ниобее, известный в поэтической обработке римского поэта *Овидия* Публия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) в его книге *«Метаморфозы»*. Жена царя Фив *Амфиона,* мать семи сыновей и семи дочерей, *Ниобея* оскорбила жену Зевса *Латону*, мать близнецов *Аполлона* и *Артемиды,* укорив ее в том, что у нее всего двое детей. За это Ниобея была наказана богами гибелью всех ее четырнадцати детей и превращена в скалу, источающую слезы. В библиотеке Института русской литературы Академии наук СССР сохранился принадлежавший Апухтину экземпляр «Метаморфоз» Овидия в переводе Фета. По данным Ф. Н. Малинина, ссылающегося на письмо А. В. Жиркевича к Е. К. Остен-Сакен, в этой книге на странице, где напечатано сказание о Ниобее, была вложена записка Апухтина следующего содержания: «Пожалуй, моя Ниобея, написанная по памяти, без подлинника, тотчас после оживленного спора о скандинавских сагах, русском былинном эпосе, греко-римской мифологии, германских нибелунгах и пр. с пассажирами на пароходе из Ржева в Тверь, все же лучше, чем этот фетовский подстрочник. Кстати, спросить черновик у Володи <Жедринского>, чтобы переделать всё по-новому».

«Я ждал тебя... Часы ползли уныло...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 514. Датируется по СпК2. По данным Ф. Н. Малинина, было написано как романс для солистки цыганского хора Соколова Анны Захаровны Шишкиной; впоследствии вошло в сборники цыганских романсов. Положено на музыку А. А. Олениным,

[1] На закуску (франц.). — *Ред.*

А. С. Аренским, В. С. Муромцевским, М. О. Штейнбергом, В. С. Косенко, Г. Э. Конюсом, В. Бюцовым, Г. Базилевским.

«Ни отзыва, ни слова, ни привета...». Впервые — «Album de madame Olga Kozlow», М., 1883, стр. 29, с заглавием «Романс». Печ. по изд. 1886 г., стр. 163. Датируется по СпК1. В альбоме Козловой дата записи: 12 ноября 1869 г. Положено на музыку П. И. Чайковским, Ц. А. Кюи.

К морю. Впервые — изд. 1896 г., стр. 514. В списке, сделанном, по-видимому, кем-то из Жедринских (фонд Апухтина, ЦГАЛИ), приписка: «Приблизительно 1865—1866 гг.». Датируется по изд. 1898 г.

Моление о чаше. Впервые — «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 1. Печ. по изд. 1886 г., стр. 82. Автограф — в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В СпК1, правленном Апухтиным, приписка: «В Петергофе». В «Русской мысли» последняя строка читается: «Враждебные сонмы народа». Датируется по изд. 1898 г. В основу стихотворения положен евангельский рассказ о молитве Христа богу-отцу в Гефсиманском саду перед тем, как он был осужден на казнь.

Ночь в Монплезире. Впервые — «Гражданин», 1873, № 1, стр. 21, подпись: Б. Вошло в изд. 1886 г. В СпК1, правленном Апухтиным, приписка: «Петергоф С. в полку». Список в собр. П. Я. Дашкова (ПД) с разночт. Датируется по изд. 1898 г. *Монплезир* — летний дворец Петра I на берегу Финского залива в Петергофском парке.

Осенние листья. Впервые — «Гражданин», 1872, № 3, стр. 79, подпись: А., дата: 1868 г. и приписка: «Село Покровское». СпК1 правлен Апухтиным. Вошло в изд. 1886 г. Написано в селе Покровском под Москвой, в имении Глебовых-Стрешневых, князей Шаховских в сентябре 1868 г.

«Осенней ночи тень густая...». Печ. впервые по СпК2, где имеется приписка: «С. Покровское». Датируется на основании данных о пребывании Апухтина в селе Покровском в 1868 г.

Странствующая мысль. Впервые — «Северный вестник», 1886, № 1, стр. 191. Вошло в изд. 1886 г. Датируется по СпК1. 3 октября 1885 г. Апухтин сообщил Г. П. Карцову о своем знакомстве с редактором «Северного вестника» А. М. Евреиновой и намерении дать что-нибудь для январской книжки журнала (письма Г. П. Карцову, фонд Панаевой-Карцовой, ЦГАЛИ).

«Мне снился сон (то был ужасный сон!)...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 516. Датируется по СпК1. *Пигмалион, Галатея* — см. стр. 329, примечание к стихотворению «Греция».

К Гретхен. Впервые — «Гражданин», 1872, № 7, стр. 234, подпись: А. Печ. по автографу в альбоме Г. П. Данилевского (ГПБ), где дата записи: 14 октября 1869 г. В СпК1 текст «Гражданина». Печатая стихотворение в «Вестнике Европы» (1894, № 4, стр. 798), К. Д. Бальмонт ошибался, считая, что ранее оно не публиковалось. Датируется на основании данных о постановке оперетты и записи в альбоме Данилевского. Стихотворение написано под впечатлением представления французской оперетты «Маленький Фауст», музыка Флоримона Эрве, либретто Кремье (в русском переводе В. С. Курочкина она шла под названием «Фауст наизнанку»), поставленной в Петербурге летом 1869 г. Маргарита в «Маленьком Фаусте» была изображена кокоткой. Оперетта была воспринята как грубая профанация великого произведения Гёте и вызвала нарекания в прессе. *Твой творец* — Гёте.

Солдатская песня о Севастополе. Впервые — изд. 1886 г., стр. 67. Печ. по изд. 1893 г., стр. 67. СпК1 озаглавлен «Песня о Севастополе». Датируется по СпЧ, где озаглавлено «Введение к песням о Севастополе». В «Дневнике» А. В. Никитенко 14 января 1871 г. сделана запись о том, что накануне он слышал в чтении Апухтина стихотворения «Севастополь» и «Гадальщица»: «Я вообще мало доверяю стихам нынешних новых поэтов, но настоящие, к моему удовольствию, оказались прекрасными, особенно „Севастополь"» (Дневник, т. 3. Л., 1956, стр. 193). Заголовок в СпЧ наводит на мысль, что был задуман или существовал цикл подобных песен. Тема Севастопольской обороны была близка Апухтину (см. примечание к стихотворению «Эпаминонд», стр. 366). *Очаков*. Речь идет об осаде турецкой крепости Очаков русскими войсками во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. *Как сходили враги без числа с кораблей* и т. д. Во время Крымской кампании 1853—1856 гг. России противостояла коалиция Англии, Франции, Турции и Сардинии. *И одиннадцать месяцев длилась резня* и т. д. Героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся с сентября 1854 г. по август 1855 г., сковала главные силы врага.

«Сухие, редкие, нечаянные встречи...». Впервые — «Северный вестник», 1886, № 1, стр. 192. Вошло в изд. 1886 г. СпК1 правлен Апухтиным. В СпЧ текст с поправками рукой Апухтина и зачеркнутым заглавием «Валуеву», представляющий собой раннюю редакцию стихотворения:

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой холодный разговор,
Твои рассчитанно-уклончивые речи
И твой умышленно тяжелый строгий взор —
Всё говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было... но прошло,
И в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.

По-прежнему везде неотразимо
Вопрос меня тревожит роковой:
Что на сердце твоем? Царит ли в нем покой,
Или тоской оно томимо,
И где-то ты теперь, и кто теперь с тобой.
По-прежнему тот день я ненавижу,
Когда не выскажу тебе моей тоски,
Твоей приветливой улыбки не увижу
И не пожму твоей руки.

Датируется по записи первой редакции в дневнике М. И. Чайковского, относящемся к 1869 г., и по дате окончательной редакции, указанной в изд. 1898 г. Валуев Алексей Алексеевич (1849—1904) — правовед, однокурсник М. И. Чайковского, приятель Апухтина.

На бале («Блещут огнями палаты просторные...»). Впервые — изд. 1886 г., стр. 171. В СпК1 примечание в сноске ко 2-й строфе: «Его матери». Датируется по СпК.

К молодости. Впервые — изд. 1886 г., стр. 150. Датируется по изд. 1898 г.

Реквием. Впервые — изд. 1886 г., стр. 45. СпК1 правлен Апухтиным; в СпЧ 2-я часть не полностью, 3-я часть отсутствует и 4-я часть с разночт. и поправками рукой Апухтина. Другая редакция 4-й части в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ), где она дана как самостоятельное стихотворение с первой строкой: «В ночь непроглядную с криком печали...». Датируется по изд. 1898 г. Эпиграфы взяты из заупокойного католического богослужения — реквием. 1-я, 2-я и 5-я части стихотворения представляют собой поэтическое переложение отдельных мест реквиема. Сохранилось интересное письмо П. И. Чайковского от 26 сентября 1893 г. по поводу «Реквиема» Апухтина, написанное в ответ на предложение Константина Романова (поэта «К. Р.») сочинить музыку на этот текст (см. вступит. статью, стр. 31—32).

«О, будь моей звездой, сияй мне тихим светом...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 60. Печ. по изд. 1893 г., стр. 60. Автограф (ДМЧ) на отдельном листе был вложен, очевидно, в одно из писем к П. И. Чайковскому. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку В. М. Орловым, С. Лаппо-Данилевским.

Ледяная дева. Впервые — изд. 1886 г., стр. 51. Датируется по изд. 1898 г.

Встреча. Впервые — изд. 1886 г., стр. 181. Датируется по изд. 1898 г.

«Опять в моей душе тревоги и мечты...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 189. Датируется по изд. 1898 г.

Королева. Впервые — изд. 1886 г., стр 88. Датируется по изд. 1898 г.

Будущему читателю. Впервые — «Album de madame Olga Kozlow». М., 1883, стр. 51. Вошло в изд. 1886 г. СпК1 правлен Апухтиным. Датируется по изд. 1898 г. Дата записи в альбоме О. А. Козловой — 25 января 1875 г. *Козлова* Ольга Александровна — жена поэта и переводчика Павла Алексеевича Козлова. Ее альбом с автографами известных русских и иностранных писателей был издан в 1883 г. в количестве 40 экз.; вторично — в 1889 г. (10 экз.). *Все струны порвались, но звук еще дрожит* и т. д. Ср. четверостишье С. Я. Надсона:

Не говорите мне: «он умер». — Он живет!
Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает! ..

(1886)

Старая цыганка. Впервые — «Новь», 1886, № 10, стр. 164. Вошло в изд. 1886 г. СпК1 с разночт. и припиской: «Диктовано мне А. Н. Апухтиным 9-го марта 1882 г у рыцарей». Рыцари — комната с изображением рыцарей на обоях в ресторане Чеснокова на Большой Конюшенной в Петербурге, где часто бывал Апухтин. Датируется по изд. 1898 г. Из-за неточностей в публикациях стихотворений «Разбитая ваза» и «Мухи» (см. стр. 348 и 342) Апухтин порвал отношения с редактором-издателем «Нови» М. О. Вольфом, однако последний, по выражению поэта, «держал в плену» «Старую цыганку» Не исключено, что стихотворение появилось в «Нови» вопреки желанию автора. П. Столпянский в статье «Кое-что о цыганах» утверждает, что фабула «Старой цыганки» «не была выдумана поэтом, и «осанистый князь» и «красавица цыганка Маша» были живыми лицами; этот рассказ весь полон реальными подробностями, взятыми из цыганской жизни» («Столица и усадьба», 1915, № 34, стр. 16). *Яр* — ресторан в Москве, славившийся цыганскими хорами, место кутежей московской знати. *Коренная* — Коренная пустынь, монастырь под Курском, известный ежегодными ярмарками.

А. С. Даргомыжскому. Впервые — изд. 1895 г., стр. 339. Датируется по изд. 1898 г. *Даргомыжский* Александр Сергеевич (1813—1869) — композитор; многие его музыкальные произведения написаны на тексты Пушкина. *Мы песни ждем твоей.* Очевидно, намек на работу Даргомыжского над оперой «Каменный гость». *Венец терновый* — выражение из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». *«Русалка»* — опера Даргомыжского (1855), написанная на сюжет одноименной драмы в стихах Пушкина. По свидетельству биографа Апухтина М. И. Чайковского, поэт восторженно относился к «Русалке», «не пропускал ни одного представления» (изд. 1895 г., стр. XXV). *Его тоскующую тень.* Ср. у Пушкина: «Его тоскующую лень» («Евгений Онегин», гл. 1-я).

A la pointe. Впервые — «Складчина». СПб., 1874, стр. 397. Печ. по изд. 1886 г., стр. 118. Автограф в собр. П. Я. Дашкова (ПД) совпадает с текстом в «Складчине». Список в альбоме М. Д. Жединской (ЦГАЛИ) с разночт.; 11-я строфа читается:

И, доблесть отцов забывая,
На оргию этой гурьбы
Ушла молодежь золотая
Позорить родные гербы.

Датируется по автографу. В стихотворении изображено традиционное великосветское гулянье на стрелке Елагина острова в Петербурге, происходящее вскоре после объявления франко-прусской войны. *Баден* — немецкий курорт. *Бисмарк* Отто (1815—1898) — в то время министр-президент и министр иностранных дел Пруссии.

«Приветствую вас, дни труда и вдохновенья!..». Впервые — «Гражданин», 1873, № 3, стр. 75, с заглавием: «Посвящается М. В.», подпись: Б. Печ. по изд. 1886 г., стр. 215. В «Гражданине» первые 4 строки читаются:

Ты прав — бывают дни, когда мой старый гений
Опять меня зовет приветливой рукой,
И тает грудь моя от сладких песнопений,
И ярко образы толпятся предо мной.

В СпК1 — редакция «Гражданина», заглавие «В. Мещерскому» и приписка: «Печатано в „Гражданине"»; та же редакция в СпЧ, озаглавленном «Кн. Мещерскому». После разрыва отношений с В. П. Мещерским, при подготовке изд. 1886 г. Апухтин снял заглавие и изменил начало стихотворения. Время написания определяется датой в «Гражданине» — 14 мая 1870 г. — и окончательной редакцией. Мещерский Владимир Петрович (1839—1914) — товарищ Апухтина по Училищу правоведения, реакционный журналист, редактор-издатель газеты «Гражданин». Одно время Апухтин был близок с Мещерским, потом они разошлись. «Когда-то, осыпая меня преувеличенными похвалами, — писал Апухтин М. И. Чайковскому в 1885 г., — Мещерский уговорил меня участвовать в «Гражданине», что не принесло мне ничего, кроме неприятностей. Потом без моего ведома и вопреки моему желанию поместил в своем сборнике несколько неизданных моих стихотворений, поступок беспримерный...» (ДМЧ). *Приветствую вас, дни труда и вдохновенья* — отзвук стихотворения А. С. Пушкина «Деревня»: «Приветствую тебя, пустынный уголок, Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...».

Умирающая мать. Впервые — изд. 1886 г., стр. 199. Датируется по изд. 1898 г. Французский источник не установлен. Положено на музыку С. М. Блуменфельдом.

Огонек. Впервые — изд. 1896 г., стр. 519. Датируется по изд. 1898 г.

«В убогом рубище, недвижна и мертва...». Впервые — «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 3. Печ. по изд. 1886 г., стр. 145. В СпК1 озаглавлено «Скерцо» и посвящено В. А. Жединскому; в СпК2 правка Апухтина и его же приписка: «Киев». В изд. 1898 г. датировано: в начале 1870-х годов. Очевидно, стихотворение следует датировать 1871-м годом, когда Апухтин до отъезда в начале июня за границу был в Киеве и встречался с В. А. Жединским (см. о нем на стр. 362). Опечатка в журнальном тексте («недвижима» вместо «недвижна») рассердила Апухтина: «Это привело меня в страшное бешенство, — писал он Г. П. Карцову 17 марта 1885 г. — Теперь, конечно, обвинят меня во всех газетах в незнании стихосложения... Очень рад поводу прервать сношения с «Русской мыслью»...» (фонд Панаевой-Карцовой, ЦГАЛИ).

«Истомил меня жизни безрадостный сон...». Впервые — «Гражданин», 1872, № 7, стр. 234, подпись: А. Вошло в изд. 1886 г. Автограф — в недатированном письме к виолончелисту и композитору Карлу Юльевичу <Давыдову> (отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). В этом письме Апухтин выразил неудовольствие по поводу переделки какого-то из его неопубликованных стихотворений для романса и, желая загладить недоразумение, предложил Давыдову новое: «Мне может быть только лестно, если такой художник, как Вы, черпаете вдохновение в моих стихах». Положено на музыку Г. Я. Фистулари, А. А. Олениным.

А. Н. Островскому. Впервые — «Гражданин», 1872, № 8, стр. 274, в статье «Двадцатипятилетний юбилей А. Н. Островского и его «Дмитрий самозванец» на петербургской сцене». В статье стихотворение приведено как «экспромт, которым на днях на скромном обеде в честь А. Н. Островского один из гостей, А. Н. А<пухтин>, приветствовал почтенного драматурга». СпК1 с подзаголовком «На обеде 18 февраля». Список в альбоме М. Д. Жединской (ЦГАЛИ) озаглавлен «Экспромт, сказанный А. Н. Апухтиным за обедом в день празднования 25-летнего юбилея Островского». Печатая стихотворение в «Северном вестнике» (1894, № 4, стр. 190), К. Д. Бальмонт ошибочно отнес его к числу ранее не опубликованных. В стихотворении упоминаются названия пьес Островского.

Твоя слеза. Впервые — изд. 1886 г., стр. 136. В изд. 1893 г. во 2-й строке опечатка: «твоя слеза». В СпК1 первоначальное заглавие «Слеза (романс)» исправлено Апухтиным на «Твоя слеза». Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку Б. Левензоном, Л. А. Осиповым, С. Н. Дягилевым, С. Н. Волконским, С. А. Зыбиной, Ф. Ю. Бенуа, В. Поллак.

Любовь. Впервые — «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 3. Печ. по изд. 1886 г., стр. 183. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку С. В. Юферовым; известно как цыганский романс на музыку А. Шишкина.

«О, смейся надо мной за то, что безучастно...». Впервые — изд 1886 г., стр. 148. Черновой автограф без подзаголовка — в ЦГАЛИ (фонд Апухтина). Датируется по изд. 1898 г. Французский источник не установлен. Положено на музыку П. Л. Гранд-Мезоном, Г. Э. Конюсом.

А. Н. Муравьеву. Впервые — в кн. М. О. Семенова «Воспоминание об А. Н. Муравьеве». Киев, 1875, стр. 134. Печ. по СпК1. Дата в СпК — Киев 1871 — менее вероятна, чем в хронологически точном повествовании М. О. Семенова, где говорится: «В июне <1873>, проездом через Киев, знакомый А. Н. <Муравьева> Апухтин оставил на память стихи, посвященные А. Н.». *Муравьев* Андрей Николаевич (1806—1874) — писатель, автор книг по истории религии и церкви. *Приют для отдыха* и т. д. Муравьев жил в Киеве неподалеку от Андреевской церкви, на холме, откуда открывался прекрасный вид на город.

«Черная туча висит над полями...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 209. Датируется по списку Жедринских (ЦГАЛИ, фонд Апухтина), где имеются разночт. О своей «страсти к природе», достигшей «крайнего предела», поэт тогда же — 25 июля 1873 г. — писал из Рыбницы П. И. Чайковскому: «Особенно люблю — просто до сумасшествия — шум деревьев; мне кажется, что они благосклонно и нежно охватывают меня своим говором, точно говорят: „Слушай нас, слушай, слушай: мы к тебе не переменимся, мы тебя не обидим, не будем язвить тебя, и без того тебе много горя..."» (ДМЧ). Положено на музыку А. А. Кошиц.

Марии Дмитриевне Жедринской («Когда путем несносным и суровым...»). Впервые — изд. 1898 г., стр. 145, под заглавием «М. Д. Ж—ой». Печ. по датированному автографу в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ). СпК1 и список Жедринских — с разночт. В СпК приписка: «Рыбницк<ий> вестник». *Жедринская* Мария Дмитриевна — жена курского губернатора А. Н. Жедринского, занимавшего эту должность в 1866—1881 гг. Апухтин был очень близок с семьей Жедринских, в особенности с сыновьями Марии Дмитриевны Владимиром и Александром. После смерти своей матери и раздела имущества с братьями поэт перестал ездить в родное село Павлодар и большей частью проводил лето в имении Жедринских Рыбница, Орловской губернии, где им был написан ряд стихотворений, в том числе «Год в монастыре». Судя по приписке в тетради Карцова, в Рыбнице существовал рукописный сборник или журнал, в котором Апухтин принимал участие.

Мухи. Впервые — «Новь», 1885, № 7, стр. 353. Печ. по изд. 1886 г., стр. 138 СпК1 правлен Апухтиным, с его припиской: «Рыбница 1880». Датируется по письму Апухтина к П. И. Чайковскому от 25 июля 1873 г., в котором поэт обещает в следующем письме прислать стихотворение «Мухи» (ДМЧ). «В «Нови» появились «Мухи», — писал Апухтин 22 февраля 1885 г. Г. П. Карцову. — На

этот раз Вольф прислал мне корректуру, на которой я усмотрел, что вместо «сильней и больнее» напечатано: «сильней и сильнее». Я поправил, а они напечатали по-своему. Вот до сих пор вышло там 2 стихотворения, — и две неприятности...» (см. примечание к стихотворению «Разбитая ваза», стр. 348). Положено на музыку А. В. Щербачевым, Е. Н. Греве-Соболевской.

Швейцарке. Впервые — изд. 1886 г., стр. 127. В СпК1 приписка: «Курск 1873». По данным Ф. Н. Малинина, стихотворение обращено к молодой француженке родом из Швейцарии, гувернантке дочери Жедринских. Останавливаясь проездом через Курск в доме губернатора, во время отсутствия гувернантки, Апухтин ночевал в ее комнате.

О цыганах. Впервые (1-я часть) — изд. 1895 г., стр. 364. Полностью печ. впервые по СпК1, правленному Апухтиным, с его припиской: «В год выпуска <из Училища правоведения> 1873. Что вписано в тетр<ади> Володиной, то до 1874». В отдельные периоды своей жизни Апухтин увлекался цыганской музыкой и пением, часто бывал у цыган. «Когда Таня поет: «Расставаясь, она говорила: не забудь ты меня на чужбине», я реву во всю глотку...» — писал он П. И Чайковскому (ДМЧ). *А. И. Гончаров* — друг Апухтина. *Живодерка* — рынок в старой Москве. *Индейца бедные сыны* — цыгане. *«Няня», «Лен»* — цыганские романсы. *Паша поет, не для ней, вишь, весна.* Имеется в виду цыганский романс «Не для меня придет весна». *Утро туманное, утро седое* — строка из стихотворения И. С. Тургенева «В дороге», ставшего популярным цыганским романсом.

Памяти Н. Д. Карпова. Впервые — изд. 1896 г., стр. 520. Датируется по СпК1. *Карпов* Николай Дмитриевич (1823—1873) — близкий друг семьи Апухтиных, знавший поэта с детских лет и имевший, по словам В. Н. Апухтина, «большое влияние на его жизнь» (письмо к А. В. Жиркевичу от 1 мая 1908 г. — Архив Жиркевича, МТ).

Падающей звезде. Впервые — изд. 1895 г., стр. 344. В СпК1 приписка: «Рыбница». Датируется по изд. 1898 г.

«Как бедный пилигрим, без крова и друзей...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 521. В альбоме Е. И. и Л. А. Боратынских (ЦГАЛИ) список (или автограф?) на отдельно вложенном листке с разночт. Датируется по изд. 1898 г.

Памяти Ф. И. Тютчева. Впервые — сб. «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». СПб., 1876, стр. 382. Печ. по изд. 1886 г., стр. 161. Два автографа: в альбоме Н. В. Гербеля (ГПБ), с текстом, как в «Братской помочи», и во французском письме к неустановленному лицу (фонд Апухтина, ЦГАЛИ), с текстом, близким к изд. 1886 г. В первой публикации

2-я строка 5-й строфы читается: «Язвительно смеясь над раболепным веком». Время написания определяется датой смерти Тютчева (1873) и письмом Н. В. Гербеля к Апухтину от 21 декабря 1875 г., в котором он просил дать для сборника «Братская помочь» одно из стихотворений, «например, „Памяти Ф. И. Тютчева"» (ПД). По свидетельству А. В. Жиркевича, «Апухтин восторгался Тютчевым, которого знал хорошо лично и которого читал вслух как-то особенно, точно священнодействуя...» («Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 499).

«В уютном уголке сидели мы вдвоем...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 160. Датируется по СпК1, где текст без заглавия или посвящения, с припиской: «Рыбница». О *М. Д. Жедринской* см. на стр. 342. Положено на музыку А. Васильевым, А. В. Щербачевым.

Венеция. Впервые — изд. 1886 г., стр. 35. В СпК2, правленном Апухтиным, строфа 9-я вписана его рукой. Дата в изд. 1898 г. — 1873 — неверна, так как Апухтин был в Венеции в 1874 г. Венеция поразила воображение поэта, о ней «можно писать целые томы», — говорится в его письме к П. П. Мещерскому от 21 мая <1874> (ГПБ). *Микьяли, Пезаро, Фоскари, Пучи* — старинные знатные венецианские роды. *Совет десяти* — орган правления Венецианской республики, созданный в 1310 г. и выполнявший также полицейские функции. *Роковой Лепантский бой.* Греческий город Лепанто, принадлежавший Венеции, в 1499 г. был захвачен Оттоманской империей. В 1571 г. в морском сражении вблизи этого города испано-итальянский флот ценой больших потерь одержал победу над турками, однако из-за расхождения в лагере союзников Венеции не удалось вернуть Лепанто. *Дож* — высший правитель Венецианской республики. *Веронезе* Паоло (1528—1588) — художник венецианской школы. *Генрих Третий* (1551—1588) — сын французского короля Генриха II, получивший польский престол; после смерти брата, французского короля Карла IX, тайно покинув Польшу, через Италию возвратился во Францию и стал французским королем. *Церковь Фрари* — знаменитая венецианская церковь, памятник архитектуры XIII—XV вв. *Канова* Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, его гробница находится в церкви Фрари. *Пытки, казни* и т. д. История Венецианской республики характеризуется ожесточенной междоусобной борьбой аристократических родов за власть. *Мост Dei Sospiri* — «Мост вздохов», прилегающий к зданию тюрьмы. *Марк* — собор святого Марка, знаменитый венецианский средневековый архитектурный памятник; вместе с прилегающей к нему площадью и окружающими ее зданиями образует архитектурный ансамбль — центр Венеции. *Твой лев* — геральдическое изображение льва, эмблемы Венеции, на мраморной колонне перед дворцом дожей. *Берег Лидо* — гавань в проливе, соединяющем Венецианский залив с морем.

«В темную ночь, непроглядную...». Впервые — «Северный вестник», 1886, № 1, стр. 190. Вошло в изд. 1886 г. Список

в собр. Ольденбургских (ГПБ) с разночт. Датируется по изд. 1898 г. *В темную ночь, непроглядную* — строка из цыганского романса.

«Праздником праздник». Впервые — изд. 1886 г., стр. 194. Датируется по изд. 1898 г. Написано под впечатлением пасхальной заутрени в московском Кремле. *«Праздником праздник»* — праздник из праздников, название пасхи в одном из пасхальных песнопений.

«Когда Израиля в пустыне враг настиг...». Впервые — «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 4. Вошло в изд. 1886 г. Датируется по изд. 1898 г. Начало стихотворения представляет собой изложение библейского стиха, обозначенного в эпиграфе. *Исход* — одна из книг Библии, повествующая об «исходе» евреев из Египта. Положено на музыку П. Чесноковым.

С курьерским поездом. Впервые — «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884, стр. 315. Печ. по изд. 1886 г., стр. 77. СпК1 правлен Апухтиным, с его припиской: «Петербург». Датируется по изд. 1898 г.

«В дверях покинутого храма...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 193. В СпК1 приписка: «Ораниенбаум». Датируется по изд. 1898 г.

«Ночи безумные, ночи бессонные...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 147. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку П. И. Чайковским, С. И. Донауровым, Е. Вильбушевичем; получило также распространение как популярный цыганский романс в музыкальной обработке А. А. Спиро, С. В. Зарембы, П. Веймарна.

Накануне. Впервые — изд. 1886 г., стр. 155. СпК2 правлен Апухтиным. Датируется по изд. 1898 г. *Самсон* — библейский герой, обладавший необыкновенной силой; был предан своей возлюбленной Далилой врагам — филистимлянам.

«В житейском холоде дрожа и изнывая...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 351. Автограф в письме к П. И. Чайковскому от 25 октября 1877 г. «Посылаю тебе маленькое стихотворение, — писал Апухтин. — Если найдешь возможным, напиши музыку и перешли мне. Оно написано в счастливую минуту, и я страстно желаю *петь* его. Пробовал сам написать романс — не удается» (ДМЧ). Положено на музыку В. С. Муромцевским.

Публика. Впервые — изд. 1886 г., стр. 137. В СпК1, правленном Апухтиным, в первоначальном подзаголовке «Во время представления Макбета» последнее слово исправлено на «Росси» и зачеркнут эпиграф: «Поклонник всякого успеха авторитета жалкий раб. Веневитинов». Датируется по СпК. *Росси* Эрнесто (1827—1896) — италь-

янский драматический актер-трагик, в 1877 г. впервые гастролировавший в России.

П. Чайковскому («Ты помнишь, как, забившись в „музыкальной...“»). Впервые — изд. 1895 г., стр. 356. Датируется по автографу в письме к П. И. Чайковскому от декабря 1877 г. (ДМЧ). 21 декабря 1877 г. композитор сообщил брату А. И. Чайковскому: «Получил сегодня письмо от Лели с чудным стихотворением, заставившим меня пролить много слез» (П. И. Чайковский. Письма к родным, т. 1. М., 1940, стр. 339). В стихотворении Апухтин вспоминает годы учения, проведенные вместе с П. И. Чайковским в стенах Училища правоведения. По свидетельству однокурсника Апухтина В. Н. Герарда, «направление и интерес <курса> были серьезные. Литература увлекала всех» (Воспоминания В. Н. Герарда. ДМЧ). В 1855—1856 гг группа учеников (среди них были А. Н. Апухтин, П. И. Чайковский, М В. Эртель, Ф. И. Маслов, В. Н. Герард) выпускала рукописный журнал «Училищный вестник». *«Музыкальная»* — комната для музыкальных занятий в Училище правоведения.

Графу Л. Н. Толстому. Впервые — изд. 1895 г., стр. 353. Датируется по СпК1; приписка: «Москва». Апухтин познакомился с Л. Н. Толстым, как он рассказывал А. В. Жиркевичу, у И. С. Тургенева (по-видимому, в 1850-х годах). Его отношение к Л. Н. Толстому, выраженное в этом стихотворении, так же как и в письме к П. И. Чайковскому в мае 1866 г. («Для меня в современной русской литературе есть только одно дорогое имя: Л. Толстой» — ДМЧ), изменилось в 1880-е годы, в связи с переломом в мировоззрении Толстого. Апухтин писал об этом А. В. Жиркевичу в январе 1891 г. (письмо частично опубликовано в «Историческом вестнике», 1906, № 11, стр. 484). 31 октября 1891 г. Апухтин обратился к Толстому с большим письмом (опубликовано в «Литературном наследстве», № 37—38, стр. 441), где, в частности, писал: «Давно уж я смотрю на Ваше превращение из художника в проповедника как на свое личное горе...». Письмо осталось без ответа. Письмо Апухтина к Толстому распространялось в списках; один из них сохранился в бумагах А. Ф. Кони (ПД), другой — во второй тетради Карцова.

Над связкой писем. Впервые — изд. 1886 г., стр. 211. Датируется по СпК2, правленному Апухтиным.

Братьям. Впервые — изд. 1886 г., стр. 132, вместе со стихотворениями «Равнодушный» и «К поэзии», под общим заглавием «Во время войны». Датируется по СпК1; две приписки: «Курск», «Москва». Написано по поводу русско-турецкой войны.

«Птичкой ты резвой росла...». Впервые — «Русский вестник», 1891, № 2, стр. 184. Вошло в изд. 1893 г. В СпК2, правленном Апухтиным, всего 3 строфы. В 1-й из них (2-й печатного текста) 3 первые строки в другой редакции:

Долго с любовью, с тоской
Слушал я песни заветные
Птички моей дорогой.

Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку Г. Л. Катуаром.

Две ветки. Впервые — изд. 1896 г., стр. 518, под заглавием «Две ветви». Печ. по СпК2. Датируется по изд. 1898 г.

«Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 139. В СпК1 зачеркнуто заглавие «Две чайки»; приписка Карцова: «Говорилось всегда под музыку А. А. Жедринского» и приписка Апухтина: «В Ревеле». Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку С. Голицыным, Р. М. Глиэром, С. С. Прокофьевым, А. В. Щербачевым, Ю. Геркен.

«Снова один я... Опять без значенья...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 522. СпК1 правлен Апухтиным. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку В. С. Муромцевским, К. Регамэ, Э. Гранелли.

«Я ее победил, роковую любовь...». Впервые — «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 5. Вошло в издание 1886 г. В СпК1, правленном Апухтиным, эпиграф, взятый из псалтыри (псалом 138): «Камо пойду от духа твоего, и от лица твоего камо бежу?» Список из собр. Ольденбургских (ГПБ) с разночт. Список в альбоме Е. И. и Л. А. Боратынских (ЦГАЛИ) с тем же эпиграфом и разночт. Датируется по СпК. Дата записи в альбоме Боратынских — 21 ноября 1879 г. Положено на музыку К. Ю. Давыдовым, З. А. Рейснер-Куманиной.

«Средь смеха праздного, среди пустого гула...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 517. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку Г. А. Гольденбергом, В. С. Муромцевским.

«Прости меня, прости! Когда в душе мятежной...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 361. Датируется по изд. 1898 г. Написано по мотивам старинного цыганского романса П. С. Федорова «Прости меня, прости, прелестное созданье! ..», известного также в обработке М. И. Глинки. Положено на музыку А. А. Олениным.

Пара гнедых. Впервые — изд. 1895 г., стр. 368. Датируется по изд. 1898 г. Переделка одноименного романса Сергея Ивановича *Донаурова* (1839—1897), поэта, переводчика и композитора-дилетанта (им переведены, в частности, тексты некоторых романсов П. И. Чайковского на французский язык). По данным Ф. Н. Малинина, подзаголовок является шуткой. Стихотворение Апухтина положено на музыку Прыжевым.

Богиня и певец. Впервые — изд. 1895 г., стр. 360. Датируется по изд. 1898 г. По-видимому, стихотворение не является пере-

водом из Овидия, а написано по мотивам его элегий. *Овидий* — см. стр. 335.

Цыганская песня. Впервые — изд. 1895 г., стр. 354. Датируется по изд. 1898 г. Написано по мотивам известного цыганского романса на слова В. И. Красова; первая строка этого романса использована в качестве эпиграфа. Стихотворение Апухтина положено на музыку Н. Маныкиным-Невструевым, С. М. Волконским, Г. Л. Катуаром.

Два голоса. Впервые — изд. 1886 г., стр. 188. Датируется по изд. 1898 г. Посвящено *Зыбиным* Софье Александровне и ее дочери Екатерине Кирилловне, в замужестве Остен-Сакен (1845—1923). Впоследствии Е. К. Остен-Сакен вспоминала, как на одном из музыкальных вечеров у С. Я. Веригиной «Апухтин, заслушавшись Зыбиных, экспромтом написал стихотворение «Два голоса», посвященное им и впоследствии без малейшей поправки вошедшее в его сборник» (письмо к А. В. Жиркевичу от 14 января 1907 г. — МТ).

«Мне не жаль, что тобою я не был любим...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 159. В СпК1 другой текст 2-й строфы:

Мне не жаль, что бесплодные слезы текли
В одинокий, полуночный час,
Что упреки мне на душу камнем легли,
Что проклятья душили не раз...

2-я строфа печатного текста в первой тетради Карцова переписана отдельно под заглавием: «2-й куплет к „Мне не жаль...“». Датируется по СпК; приписка: «Петербург». В изд. 1898 г. дата — 1880-е годы. Положено на музыку Д. Николаевым, Н. Киршбаумом, А. В. Щербачевым, Д. К. Сартинским-Беем.

Разбитая ваза. Подражание стихотворению «La vase brisé» Сюлли-Прюдома. Впервые — «Album de madame Olga Kozlow». М., 1883, стр. 153; «Новь», 1884, № 4, стр. 543, без подзаголовка. Печ. по изд. 1886 г., стр. 213. В СпК1 первоначальный подзаголовок «Из Сюлли-Прюдома» исправлен Апухтиным на «Подражание Сюлли-Прюдому»; приписка Карцова: «Списано мною с рукописи А. Н.». Датируется по изд. 1898 г. Дата записи в альбоме Козловой: 19 октября 1882 г. После публикации стихотворения в «Нови»; в «Петербургской газете» (1884, № 348, 18 декабря) появилась заметка «К сведению г. Апухтина», в которой поэт обвинялся в том, что выдал стихотворение Прюдома за свое. Незаслуженное обвинение было опровергнуто Вольфом (там же, № 350, 20 декабря); тем не менее отношения Апухтина с «Новью» были испорчены (см. примечание к стихотворению «Мухи», стр. 342). *Сюлли-Прюдом* — псевдоним французского поэта Рене-Франсуа-Армана Прюдома (1839—1907). Автограф его стихотворения «La vase brisé» есть в альбоме Козловой, стр. 149. Положено на музыку А. С. Аренским, А. А. Оппель.

«Когда любовь охватит нас...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 366. СпК2 правлен Апухтиным. Список Жедринских (фонд Апухтина, ЦГАЛИ) с разночт. и датой: «Приблизительно 1883—1884». Датируется по изд. 1898 г. *Как предки наши, мы с гонцами* и т. д. Имеется в виду просьба, с которой русские послы, согласно легендарной версии, обратились к варяжским князьям: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; идите княжить и владеть нами».

Воспоминание. Печ. впервые по СпК2, где имеется приписка: «Рыбница». Датируется предположительно по времени посещения Апухтиным имения Рыбница.

«День ли царит, тишина ли ночная...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 141. В СпК1 дата: май 1881 г., но стихотворение было положено на музыку П. И. Чайковским в числе 6 романсов, посвященных А. В. Панаевой, уже в июле-августе 1880 г. Возможно, что стихотворение для романса было передано Апухтиным композитору еще в марте 1880 г., во время концерта А. В. Панаевой, составленного из произведений Чайковского (см. «Музыкальное наследие Чайковского». М., 1958, стр. 447). Положено на музыку также Ф. Ю. Бенуа.

Памятная ночь. Впервые — изд. 1896 г., стр. 523. Датируется по СпК1.

На Новый 1881 год («Вся зала ожидания полна...»). Впервые — изд. 1895 г., стр. 328. Датируется предположительно.

К поэзии. Впервые — изд. 1886 г., стр. 134. В первой тетради Карцова под этим названием помещены два стихотворения, из которых первое является вариантом публикуемого в настоящем издании. Оба стихотворения написаны, по-видимому, под впечатлением террористической деятельности «Народной воли», завершившейся убийством Александра II 1 марта 1881 г. На эту мысль наводит дата, выставленная в СпК1 над текстом. Стихотворение посвящено певице Александре Валерьяновне *Панаевой* (1853—1942), впоследствии жене друга Апухтина — Г. П. Карцова. Ей же посвящены и многие другие стихотворения Апухтина, в том числе «Год в монастыре», «Певица», «День ли царит, тишина ли ночная...», «Перед судом толпы коварной и кичливой...». В распоряжении А. В. Панаевой-Карцовой были автографы, письма и альбомы со стихотворениями Апухтина. Частью они были переданы ею в Литературный музей и находятся сейчас в ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой), остальное, по-видимому, погибло в 1942 г. в Ленинграде. *От насилий, измен и коварства* и т. д. В этих строках, как и во всем стихотворении, содержится полемика с Н. А. Некрасовым. Ср. в поэме «Рыцарь на час»:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови

Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Отравленное счастье. Впервые — изд. 1895 г., стр. 326. Датируется по изд. 1896 г.

На Новый год («Безотрадные ночи! Счастливые дни!..»). Впервые — изд. 1886 г., стр. 167. СпК2 правлен Апухтиным. Датируется предположительно. (В изд. 1896 г. озаглавлено «1882».)

«Из отроческих лет он выходил едва...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 526. Печ. по СпК1.

Письмо. Впервые — изд. 1886 г., стр. 96. Датируется по СпК2. Апухтин предполагал опубликовать «Письмо» в «Северном вестнике», о чем писал 3 октября 1885 г. Г. П. Карцову, но своего намерения не осуществил. Позднее был написан и «Ответ на письмо» (см. стр. 221 и примечание, стр. 354). Стихотворение получило широкое распространение и входило в эстрадный репертуар многих известных артистов.

Бред. Печ. впервые по СпК2.

Музе. Впервые — изд. 1895 г., стр. 342. Печ. по СпК2, где имеется приписка: «СПб.».

Ссора. Впервые — изд. 1886 г., стр. 122. СпК2 правлен Апухтиным. Датируется по изд. 1898 г.

«О да, поверил я. Мне верить так отрадно...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 527. Печ. по СпК2. Датируется по изд. 1898 г.

«Люби, всегда люби! Пускай в мученьях тайных...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 330. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку А. И. Тиме, В. С. Муромцевским, Я. Ф. Пригожим, В. А. Золотаревым, Г. А. Гольденбергом.

«О, скажи ей, чтоб страсть роковую мою...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 332. Стихотворный отрывок из не дошедшего до нас письма Апухтина Г. П. Карцову. В СпК2 вместе с отрывком «Увидя почерк мой, ты вряд ли удивишься...», под общим заглавием «Отрывки письма», с припиской А. В. Панаевой: «Жоржу». Датируется по СпК. Карцов Георгий Павлович (1862—1930) — гвардейский офицер, один из ближайших друзей Апухтина, племянник П. И. Чайковского, с 1885 г. муж А. В. Панаевой. На внутренней стороне обложки первой тетради Карцова рукой Апухтина записано следующее стихотворение, датированное 6 октября 1882 г.:

К стр. 196

Г. КАРЦОВУ

Настойчиво, прилежно, терпеливо,
Порой таинственно, как тать,
Плоды моей фантазии ленивой
Ты в эту вписывал тетрадь.

Укрой ее от любопытных взоров,
Не отдавай на суд людей,
На смех и гул пристрастных приговоров
Заветный мир души моей!

Когда ж улягусь я на дне могилы
И, покорясь своей судьбе,
Одну лишь память праздного кутилы
Оставлю в мире по себе, —

Пускай тебе тетрадь напомнит эта
Сердечной дружбы нашей дни,
И ты тогда забытого поэта
Хоть добрым словом помяни!

Год в монастыре. Впервые — «Русская мысль», 1885, № 1, стр. 292. Вошло в изд. 1886 г. СпК2 — с разночт. Датируется по изд. 1898 г. В ЦГАЛИ (фонд Апухтина) сохранился черновой автограф, написанный карандашом, в последнем слое очень близкий к печатному варианту. Приводим наиболее существенные черновые варианты:

1 декабря

ст. 26: Российских умников с акцентом иностранным

11 января

Вместо ст. 8—10:

И с детства, как во мне, в нем крепко мысль засела
Монахом быть. Он всё перечитал,
Что о монашестве написано от века.
И в образец себе избрал
Он Алексея божья человека.
Лелея в тайне мысль свою,
Однажды он покинул дом, семью

В списке Жедринских (ЦГАЛИ) сохранилось посвящение к «Году в монастыре», адресованное, очевидно, А. В. Панаевой (см. о ней на стр. 349):

О, возврати мне вновь огонь и вдохновенье,
И светлую любовь недавней старины,
И наших первых встреч счастливое волненье,
И красотой твоей навеянные сны!

Останови на мне чарующие взоры,
Когда-то ласково встречавшие мой стих,
Дай мне услышать вновь былые разговоры,
Доверчивый рассказ надежд и дум твоих.

Опять настрою я ослабленную лиру,
Опять я жить начну, не мучась, но любя,
И пусть погибну я — но на прощанье миру
Хочу я бросить песнь, достойную тебя.

А. В. Жиркевич со слов Апухтина рассказывает, как создавался «Год в монастыре» (поэт называл его поэмой): «Апухтин... не писал ее систематически, по определенному, заранее обдуманному плану, а, задавшись темой, набрасывал поэму отдельными местами, пряча исписанные листки, без всякого порядка, в особый ящик. Затем, когда таких листков набралось достаточно, рассортировал он весь этот случайный материал, привел его в известную последовательность, систему, причем кое-что поневоле должен был отбросить» («Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 500). В основу некоторых эпизодов стихотворения положены жизненные наблюдения. Так, во время поездки летом 1866 г. с П. И. Чайковским на остров Валаам поэт был свидетелем события, которое изображено в истории послушника Кирилла. Основная работа над «Годом в монастыре» была завершена летом 1883 г. в Рыбнице. В течение осени — зимы автор неоднократно читал его в кругу друзей и лиц, мнением которых дорожил. «В скольких руках перебывала эта рукопись и скольким лицам она читалась, начиная с первого чтения на твоем новоселье на Кирочной», — писал он 2 марта 1885 г. Г. П. Карцову (фонд Панаевой-Карцовой, ЦГАЛИ). Только в марте 1884 г. Апухтин решил опубликовать свое произведение. По-видимому, в этом решении сыграли роль и денежные обстоятельства. Во всяком случае, Апухтин сам так объяснял, и тогда и впоследствии, свое намерение печататься после более чем десятилетнего перерыва. Сначала поэт предложил «Год в монастыре» «Русскому вестнику». 15 марта 1884 г. представитель журнала в Петербурге Б. М. Маркевич сообщил М. Н. Каткову, что у него был Апухтин и заявил о своем желании сотрудничать в «Русском вестнике». «Он предлагает Вам... для начала поэму свою «Год в монастыре», о которой Вы слышали в бытность Вашу здесь и которую автор читал с огромным успехом во многих здешних гостиных. Вещь действительно прекрасная» (ПД). Сговориться с «Русским вестником» Апухтину, видимо, не удалось, и поэма появилась в «Русской мысли». «А наша поэма напечатана хорошо, — писал Апухтин Г. П. Карцову 23 января 1885 г. — Есть всего одна опечатка, и то неважная...». «Год в монастыре» имел успех, «подписка на «Русскую мысль» вследствие этого усилилась» (письмо Г. П. Карцову от 3 февраля 1885 г.). В периодической печати появилось сразу же несколько критических отзывов (В. П. Мещерского в «Гражданине», 1885, № 8, 27 января; В. П. Буренина в «Новом времени», 1885, № 3214, 8 февраля; П. Л. Вакселя в «Journal de St-Petersbourg», 1885, № 25, 27 января). Апухтин внимательно

следит за ними и отмечает их в письмах к Г. П. Карцову. «Год в монастыре» был любимым детищем Апухтина. «Ты не можешь себе представить, — писал он 2 марта 1885 г. Г. П. Карцову, — с каким особенным чувством начал перелистывать рукопись этой квазипоэмы, которую я не могу разлюбить, несмотря на то, что она обесчещена типографским станком. Не только каждая глава ее пережита мною, но и писание каждой главы имеет свою историю». «Годом в монастыре» открывались три прижизненных сборника Апухтина. *Приукажен* — приписан указом к месту узаконенного жительства. *Ризничий* — монах, заведующий кладовой (ризницей) церковной одежды и утвари. *Канон Дамаскина* — торжественное рождественское песнопение на слова Иоанна Дамаскина (ум. ок. 754), византийского философа и богослова. *Здесь Новый год встречают в сентябре.* По церковному (допетровскому) календарю, Новый год начинался с сентября. *Великий канон* — покаянное великопостное богослужение. Отрывок в тексте представляет собой поэтический пересказ фрагментов канона. *Левит* — священнослужитель у древних евреев. *Стихира* — церковное песнопение на библейские мотивы. *Псалом* — религиозное песнопение, входящее в состав псалтыри. *Рясофорное постриженье* — первая степень пострижения в монахи с одеванием рясы. Отрывок из «Года в монастыре» — «Она была твоя. . .» — положен на музыку Ц. А. Кюи, А. В. Анохиным, А. Т. Гречаниновым, А. С. Аренским, М. И. Ивановым, Г. Базилевским, Г. А. Гольденбергом. М. А. Данилевской написана симфоническая оратория «Год в монастыре» и опера «Призрак» на сюжет той же поэмы, поставленная на сцене Мариинского театра в Петербурге в сезон 1911—1912 гг.

«Оглашении, изыдите!» Впервые — изд. 1886 г., стр. 130. СпК1 правлен Апухтиным. Датируется по изд. 1898 г. *«Оглашении, изыдите!»* — возглас во время литургии, по которому «оглашенные» — люди, объявленные готовящимися принять христианство, — обязаны покинуть храм.

Памяти Нептуна. Впервые — изд. 1895 г. стр. 358, без строк 13—24, опущенных, видимо, редакторами издания. Восстанавливаем здесь эти строки по СпК2. Датируется по изд. 1898 г.

Во время болезни. Впервые — изд. 1895 г., стр. 370, без строк 21—24, опущенных, видимо, редакторами издания. Восстанавливаем здесь эти строки по СпК2. В СпК приписка А. В. Панаевой: «Жоржу» <Г. П. Карцову> (см. о нем на стр. 350).

Певица. Впервые — изд. 1886 г., стр. 114. Автограф карандашом с разночт. — в ЦГАЛИ (фонд Апухтина). Датируется по СпК2, где имеется приписка А. В. Панаевой: «Мне».

Позднее мщение. Впервые — изд. 1886 г., стр. 185. Датируется по СпК2.

«Письмо у ней в руках. Прелестная головка...». Печ. впервые по автографу (фонд Апухтина, ЦГАЛИ). Датируется по СпК2, где имеется приписка А. В. Панаевой: «Мне».

«Два сердца любящих и чающих ответа...». Печ. впервые по СпК2, где имеется приписка А. В. Панаевой: «Мне». Написано незадолго до свадьбы А. В. Панаевой и Г. П. Карцова.

«О, будьте счастливы! Без жалоб, без упрека...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 331. В СпК2 приписка А. В. Панаевой: «Нам». Датируется по изд. 1898 г. и дате женитьбы Карцова.

Пешеход. Печ. впервые по автографу в письме Апухтина к Г. П. Карцову от 24 февраля 1885 г. из Петербурга (фонд Панаевой-Карцовой, ЦГАЛИ). В письме говорится: «Посылаю тебе единственное стихотворение, мною законченное». Датируется по СпК2.

Ответ на письмо. Впервые — изд. 1896 г., стр. 528. Печ. по автографу в архиве И. Н. Жданова (ПД) Датируется по СпК2, где, как и в его же списке в собр. Ольденбургских (ГПБ), текст издания 1896 г. Написано в форме ответа на «Письмо» (см. стр. 189) В «Казанском телеграфе» (1895, № 608, 7 февраля) было напечатано сообщение Н. Юшкова о том, что до «Ответа» Апухтин будто бы сочинил экспромтом «Телеграмму»:

Простите, виноват кругом!
Когда меня с таким вы ждали жаром,
Я был дежурным по пожарам
Подробности письмом...

И страсть, широкая как море — отзвук стихотворения А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...»: «Мою любовь, широкую, как море...». Заключительный отрывок («Прости мне тон письма небрежный...») положен на музыку А. Рессером; со слов «Всё спит кругом...» — Г. Э. Конюсом.

«Как пловец утомленный, без веры, без сил...». Впервые — изд. 1886 г., стр. 176. Датируется по СпК2.

Старая любовь. Впервые — изд. 1886 г., стр. 174.

Памяти прошлого. Впервые — изд. 1886 г., стр. 214. Положено на музыку Г. Э. Конюсом.

Перед операцией. Впервые — «Исторический вестник», 1894, № 4, стр 300. Печ. по автографу в архиве И. Н. Жданова (ПД). В СпК2 и в его же списке в собр Ольденбургских (ГПБ) текст «Исторического вестника». В изд. 1898 г. дата: октябрь 1888. Датируется по списку Карцова в собр. Ольденбургских. Публикация в «Историческом вестнике» сопровождена заметкой Д. Д. Оболен-

ского, в которой говорится, что стихотворение было получено от Апухтина в 1891 г. для сборника в пользу голодающих, который задумано было издать при участии Л. Н. Толстого.

Старость. Впервые — «Русское обозрение», 1891, № 1, стр. 74. Печ. по изд. 1893 г., стр. 233. Сохранилось 4 списка «Старости» с отличиями от журнальной редакции и изд. 1893 г.: 1 — СпК2. 2 — его же в собр. Ольденбургских (ГПБ), 3 — в «Онегинском собрании» (ПД), 4 — список Г. Ф. Челищева в собр. В. И. Яковлева (ПД). В изд. 1898 г. дата — 1887. Датируется по списку Карцова в собр. Ольденбургских.

«Проложен жизни путь бесплодными степями...». Впервые — «Русский вестник», 1891, № 2, стр. 183. Вошло в изд. 1893 г. Два автографа: в собр. Ольденбургских (ГПБ) и в альбоме № 1 А. В. Жиркевича, с его припиской: «Стихотворение, посвященное в 1888 г. моей жене, в память знакомства ее с А. Н. Апухтиным» (МТ). Положено на музыку А. А. Олениным, Ф. Ю. Бенуа.

Из бумаг прокурора. Впервые — «Вестник Европы», 1889, № 4, стр. 695. Печ. по изд. 1893 г., стр. 219, с восстановлением по автографу строки (между 78-й и 79-й): «Что для него горят небесные светила...», пропущенной, видимо, по ошибке. В архиве А. Ф. Кони (ПД) сохранился автограф, подаренный Кони Апухтиным, озаглавленный «Последняя ночь», с авторскими поправками и двумя вставками на отдельных листах. Правленный текст в последнем слое в основном совпадает с текстом изд. 1893 г. Датируется по СпК2, где текст и заглавие автографа, и приписка: «СПб.». Приводим основные варианты «Вестника Европы»:

Стр. 233, ст. 24:

Что позавидовать мне смог бы сатана!

Стр. 234, вместо ст. 34—39:

О, эти блага жизни... Я охотно
Их отдал бы давно за веру юных дней,
Когда смотрел я беззаботно
На лица злобные людей

«Из бумаг прокурора» не имеет подзаголовка «поэма», но в письмах автор называл произведение поэмой. История его создания изложена отчасти в воспоминаниях А. Ф. Кони (На жизненном пути, т. 2. М., 1916, стр. 132—134) и вырисовывается из сохранившейся переписки Апухтина с Г. П. Карцовым, А. Ф. Кони и А. В. Жиркевичем. Как сообщает А. Ф. Кони, Апухтин заинтересовался «статистическими данными и содержанием предсмертных писем самоубийц» и впоследствии сообщил Кони, что работает над поэмой, которая «косвенно будет касаться и Вас». Очевидно, это было в 1886—1887 гг. 9 сен-

тября 1888 г. Апухтин писал Г. П. Карцову: «„Последняя ночь"... почти готова, и я пользуюсь твоим отсутствием, чтобы сокращать и уничтожать, ибо, вопреки твоему мнению, нахожу, что для поэзии „в многоглаголании несть спасения"» (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Спустя некоторое время Апухтин сообщил Кони, что вещь окончена, но он не считает себя вправе «пускать ее в обращение», не прочитав ему (Кони ошибается, относя это письмо к 1885—1886 гг., так как оно отправлено с Кирочной ул., д. 23, где Апухтин жил с лета 1888 г.). А. Ф. Кони, как писал Апухтин 9 апреля 1889 г. А. В. Жиркевичу, «нашел поэму совсем верной в психологическом смысле» и настаивал на включении двух отрывков, по поводу которых Апухтин сомневался (письмо опубликовано в «Историческом вестнике», 1906, № 11, стр. 498). После выхода поэмы в «Вестнике Европы», где она получила новое название (возможно, по совету Стасюлевича), Апухтин интересовался впечатлением, произведенным ею на читателей, и просил А. В. Жиркевича сообщать ему «свои и чужие замечания». Не соглашаясь с Жиркевичем, приписавшим поэме автобиографический смысл, Апухтин подчеркнул, что он главным образом хотел обратить внимание на «эпидемический характер болезни». «Раз самоубийство сделалось почти ежедневным явлением жизни, оно может служить предметом для поэзии». И далее: «Вы очень метко указали на ее главный недостаток, т. е. на то, что самоубийство недостаточно мотивировано. Я сам это чувствовал, но изменить не мог. Если бы была какая-нибудь ясно-определенная причина, то совершенно устранился бы эпидемический характер болезни, на который я хотел обратить внимание («Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 498). *«Ищите женщину»* — перевод французского выражения «Cherchez la femme».

К. Д. Нилову. Впервые — изд. 1898 г., стр. 267. *Нилов* Константин Дмитриевич — морской офицер, знакомый Апухтина; впоследствии — адмирал, принадлежал к ближайшему окружению Николая II.

«О, не сердись за то, что в час тревожной муки...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 363. Датируется по изд. 1898 г. Положено на музыку В. С. Муромцевским

«„Прощай!" — твержу тебе с невольными слезами...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 362. Датируется по изд. 1898 г. В первой строфе отзвук стихотворения А. К. Толстого «Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...». *Мой путь уныл.* Ср. у Пушкина: «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе...» («Элегия»). Положено на музыку В. С. Муромцевским, Г. Л. Катуаром.

Сумасшедший. Впервые — «Вестник Европы», 1890, № 12, стр. 704. Печ. по изд. 1893 г., стр. 239. Стихотворение входило во все дореволюционные чтецы-декламаторы, было очень популярным в эстрадном и любительском декламационном репертуаре; с большим успехом исполнялось артистом П. Н. Орленевым. Известно, что

«Сумасшедшего» любил декламировать молодой Блок. *Да, васильки, васильки* и т. д. Этот отрывок с некоторыми искажениями получил распространение как популярный мещанский романс. Положено на музыку для мелодекламации Н. Киршбаумом.

На бале («Ум, красота, благородное сердце и сила...»). Печ. впервые по автографу (ПД).

«Опять пишу тебе, но этих горьких строк...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 533.

«Всё, чем я жил, в чем ждал отрады...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 534. Автограф в собр. Ольденбургских (ГПБ) В списке неустановленного лица (фонд Апухтина, ЦГАЛИ) заглавие «Твои слова» и дата: 1870-е годы. Положено на музыку Г. Э. Конюсом.

«Перед судом толпы коварной и кичливой...». Впервые — изд. 1896 г., стр. 534. По данным Ф. Н. Малинина со слов А. В. Панаевой, стихотворение было получено ею вслед за последним посещением больного поэта. В ее альбоме к стихотворению приписка: «После посещения А. Н на Миллионной — он был уже плох». Дата в изд. 1896 г. — 1892 — очевидно, неверна: на Миллионную ул. Апухтин переехал в 1893 г.

«Вот тебе старые песни поэта...». Печ. впервые по автографу в недатированном письме к С. С. Татищеву (ПД). Датируется предположительно на основании упоминания в одном из писем к Татищеву (по-видимому, того же периода) о смерти В. Д. Заики, последовавшей в 1893 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

Орфей и паяц. Печ. впервые по СпК1. *Орфей* (греч. миф.) — поэт, певец, изобрел музыку и стихосложение; его пение очаровывало не только людей и животных, но даже камни.

К человеческой мысли. Печ. впервые по СпК1, правленному Апухтиным.

«Ты говоришь: моя душа — загадка...». Печ. впервые по СпК2.

«К ней в пустую гостиную голубь влетел...». Печ. впервые по СпК2.

«Когда, в объятиях продажных замирая...». Печ. впервые по автографу (ПД).

Бессонница. Печ. впервые по СпК2.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Перо. Печ. впервые по СпХ2. *Фемида* (греч. миф.) — богиня права; иносказательно: правосудие, закон. *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия; иносказательно: возмездие. *Фиглярин* — презрительное прозвище, данное Пушкиным реакционному журналисту, агенту III Отделения Ф. В. Булгарину (1789—1859). *Юдоль* — жизнь с ее заботами и печалями; жребий, участь. *Лавочка в Гороховой.* На Гороховой улице в Петербурге находился Дом градоначальника. *Как меч Суворова, ты Гоголя разил.* Реакционная критика во главе с Булгариным враждебно встретила выход первого тома «Мертвых душ», обвинив писателя в безнравственности, клевете, антихудожественности и т. п.

Желание славянина. Впервые — «Нива», 1918, № 30, стр. 466, в статье П. В. Быкова «Литературное наследие Апухтина (Юмористические стихотворения, впервые появляющиеся в печати)». Датируется по СпХ2. «Перепев» стихотворения Лермонтова «Узник». В стихотворении содержатся сатирические выпады против характерной для славянофилов идеализации русской старины. *Мурмолка* — меховая или бархатная шапка с плоской тульей.

Гений поэта. Впервые — там же. Печ. по СпХ2. В «Гении поэта» Апухтин дружески высмеивает стихотворные опыты П. И. Чайковского.

Первое апреля. Впервые — изд. 1895 г., стр. 380, без 4-й строфы. Печ. по СпХ2, где имеется приписка: «СПб.». В 4-й строфе упоминаются товарищи Апухтина по Училищу правоведения, а также петербургские кондитерские и рестораны. *«Пчелка»* — раздел газеты «Северная пчела», где помещались статьи Ф. В. Булгарина (см. о нем выше).

П. Чайковскому («Нет, над письмом твоим напрасно я сижу. . .»). Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар, по получении письма». *Попов* Аполлон Андреевич (ум. 1885) — воспитатель и преподаватель истории в Училище правоведения *(наш критик Пухты и Платона)*. *Пухта* Георг Фридрих (1798—1846) — немецкий юрист, автор учебников по правоведению. *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. *Павлодар* — родовое имение Апухтиных в Козельском уезде Калужской губернии, где будущий поэт проводил летние каникулы. *Стихи обоих «К».* Очевидно, речь идет о товарищах Апухтина по Училищу правоведения, писавших стихи (один из них — Каратаев). *Лего* — кондитерская в Петербурге.

Пародия («Боже, в каком я теперь упоении. . .»). Впервые — «Иллюстрация», 1858, № 12, стр. 187, в журнальном обзоре, анонимно, по-видимому без ведома автора. В СпК2 и СпХ приписка: «В лазарете». Пародия на стихотворение А. А Фета «Лесом мы

шли по тропинке единственной...», напечатанное во второй январской книжке «Русского вестника» за 1858 г. Одновременно в журнале были помещены стихотворения Григория Петровича *Данилевского* (1829—1890), Алексея Николаевича Плещеева (1825—1893), подписанные *А. П—в,* и Аполлона Николаевича *Майкова* (1821—1897). *Флюгер-поэт.* Майков был известен неустойчивостью своих политических взглядов. Пародия Апухтина быстро распространилась в литературных кругах. Ее приводит в своем дневнике Т. Г. Шевченко в записи от 23 марта 1858 г. (Дневник, М., 1954, стр. 259). Е. А. Колбасин 17 марта 1858 г. сообщает И. С. Тургеневу: «Апухтин написал великолепную пародию на стихотворение Фета, напечатанное в «Рус<ском> вестн<ике>». Если угодно, то я вам в следующем письме сообщу и подлинник и пародию» (И. С. Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, стр. 354). Ниже приводится стихотворение Апухтина (СпК2), являющееся извинением за «Пародию» (в СпХ1 датировано 2 июля 1858 г.):

А. А. ФЕТУ

Прости, прости поэт! Раз, сам того не чая,
На музу ты надел причудливый убор;
Он был ей не к лицу, как вихорь — ночи мая,
Как русской деве — томный взор!

Его заметила на музе величавой
Девчонка резвая, бежавшая за ней,
И стала хохотать, кривляяся лукаво
Перед богинею твоей.

Но строгая жена с улыбкою взирала
На хохот и прыжки дикарки молодой,
И, гордая, прошла и снова заблистала
Неувядаемой красой.

Брат поэта В. Н. Апухтин вспоминал, что стихотворение «А. А. Фету» было написано в связи с приездом И. С. Тургенева и А. А. Фета в усадьбу Апухтиных во время поездки на охоту: «Фет, встретив нас, младших детей, обратился <к нам> со словами: «Где ваш старший брат, я приехал надрать ему уши!» И долго не могли разыскать Алекс<ея> Николаевича, пока не нашли со стихами...» (письмо к А. В. Жиркевичу, февраль 1906 г. — МТ).

Русской гетере. Впервые — «Искра», 1860, № 38, стр. 40, подпись: Сысой Сысоев. Датируется по СпХ; в первом из них приписка к заглавию: «Е. М. А—ой». *Гетера* — в древней Греции женщина свободного образа жизни, отличавшаяся артистическими способностями и образованием. *Приап* (греч. миф.) — бог сладострастия.

Ожидание. Впервые — «Искра», 1860, № 28, стр. 303, подпись: Сысой Сысоев. *Ламартин* Альфонс (1790—1869) — фран-

цузский поэт, историк и политический деятель. По всей вероятности, стихотворение является пародией не на Ламартина, а на представителей «чистой поэзии» 1840—1850-х годов, в частности на А. Н. Майкова (имеются в виду его антологические стихотворения).

ВЕЛИКОСВЕТСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Впервые — «Искра», 1860, № 29, стр. 312, с подписью: Сысой Сысоев, с общей датой и припиской: «Красное село».

В альбом. *Е. Е. А.* — возможно, Евдокия Евграфовна Апухтина, жена П. Ф. Апухтина, дяди поэта.

Каролине Карловне Павловой. СпК2 без подзаголовка. *К. К. Павлова* (1807—1893) — поэтесса и переводчица, ее поэма «Кадриль» была напечатана в январских и февральских книжках «Русского вестника» за 1859 год.

Элегия. Впервые — «Искра», 1861, № 13, стр. 200, подпись: С. Сысоев. *Дютш* Оттон Иванович (1825—1863) — композитор и дирижер, его опера «Кроатка, или Соперница», поставленная в Петербурге 9 декабря 1860 г., после семи представлений сошла со сцены. *Лазарев* Александр Васильевич — бездарный и самовлюбленный композитор, автор нелепых «ораторий», усиленно занимался саморекламой *Серов* — см. стр. 361. *Кроат* — хорват.

Красному яблочку червоточинка не в укор. Впервые — «Искра», 1862, № 49, стр. 690, подпись: Сысой Сысоев. В СпК2 приписка: «„Искра“, 1859 г.». В журнале в списке действующих лиц были названы фамилии исполнителей:

Граф . .	Г. Башкиров
Графиня	Г-жа Орлова
Князь .	Г. Сосницкий
Слуга	Восп. Сихра

Дюссо — ресторан в Петербурге *И дым отечества мне сладок и приятен* и *Когда подумаю, кого вы предпочли* — цитаты из «Горе от ума» А. С. Грибоедова, первая слегка изменена. *«Сын отечества»* — еженедельный журнал; издавался в 1856—1861 гг. под редакцией А. В. Старчевского; пользовался популярностью в обывательской среде. С 1862 г. — газета.

К портрету И. В. Вернадского. Впервые — «Гудок», 1862, № 5, стр. 38, подпись: Сысой Сысоев. *Вернадский* Иван Васильевич (1821—1884) — экономист, профессор Петербургского уни-

верситета, редактор журнала «Экономический указатель» (1857 — 1861) и других экономических изданий.

К портрету А. Н. Серова. Впервые — «Нива», 1918, № 30, стр. 467. Датируется по СпК1. *Серов* Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик, с 1867 г. издавал журнал «Музыка и театр», выступал по вопросам музыкальной педагогики. *Ростислав* — псевдоним Феофила Матвеевича Толстого (1807—1881), писателя и музыкального критика, сотрудника «Северной пчелы» и «Московских ведомостей», идейного противника Серова. В стихотворении упоминаются оперы Серова «Юдифь» (1863) и «Рогнеда» (1865). Героиня первой из них, написанной на библейский сюжет, *Юдифь,* во имя спасения своего народа проникла во вражеский стан и, притворившись влюбленной в предводителя ассирийцев *Олоферна,* убила его. Героиня другой оперы, написанной по мотивам древнерусского предания, *Рогнеда,* подстрекаемая язычниками, покушалась на убийство своего мужа, киевского князя *Владимира.*

Совет молодому композитору. Впервые — изд. 1896 г., стр. 539. *Серов* — см. предыдущее примечание. *«Не так живи, как хочется»* — опера Серова, написанная на сюжет одноименной пьесы А. Н. Островского (впоследствии получила название «Вражья сила»).

«Когда будете, дети, студентами...». Впервые — «Гражданин», 1873, № 40, стр. 1086, анонимно. Печ. по СпК2, правленному Апухтиным. В списке в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ) текст с разночт. и другим расположением строк. Датируется по изд. 1898 г. Стихотворение было очень популярным, входило во все дореволюционные чтецы-декламаторы. *Кент* — герой трагедии Шекспира «Король Лир». *Пеперменты* — мятные лепешки от кашля.

Японский романс. Печ. впервые по СпК2. Датируется предположительно. Стихотворение является откликом на русско-японские отношения второй половины 1860-х годов. Усиление колонизации о. Сахалина русским правительством с целью превращения его в место ссылки вызвало беспокойство со стороны Японии, до этих пор беспрепятственно пользовавшейся природными богатствами острова. *Грант* Улисс Симпсон (1822—1885) — американский генерал и государственный деятель, командовавший войсками северных штатов во время гражданской войны в США. *Торжок, Старица* — русские города. *Сколков* Иван Григорьевич (1814—1879) — генерал, в 1866 г. возглавивший т. н. сибирскую экспедицию по расследованию положения политических ссыльных.

В. А. Вилламову. Впервые — изд. 1895 г., стр. 384. В СпК1 дата: 1871. *Вилламов* Владимир Александрович (1837—1889) — поэт, писавший под псевдонимом Владимир Сулковский. *Не назы-*

вай меня небесным и т. д. — видоизмененные строки из стихотворения Н. Ф. Павлова «Романс» («Не называй ее небесной и у земли не отнимай»), положенного на музыку М. И. Глинкой.

В. А. Жедринскому. Печ. впервые по СпК2, где имеется приписка: «Киев». *Жедринский* Владимир Александрович (1851—1892) — один из ближайших друзей Апухтина, в 1860—1870-х годах вел записи его стихов. В первой тетради Карцова к стихотворению «О цыганах» есть приписка (Апухтина?): «Что вписано в тетр<ади> Володиной, то до 1874». Тетради В. А. Жедринского не сохранились.

По поводу назначения М. Н. Лонгинова управляющим по делам печати. Впервые — «Нива», 1918, № 30, стр. 469. *Лонгинов* Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф, историк литературы, в 1867—1871 гг. был губернатором в Орле, в 1871 г. был назначен начальником главного управления по делам печати. *Варле* Габриэль (1810—1867) — французский актер, в 1845 г. был приглашен в труппу Михайловского театра в Петербурге.

По поводу юбилея Петра Первого. Впервые — «Нива», 1918, № 30, стр. 467. Датируется по СпК1, где имеется приписка: «Карлсбад». Написано в связи с празднованием 30 мая 1872 г. двухсотлетия со дня рождения Петра I (1672—1725). В мае—июне 1872 г. Апухтин лечился на курорте в Карлсбаде, где обычно бывало много русских. *Раз, приехавши в Карлсбад* и т. д. Петр I лечился на водах в Карлсбаде в 1711 и 1712 гг. *Шпрудель* — главный минеральный источник в Карлсбаде. *С треском бороды летят.* Петр I в 1698 г. ввел обязательную стрижку бород у придворных. В бумагах А. В. Жиркевича (МТ) к списку этого стихотворения, сделанного, по-видимому, со слов одного из братьев Апухтина, есть приписка: «Апухтин сенатор за взяточн<ичество> при П<етре> был бит батогами».

Злопамятность духовенства. Впервые — там же. Датируется по связи с предыдущим стихотворением. *Он патриарха сократил.* В 1721 г. Петр I взамен патриаршества учредил Святейший синод, подчинив таким образом церковь царю. *Кустодиев* Константин Лукич — протоиерей православной церкви в Карлсбаде; во время празднования двухсотлетия со дня рождения Петра I произнес длинную проповедь. По этому поводу ему же была адресована другая эпиграмма Апухтина (изд. 1895 г., стр. 387):

По всевышней воле бога
Был твой спич довольно пуст.
Говорил хотя ты много,
Всё же ты не Златоуст.

Молитва больных. Печ. впервые по СпК1, где имеется подзаголовок «Ей же», т. е. С. Я. Веригиной, которой адресована и предшествующая в тетради Карцова эпиграмма (изд. 1895 г.):

С. Я. ВЕРИГИНОЙ

Напрасно молоком лечиться ты желаешь,
Поверь, леченье нелегко:

Покуда ты себе питье приготовляешь,
От взгляда твоего прокиснет молоко...

Датируется по связи с приведенной эпиграммой и по времени пребывания Апухтина в Карлсбаде. Софья Яковлевна Веригина — петербургская светская дама, меломанка. *Убо* — ибо, потому что. *Шпрудель* — см. стр. 362.

«„Жизнь пережить — не поле перейти!“...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 396, с заглавием: «Из записок ипохондрика». Печ. по автографу в альбоме В. Б. Бертенсона (ГПБ), где дата записи: 29 июня 1890 г. Сохранились еще два автографа с разночт.: 1 — в письме к П. П. Мещерскому от 21 мая <1874>, без заглавия (говорится, что это надпись к портрету); 2 — в альбоме О. П. Козловой (ПД), где озаглавлено «К моему портрету» и дата записи: 31 марта 1887 г. СпК2 с заглавием «Из записок ипохондрика» и разночт. Датируется на основании письма к П. П. Мещерскому.

Певец во стане русских композиторов. Впервые — изд. 1895 г., стр. 388. СпК2 правлен Апухтиным, с подстрочными примечаниями его же рукой. Датируется по изд. 1898 г. и на основании времени постановки опер, упомянутых в стихотворении. Пародическое использование произведения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» имело литературную традицию, начало которой было положено пародией К. Н. Батюшкова «Певец в Беседе славяноРоссов» (см. об этом примечание А. А. Морозова в книге «Русская стихотворная пародия». «Библиотека поэта», Л., 1960, стр. 711). В стихотворении Апухтина имеются в виду споры, которые велись в прессе 1860—1870-х годов вокруг новой русской музыкальной школы, известной под именем «могучей кучки». Споры шли, в частности, о путях развития русской оперы. В пародии эти споры освещены в какой-то мере с позиции друга Апухтина П. И. Чайковского. Расхождения во взглядах «кучкистов» и П. И. Чайковского особенно выявились к 1870-м годам. *Одни речитативы.* Речитатив широко использовался в творчестве «кучкистов». Вопрос о речитативе и мелодии в опере был одним из предметов дискуссии. *Шашина* — очевидно, салонная певица 1850-х годов. *Орфей* — см. стр. 357. *Стасов* Владимир Васильевич (1824—1906) — искусствовед, художественный и музыкальный критик, идеолог и пропагандист «могучей кучки». ...*Корсаков, в ведомостях прославленный маэстро* и т. д. Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844—1908), композитор, участник «могучей кучки», был инспектором морских хоров (а не начальником морских оркестров, как ошибочно указал Апухтин). Композитор и музыкаль-

ный критик, «кучкист» Цезарь Антонович *Кюи* (1835—1918) в газете «С.-Петербургские ведомости» вел музыкальное обозрение, выступая, в частности, в защиту творчества Римского-Корсакова. *Садко* —герой русского былинного эпоса, певец и музыкант, спускавшийся на дно морское; Римский-Корсаков написал симфоническую картину «Садко» (1867). *Ты, Мусоргский, посредством нот Расскажешь всё на свете* и т. д. Представитель «могучей кучки» композитор Модест Петрович Мусоргский (1839—1881) в своих вокальных и фортепьянных циклах (имеются в виду скерцино «Швея», песня «По грибы» на слова Л. А. Мея, камерно-вокальный цикл «Детская. Эпизоды из детской жизни») стремился к реалистической образности музыки. *Годунов.* Имеется в виду опера Мусоргского «Борис Годунов», написанная на сюжет одноименной трагедии Пушкина. *Ратклиф* — герой оперы Ц. Кюи «Вильям Ратклиф», написанной на сюжет одноименной трагедии Г. Гейне. *...Бах бывал пред ним виновен.* Ц. Кюи в своих статьях отрицал роль классического наследия, в частности критически относился к творчеству немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха (1685—1750). *Зачем, Эдвардс, твой меч в крови* — перефразированные слова из старинной шотландской баллады, которую в опере «Вильям Ратклиф» поет старая ключница Маргарета. *Афанасьев* Николай Яковлевич (1820—1898) — скрипач и композитор. *Кашперов* Владимир Николаевич (1827—1894) — композитор, автор оперы «Гроза». *Фитингоф* — Фитингоф-Шелль Борис Александрович (1829—1901), композитор, автор оперы *«Мазепа»*. *Сантис* Михаил Людвигович (1826—1879) — композитор; его опера «Ермак» не имела успеха. *Бородин* Александр Порфирьевич (1833—1887) — композитор, представитель «могучей кучки». *День Бородина* — игра слов по сходству фамилии Бородина и названия знаменитого сражения Отечественной войны 1812 г. *Рубинштейн* Антон Григорьевич (1829—1894) — композитор, пианист, основатель Петербургской консерватории; автор оперы «Демон» на сюжет поэмы Лермонтова. *Ларош* Герман Августович (1845—1904) — русский музыкальный критик и композитор, автор оперы *«Кармозина»*. *«Кузнечик-музыкант»* — поэма Я. П. Полонского, автора либретто оперы П. И. Чайковского на гоголевский сюжет «Кузнец Вакула» (во 2-й редакции — «Черевички»). *Исполать* — хвала, слава. *Направник* Эдуард Францевич (1839—1916) — русский композитор и дирижер, капельмейстер Мариинского театра в Петербурге, руководил первыми постановками опер Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского. *Опоковано* — по-видимому, искаженное чешское opakovat — бис.

Дилетант. Впервые — изд. 1896 г., стр. 539, с другим расположением строф. Печ. по СпК2, правленному Апухтиным. Дата в изд. 1898 г. — в 1860-х годах — неверна. Датируется на основании упоминания о М. Н. Лонгинове; его цензорская деятельность протекала в 1871—1875 гг. Стихотворение пародически использует «Мою родословную» Пушкина и направлено против передовой демократической литературы и журналистики 1860-х годов. *Россия встала ото сна.* Ср. у А. С. Пушкина: «Россия встанет ото сна...» («К Ча-

адаеву»). *Камбек* Лев Логинович — журналист, редактор-издатель еженедельника «Петербургский вестник» (1861—1862), известный своим обличительством мелких нелепостей общественной жизни. *Россинант* — конь Дон-Кихота, героя одноименного романа Сервантеса. *Вифанский, Гиероглифов*. Апухтин подчеркивает недворянский характер этих фамилий. П. Н. Вифанский — беллетрист, сотрудник «Современника»; Александр Степанович Гиероглифов (1824—1900) — журналист, редактор еженедельника «Русский мир». *Хрия* — семинарская риторическая речь. *Жупел* — горящая сера, смола. *Что Пушкин не был идиот, Что выше сапогов Бетховен*. В этих строках Апухтин высмеивает и вульгаризирует эстетические взгляды представителей демократической критики, в первую очередь Писарева. *Стрижом, лукошком, бутербродом* — намек на журнальную полемику 1860-х годов. «Стрижами» М. Е. Салтыков-Щедрин прозвал Ф. М. Достоевского и сотрудников его журнала «Эпоха»; «лукошко» и «бутерброд» — выражения из полемики критика «Современника» М. А. Антоновича с журналом демократического направления «Русское слово». *Соллогуб* Владимир Александрович (1814—1882), писатель, и *Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878), поэт и критик, — в 1860-е годы стояли на позициях, враждебных передовой литературе и журналистике. *Лонгинов* — см. стр. 362. *Минаев* Дмитрий Дмитриевич (1835—1889) — поэт, сотрудник демократических изданий 1860-х годов: «Современника», «Русского слова», «Искры», «Гудка» и др.

Эпиграмма («Тимашев мне — ni froid, ni chaud...»). Впервые — изд. 1898 г., стр. 299, где фамилия Тимашева обозначена: Т—в. *Тимашев* Александр Егорович (1818—1893) — министр внутренних дел (1868—1878), на досуге занимался скульптурой.

К назначению В. К. Плеве. Впервые — «Русский архив», 1908, № 11, стр. 409. *Плеве* Вячеслав Константинович (1846—1904) — реакционный государственный деятель; с 1881 г. был директором департамента полиции, с 1884 г. — товарищем министра внутренних дел. *Плевако* Федор Никифорович (1843—1908) — адвокат, славившийся ораторским искусством.

Надпись на своем портрете. Впервые — изд. 1895 г., стр. 395. Автограф, озаглавленный «Жоржу», на обратной стороне фотографии поэта, подаренной Апухтиным Г. П. Карцову (см. о нем на стр. 350), — в ЦГАЛИ (фонд Панаевой-Карцовой).

Послание графу А. Н. Граббе во время его кругосветного плавания на великокняжеской яхте «Тамара». Впервые — изд. 1895 г., стр. 397. Датируется по изд. 1896 г. *Граббе* Александр Николаевич — офицер, знакомый Апухтина. *Княжна Тамара, дочь Гудала* — героиня поэмы Лермонтова «Демон».

П. Чайковскому («К отъезду музыканта-друга...»). Впервые — «Нувеллист», 1893. № 8, стр. 5. Печ. по СпК2. В изд. 1898 г. дата — 1880-е годы. Датируется предположительно: написано, по-видимому, к отъезду П. И. Чайковского в Англию в 1893 г. *Фуга* — одна из основных форм многоголосного стиля в музыке, построенная на принципе повторения разными голосами одной темы. *Бекар* — нотный знак, отменяющий повышение (диез) или понижение (бемоль) звука.

Стихотворения 1853—1858 годов

К родине. Впервые — изд. 1895 г., стр. 253. Датируется по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар». Написано по приезде из Петербурга, где Апухтин учился в Училище правоведения, на первые каникулы в родное село Павлодар. Наиболее раннее из напечатанных стихотворений Апухтина. «Мне было девять лет, — рассказывал о себе молодой поэт, — когда я написал первое стихотворение, которое теперь затеряно, но содержанием которого служила, сколько мне кажется, религиозная молитва. В других стихотворениях, написанных мною дома, я воспевал то гения, то луну, то добродетель. Из этих заглавий уже видно, что я не обращал никакого внимания на собственные впечатления, а повторял с чужого голоса старые, избитые мысли. ...Одиннадцати лет я поступил в Училище. Целый год не мог я привыкнуть к новой жизни, в которую судьба меня забросила, и поэтому всё, написанное мною в это время, носит на себе отпечаток грусти, жестокой безотрадной тоски» (письмо от 14 февраля 1856 г. к П. А. Валуеву. — ПД).

Цветок. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар».

Два поэта. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар». Возможно, стихотворение навеяно лирическим отступлением в начале 7-й главы первой части поэмы Гоголя «Мертвые души».

Старая дорога. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Москва». По-видимому, стихотворение написано под впечатлением поездки Апухтина по т. н. старой Калужской дороге, заброшенной после постройки московского тракта.

Первый снег. Печ. впервые по СпХ2. В стихотворении сказалось влияние А. С. Пушкина. Ср.: «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...».

Эпаминонд. Впервые — «Русский инвалид», 1854, № 240, 6 ноября, подпись: «А. Апухтин. Воспитанник императорского училища правоведения 5 класса, 14 лет». В собр. Н. К. Пиксанова

(ПД) сохранился экземпляр издания на отдельном листе без даты. СпХ2 с подзаголовком «На смерть адмирала Корнилова». Список (или автограф?) в собр. П. Я. Дашкова (ПД) с разночт., озаглавлен «На смерть Корнилова Эпаминонд». Датируется по СпХ. «Эпаминонд» — первое печатное стихотворение Апухтина, помещенное в газете при содействии директора Училища правоведения А. П. Языкова. «Война... — рассказывал Апухтин полтора года спустя в письме к П. А. Валуеву, — дала новую пищу перу моему, и стихотворения, посвященные прославлению успехов русского оружия, обратили на меня внимание начальства Училища». Под впечатлением событий Крымской войны 1853—1856 гг. Апухтин написал стихотворения: «Молитва русских», «Чудеса», «Мысли в домике Петра Великого» и др., не включенные в настоящее издание. *Эпаминонд* — древнегреческий (фиванский) полководец; в сражении при *Мантинее* (362 до н. э.), во время которого фиванцы ценою больших потерь одержали победу над спартанцами, был смертельно ранен. *Корнилов* Владимир Алексеевич (1806—1854) — адмирал, герой Севастопольской обороны, 5 октября 1854 г. скончался от ранения, полученного при обходе позиций на Малаховом кургане. *Наварин* — морское сражение 8 октября 1827 г. в Наваринской бухте п-ва Пелопоннес, во время греческой освободительной войны, окончившееся поражением турецкого флота. В. А. Корнилов участвовал в этом бою на судне «Азов», особо отличившемся среди кораблей русской эскадры.

Зимой. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «СПб.».

Подражание арабскому. Впервые — «Русский инвалид». 1855, № 71, 2 апреля, подпись: «Воспитанник императорского училища правоведения 5 класса А. Апухтин, 14 лет». СпХ2 с разночт. Датируется по СпХ, где имеется приписка: «СПб.». «Подражание арабскому» было напечатано в газете при содействии директора Училища правоведения А. П. Языкова. В стихотворении очевидны черты подражания А. С. Пушкину («Подражание Корану») и М. Ю. Лермонтову («Три пальмы»). *Гяур* — название иноверца у магометан. *Синай* — полуостров и гора в Аравии. *Абушер* — Бушир, город и порт на берегу Персидского залива. *Море святое* — Мертвое море.

Голгофа. Впервые — изд. 1895 г., стр. 260. Датируется по СпХ2. В основу стихотворения положена евангельская легенда о распятии Христа и зарождении христианского вероучения. *Рамена* — плечи.

Май в Петербурге. Впервые — изд. 1895 г., стр. 262. Печ. по СпХ2. *В лазарете встретил я.* В годы учения Апухтин часто болел и много времени проводил в училищном лазарете. *Ванька* — извозчик.

Уженье. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар». *Нереиды* (греч. миф.) — нимфы моря.

Предчувствие. Печ. впервые по СпХ2. *А. П. Апухтина* — двоюродная сестра поэта.

Вечер. Впервые — изд. 1895 г., стр. 264. Датируется по СпХ2. *Вдали виднеются рассыпанные хаты.* Ср. у Пушкина: «Вдали рассыпанные хаты...» («Деревня»). Положено на музыку Г. Л. Катуаром.

Облака. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар».

Отъезд. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Орел». Написано в связи с отъездом после летнего отдыха на ученье в Петербург. Ниже приводится автопародия на это стихотворение по СпХ2 (датирована 1 сентября 1855 г.):

ПРИЕЗД

Пародия

Осенний дождь волною грязной
Так и мочил,
Когда к клячонке безобразной
Я подходил.

Смотрели грустно так и лужи,
И улиц тьма,
И как-то сжалися от стужи
Кругом дома.

И ванька мой к квартире дальной
Едва плелся,
И, шапку сняв, глядел печально,
На чай прося.

Няня. Печ. впервые по СпХ2.

Шарманщик Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «СПб.».

Петербургская ночь («Длинные улицы блещут огнями...»). Печ. впервые по СпХ2.

К славянофилам. Печ. впервые по СпХ2. *О чем шумите вы, квасные патриоты?* — «перепев» первой строки стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России»: «О чем шумите вы, народ-

ные витии?» В 1855 г. Апухтин написал стихотворное послание «К Х<омяков>у», в котором, в отличие от данного стихотворения, содержалась критика славянофилов справа. Апухтин упрекал А. С. Хомякова — одного из вождей славянофильства — в недостаточно уважительном отношении к николаевской монархии.

Деревенский вечер. Печ. впервые по СпХ2. Список в собр. П. Я. Дашкова (ПД) датирован: 24 февраля 1856 г. *Утомительно стучит.* Ср. у А. С. Пушкина: «утомительно гремит» («Зимняя дорога»).

Жизнь («Песня туманная, песня далекая...»). Впервые — изд. 1895 г., стр. 270. Датируется по СпХ2. *К. П. Апухтина* — двоюродная сестра поэта. Положено на музыку В. А. Березовским.

Шарманка. Печ. впервые по СпХ2. Посвящено матери поэта (см. о ней на стр. 326).

На Неве вечером. Печ. впервые по СпХ2.

Дорóгой. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Павлодар». Обращено к Петру Ильичу *Чайковскому* (1840—1893); с будущим композитором Апухтин сдружился в Училище правоведения.

Ожидание грозы. Печ. впервые по СпХ2. *Н. Д. Карпов* — близкий друг семьи Апухтиных; см. о нем стихотворение «Памяти Н. Д. Карпова», стр. 154, и примечание, стр. 343.

Осенняя примета. Печ. впервые по СпХ2.

Отрывок. Перевод отрывка из поэмы Мюссе «La nuit de mai». Впервые — изд. 1886 г., стр. 203. В СпХ2 заглавие «Из Альфреда Мюссе» и приписка: «СПб.». СпК1 правлен и датирован Апухтиным: «Написано еще правоведом в 1859 г.». Датируется по более вероятной дате в СпХ. *Мюссе* — см. стр. 334. Положено на музыку С. В. Рахманиновым, Н. Харито.

Ночь. Печ. впервые по СпХ2.

Божий мир. Печ. впервые по СпХ2. *Юферов* Владимир Николаевич (1839—?) — товарищ Апухтина по Училищу правоведения.

После бала. Печ. впервые по СпХ2.

«Напрасно в час печали непонятной...». Печ. впервые по СпХ2.

22 марта 1857 года. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Училище, вечером 22 марта». *Н. И. Мартынов* — товарищ Апухтина по Училищу правоведения.

Русские песни. Впервые — «Библиотека для чтения», 1862, № 1, стр. 161. Датируется по СпХ2. В СпК1 дата: 1859. *Володимир, князь святой* — Владимир Святославич (ум. 1015), великий князь Киевский, при нем произошло крещение Руси. С именем князя Владимира связано много произведений русского фольклора.

Первая любовь. Печ. впервые по СпХ2, где имеется приписка: «Старое».

Успокоение. Печ. впервые по СпХ2.

Серенада Шуберта. Впервые — изд. 1895 г., стр. 276. Датируется по СпХ2. По-видимому, вариант традиционного русского текста «Серенады», принадлежащего Н. П. Огареву. Стихотворение Огарева «Serenade» («Песнь моя, лети с мольбою...») является, в свою очередь, переводом стихотворения немецкого поэта Людвига Рельштаба (1779—1860) «Leise flehen meine Lieder durch die Nacht zu dir...». Слова Апухтина положены на музыку М. В. Анцевым, Б. Левензоном.

«Я знал его, любви прекрасный сон...». Впервые — изд. 1895 г., стр. 277, без 3-й строфы. Печ. по СпХ.

Комета. Перевод стихотворения П. Беранже «La comète de 1832». Впервые — изд. 1895 г., стр. 288. Печ. по СпХ2. СпХ1 — с разночт. В оригинале стихотворение имеет примечание Беранже: «Не следует забывать предсказания немецких астрономов, сделанные несколько лет тому назад, извещавшие о столкновении кометы с землей и гибель этой последней в 1832 г. Ученые из Парижской обсерватории нашли нужным противопоставить свои расчеты немецким собратьям».

В театре («Часто, наскучив игрой бесталанною...»). Печ. впервые по СпХ2. СпХ1 с разночт. «В театре» можно рассматривать как ранний вариант стихотворения «Актеры» (см. стр. 91).

Рассвет. Печ. впервые по СпХ.

К пропавшим письмам. Впервые — изд. 1895 г., стр. 292, под заглавием «К утерянным письмам». Печ. по СпХ; первый из них правлен Апухтиным.

Е. А. Х<востовой>. Впервые — изд. 1895 г., стр. 295, под заглавием «Е. А. Хвостовой». Печ. по СпХ; во втором из них последняя строка 2-й строфы взята в кавычки и к ней сделана сноска рукой Хвостовой: «Любовь мертвеца». Так стихотворение и печата-

лось во всех посмертных изданиях, хотя такой строки в стихотворении Лермонтова «Любовь мертвеца» нет. *Хвостова* Екатерина Александровна (1812—1868), урожденная Сушкова, в юности была близко знакома с М. Ю. Лермонтовым, посвятившим ей несколько стихотворений. Еще будучи воспитанником Училища правоведения, Апухтин был принят в доме Хвостовых. Тетради Хвостовой (см. о них на стр. 322) послужили источником большинства новых публикаций настоящего издания. *Иной поэт* — Лермонтов.

Мое оправдание. Впервые — изд. 1895 г., стр. 297. Печ. по СпХ. Навеяно стихотворением Лермонтова «Дума».

В вагоне. Впервые — изд. 1895 г., стр. 299. Печ. по СпХ, где имеется приписка: «Москва». Положено на музыку А. А. Олениным.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ[1]

---

[1] При расположении в алфавитном порядке заглавий, представляющих собой фамилии адресатов, имена и инициалы во внимание не принимаются.

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЙ АПУХТИНА, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

Романс («Что мне делать одинокому?..»). — Сп. Хвостовой. 27 августа 1852.

Летняя ночь. — Сп. Хвостовой. 19 сентября 1852.

Эпитафия («Она счастлива, да! Душа ее, не зная...»). — Сп. Хвостовой 28 октября 1852.

Жалоба поэта. — Сп. Хвостовой. 26 декабря 1852.

На Новый год («Как скоро прошел этот год перед нами!..»). — Сп. Хвостовой. 31 декабря 1852.

К гению. — Сп. Хвостовой. 3 апреля 1853.

Песнь сироты. — Сп. Хвостовой. 16 апреля 1853.

Жизнь («О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный...»). — Изд. 1895 г., стр. 255. 10 августа 1853.

Родина («Является ль солнце на небе высоком...»). — Сп. Хвостовой. 3 января 1854.

Убийца. — Сп. Хвостовой. 17 января 1854.

Молитва русских. — Сп. Хвостовой. Январь 1854.

Зачем? — Сп. Хвостовой. 8 февраля 1854.

Молитва перед причастием — Сп. Хвостовой. 26 февраля 1854.

На крещение в<еликой> к<нягини> Веры Константиновны. — Сп. Хвостовой. 7 марта 1854.

Весна («Вот повеял ветер с юга...»). — Сп. Хвостовой. 17 марта 1854.

На восстание греков. — Сп. Хвостовой. 29 марта 1854.

---

[1] В списке указаны: название стихотворения; первая публикация для напечатанных и автографы или списки для неопубликованных произведений; дата написания (приводится без обоснования). В список не вошли стихотворения, принадлежность которых Апухтину твердо не установлена: черновые автографы или списки в собрании П. Я. Дашкова (П. Д) («Твердят, что новь родит сторицей...» — опубликовано анонимно в «Историческом вестнике», 1892, № 1, стр. 145; «Есть одиночество в глуши...»; «В Париже был скандал огромный...»; «Средь толпы чужой...»); тексты романсов П. И. Чайковского: «Забыть так скоро...»; «Он так меня любил...» (см. о них на стр. 324).

Чудеса. — Сп. Хвостовой. 5 апреля 1854.
Молитвы дар. — Сп. Хвостовой. 13 апреля 1854.
Мысли в домике Петра Великого. — Сп. Хвостовой. 19 апреля 1854.
Песня («Ах! Зачем тебя, полевой цветок...»). — Сп. Хвостовой. 3 мая 1854.
Весна и осень. — Сп. Хвостовой. Май 1854.
Голос души. — Сп. Хвостовой. Май 1854.
Привет родине («Привет, о родина, я шлю тебе не лживый...»). — Сп. Хвостовой. 11 июня 1854.
Ночь в Гренаде. — Сп. Хвостовой. 25 июля 1854.
Пародия («Пьяные уланы...»). — Изд. 1895 г., стр. 379. 6 августа 1854.
Сонет. — Сп. Хвостовой. 14 августа 1854.
Ночная дума. — Сп. Хвостовой. 30 августа 1854.
Дума матери. — Изд. 1895 г., стр. 256. 5 сентября 1854.
Тоска. — Сп. Хвостовой. 10 сентября 1854.
Поэт. — Изд. 1895 г., стр. 258. 29 сентября 1854.
Пародия («И странно и дико, и целый мне век не понять...»). — Сп. Хвостовой. 7 ноября 1854.
Пародия («На севере диком стоит одиноко...»). — Сп. Хвостовой. 8 ноября 1854.
Скажи, зачем?.. — Сп. Хвостовой. 20 ноября 1854.
К Х<омяков>у. — Сп. Хвостовой. 24 марта 1855.
Ночью. — Сп. Хвостовой. 18 июня 1855.
Из Гейне (Пародия) («Вечер длится, тих и ясен...»). — «Нива», 1918, № 30, стр. 466. 31 июля 1855.
Близость осени. — Изд. 1895 г., стр. 265. 14 августа 1855.
Из Байрона (Пародия) («Пускай свой путь земной пройду я...»). — Сп. Хвостовой. 26 августа 1855.
Сиротка. — Изд. 1895 г., стр. 267. 1 октября 1855.
Апрельские мечты. — Сп. Хвостовой. Апрель 1856.
У рояли. — Сп. Хвостовой. 27 июля 1856.
31 июля 1856 года. — Сп. Хвостовой. 31 июля 1856.
«Еду я ночью... Темно и угрюмо...». — Сп. Хвостовой. 7 августа 1856.
Пловцы. — Сп. Хвостовой. 3 октября 1856.
Ответ анониму. — Изд. 1895 г., стр. 272. 29 октября 1856.
«Под бременем душевной пустоты...». — Сп. Хвостовой. 7 марта 1857.
Расчет («Волнений и тревог на поприще твоем...») — Сп. Хвостовой. 8 марта 1857.
Экспромт («Не пиши в воде чернилом...»). — «Нива», 1918, № 30, стр. 466. 10 марта 1857.
В. Адамову. — Сп. Хвостовой. 1 апреля 1857.
Подражание древним («В грезах сладострастных видел я тебя...»). — «Московский вестник», 1860, № 20, стр. 317. 2 июня 1857.
В постели. — Сп. Хвостовой. 9 июля 1857.
Сегодня мне исполнилось 17 лет. — Изд. 1895 г., стр. 278. 15 ноября 1857.
В альбом («В воспоминаньях о поэте...»). — Изд. 1895 г., стр. 286. Зима 1857.

Отъезд из Петербурга. — Сп. Хвостовой. 26 марта 1858.

Переправа через Оку. — Сп. Хвостовой. 28 марта 1858.

Подражание древним («Он прийти обещал до рассвета ко мне. . .»). — Изд. 1895 г., стр. 301. 6 апреля 1858.

«На голове невесты молодой. . .». — Сп. Карцова, сп. Хвостовой. 11 мая 1858.

«Я покидал тебя... Уж бал давно затих. . .». — Сп. Карцова, сп. Хвостовой. 4 июня 1858.

«О, как разрывают веселия звуки. . .». — Сп. Хвостовой. 11 июня 1858.

Картина. — Изд. 1895 г., стр. 304. 11 июня 1858.

Из Шиллера («Чуден был он, точно ангел рая. . .»). — Сп. Хвостовой. 15 июля 1858.

На бале («Из дальнего угла следя с весельем ложным. . .»). — Сп. Карцова, сп. Хвостовой. 5 декабря 1858.

M-me Вольнис. — Изд. 1895 г., стр. 312. 24 декабря 1858.

На Новый год («Радостно мы год встречаем новый. . .»). — Сп. Хвостовой. 1 января 1859.

Проблеск. — Сп. Хвостовой. 7 января 1859.

К *** («Когда с язвительной улыбкой. . .»). — Сп. Хвостовой. 20 января 1859.

Алине. — Сп Хвостовой. 20 февраля 1859.

Анастасии Александровне Хвостовой. — Сп. Хвостовой. 8 марта 1859.

«Видок печальный, дух изгнанья. . .». — Сп. Хвостовой. Вторая половина 1850-х годов.

Переводчику «Паризины». — «Нива», 1918, № 30, стр. 466. Вторая половина 1850-х годов.

Эпитафия («Се Снарский погребен: земля не имать срама. . .»). — «Нива», 1918, № 30, стр. 466. Вторая половина 1850-х годов.

«Мой бог! Мой бог! . .». Автограф в тетради Хвостовой. Конец 1850-х годов.

Стансы товарищам. — Памятная книжка правоведов XX выпуска 1859 года. СПб., 1894, ч. 2, стр. 12. 5 декабря 1860.

«Давно уж нет любви меж нами. . .». Автограф в тетради Хвостовой. 1863.

Among them, but not of them (Byron). — Изд. 1895 г., стр. 325. 1864.

Нине. — Изд. 1886 г., стр. 203. 1865.

Où est le bonheur (на франц. яз.). — Изд. 1895 г., стр. 340. 1865.

На модную картину, изображающую молящуюся даму. — Сп. М. И. Чайковского. 1868 или 1869.

Анатолию <Чайковскому> («Да будут все сии покровы. . .»). — Сп. М. И. Чайковского. 1 мая 1869.

Модесту <Чайковскому> («Жилет и галстук, о дружок. . .»). — Сп. М. И. Чайковского. 1 мая 1869.

Фея моря. — Сп. Карцова. 23 сентября 1869.

Плач Юстиниана — «Нива», 1918, № 30, стр. 466. 14 ноября 1869.

Модесту <Чайковскому> («Держи на привязи часы. . .»). — Сп. М. И. Чайковского. 24 декабря 1869.

Анатолию <Чайковскому> («Новейших дней Сарданапал. . .»). — Сп. М. И. Чайковского. 24 декабря 1869.

Сенатору Кастору Лебедеву. — «Нива», 1918, № 30, стр. 467. Конец 1860-х годов.

Княгине М. В. Воронцовой. — Сп. Карцова. Конец 1860-х годов.

«Пусть не любишь стихов ты; пусть будет чужда...». — Изд. 1886 г., стр. 173. 1870

С. Я. Веригиной при посылке портрета с нотами в руках (на франц. яз). — Сп Карцова. 1870.

«Почтенный Оливье, побрив меня, сказал...». — Сп. Карцова. 1870.

Спор. — «Нива», 1918, № 30, стр. 468. 14 июня 1871.

Русским бабам. — Сп. Карцова. 26 июня 1871.

Карлсбадская молитва. — Сп. Карцова. Июнь 1871.

Девице, занимающейся химией. — Сп. Карцова. 25 декабря 1871.

Недостроенный памятник. — «Гражданин», 1872, № 1, стр. 9. 1871.

«Коль из мужчин кому случится...». — Сп. В. Н. Апухтина в материалах А. В. Жиркевича (МТ). 1874.

Экспромт, сказанный в Ницце на вилле «Wermont». — Сп. Карцова. 1874.

М. А. Жедринской — Сп. Карцова. 10 июля 1875.

Непонятливость чехов. — Сп. Карцова. 1875.

Юрлов и кумыс. — Сп. Карцова. Начало 1870-х годов.

Равнодушный. — Изд. 1886 г., стр. 133. 1877.

М. Д. Жедринской («Всю ночь над домом, сном объятым...»). — Сп. Карцова. 25 июня 1879.

Гимн М. Д. Ж<едринской>. — Сп. Карцова. 9 июля 1879.

A une charmante personne (на франц. яз.). — Изд. 1895 г., стр. 386. 1870-е годы

В. М<ещерско>му. — Изд. 1895 г., стр. 333. 1870-е годы.

По случаю падения князя Суворова с лошади в Ницце. — «Нива», 1918, № 30, стр. 467. 1870-е годы.

Князь Таврический. Драматическая сцена. — Изд. 1895 г., т. 2, стр. 299. 1870-е годы.

А. А. Жедринскому («Не говори о ней! К чему слова пустые? ..»). — Сп. Карцова. Конец 1870-х годов.

Письмо М. Д. Ж<едринской>. — Сп. Карцова. 1880.

К поэзии («В те дни, когда широкими волнами...»). — Изд. 1898 г., стр. 198. 1881.

А. В. Панаевой. — Сп. Карцова, сп. Панаевой. 1 апреля 1882.

Царице. — Сп. Карцова. 20 декабря 1882.

Сон. — Изд. 1896 г., стр. 525. 1882.

Утешенная — Сп. Карцова. Февраль 1883.

«Увидя почерк мой, ты вряд ли удивишься...». — Сп. Карцова, сп. Панаевой. 12 ноября 1883.

Г. Карцову («Сегодня я в день твоего рожденья...»). — Сп. Карцова, сп. Панаевой. 10 декабря 1883.

Вопрос именинницы. — сп. Панаевой. 21 апреля 1884.

«Гоним сердечною тревогой...». — Сп. Карцова, сп. Панаевой. Август 1884.

Эхо. — Сп. Карцова, сп. Панаевой. 1884.

«Любил бывать на тоне я...». — Сп. Карцова. 1884.

«Стремяся в Рыбницу душою...». — Сп. Карцова. 1884.

Графу А. В. Адлербергу («Когда мы были с ней и песнь ее звучала...») — Сп. Карцова, сп. Панаевой. Январь 1885.

«Увлекшись личиком прелестным...». — Автограф в письме к Г. П. Карцову от 17 февраля 1885 г. (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Февраль 1885.

«Был поцелуй за «Год в монастыре»...». Автограф в письме к А. В. Панаевой 25 февраля 1885 г. (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Февраль 1885.

5 декабря 1885 года. — Изд. 1886 г., стр. 216. Июль 1885.

«Поведай нам, счастливый Кони...». — «Гражданин», 1885, № 12, стр. 15. Февраль 1885.

«Хоть говорит прекрасно Кони...» — Автограф в письмах к Г. П. Карцову с 20 сентября по 12 октября 1885 г. (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). Сентябрь—октябрь 1885.

Послание «К. Р». — Сп. в ПД, сп. в собр. Ольденбургских (ГПБ). 16 августа 1886. Стихотворение было напечатано (вырезка хранится в ПД), однако место публикации установить не удалось.

А. Г. Рубинштейну. — Изд. 1886 г., стр. 218. 1886.

«Вчера мне сон такой приснился...». — Автографы в собрании Ольденбургских (ГПБ) и в письме к Г. П. Карцову от 24 февраля 1887 г. (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). 23 февраля 1887.

Оле («Девочка милая, целыми днями...»). — Автограф в письме к Г. П. Карцову от 4 апреля 1887 г. (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). 4 апреля 1887.

Оле Карцовой («Исполнен жара и отваги...»). — Сп. Карцова. 1887.

«Слушай ты, почтарь...». — Автограф в письме к Г. П. Карцову от 26 июля 1888 г. (ЦГАЛИ, фонд Панаевой-Карцовой). 26 июля 1888.

По поводу крушения царского поезда 17 октября 1888 года. — Сп. Карцова. 1888.

М. Д. Ж<едринск>ой («Их гролле нихт. Письмом вы оскорбленье смыли...»). — Сп. Карцова. 1880-е годы.

«Когда, измученный бессонницы часами...». — Автограф в собр. Ольденбургских (ГПБ). 5 января 1890.

29 апреля 1891 года. — Изд. 1896 г., стр. 529. Май 1891.

Голос издалека. — Изд. 1895 г., стр. 375. Октябрь 1891.

«Давно ль, ваш город проезжая...». — Изд. 1896 г., стр. 530. 1891.

«О, что за облако над Русью пролетело...». — Изд. 1896 г., стр. 533. 1892.

«Когда ребенком мне случалось...». — Автограф в недатированном письме к С. С. Татищеву. 1893?

Жалоба крестьянки. — Автограф (ПД).

«Капитан Дон Хуан де Герреро...». — Сп. В. Н. Апухтина в письме к А. В. Жиркевичу от 5 июля 1906 г. (МТ).

A la statue de la Melancolie (на франц. яз.). — Сп. Карцова.

«Сидим мы тесною семьей...». — «Нива», 1918, № 30, стр. 465.

«Что слава нам? — любовь артиста...». — «Исторический вестник», 1906, № 11, стр. 483.

«Пускай я замолчу, — сады, поля и рощи...». — Сп. Карцова.

А. А. Ж<едринскому> («Привязывал к себе когда-то он сердца...»). — Сп. Карцова.

«Он любит музыку сердечно. . .». — Сп. Е. К. Остен-Сакен в письме к А. В. Жиркевичу от 12 марта 1907 г. (МТ).

Назначение кн<язя> Горчакова (на франц. яз.). — Сп. Карцова.

A monsieur N. S. (на франц. яз.). — Сп. Карцова.

«Мой муж злодей, пострел. . .». — Сп. Панаевой.

В альбом надоедливой дамы. — Сп. Карцова.

«Удивляюсь Андрею Катенину. . .». — Сп. Карцова.

«Мне всё равно, Бетховена ли звуки. . .». — Сп. А. В. Жиркевича (МТ).

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворения 1853—1858 годов

Апухтин Алексей Николаевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *И. В. Исакович*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Т. П. Калецкая*

Сдано в набор 29/III 1961 г. Подписано в печать 12/VI 1961 г. М-37318. Бумага $84 \times 108\,^1/_{32}$. Печ. л. $12^3/_4$ (20,91). Уч.-изд. л. 20,31. Тираж 30 000. Зак. № 539
Цена 79 коп.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3